

П.В. Морозов

Из дневника психиатра

Москва, 2021

MEDIAMEDICA

УДК 616.89(093.3)
ББК 56.14ю14
М80

П.В. Морозов

М80 Из дневника психиатра. М.: ММА «МедиаМедика», 2021 – 264 с.: ил.

В данном издании мы решили собрать под одной обложкой наиболее интересные публикации из «Дневника психиатра» (без новостных материалов) и предложить их нашим читателям. Медицина является частью культуры человечества. Из всех медицинских профессий именно психиатрия наиболее тесно связана с другими, самыми разными, частями культуры, да и не только культуры: литературой и историей, музыкой и живописью, политикой и психологией, телевидением и интернетом, театром и искусством танца. Именно поэтому в нашей книге читатель найдет главы, где и будут перекинута «мостики» к большинству из упомянутых сфер. Вместе с тем психиатрия-медицинская наука и очевидна ее связь с другими отраслями нашей профессии: неврологией, гериатрией, анатомией, вирусологией. Книга выходит в давней традиционной новогодней серии, которая распространяется, как всегда, бесплатно, в качестве подарка верным читателям.

УДК 616.89(093.3)
ББК 56.14ю14

© Оформление, ООО «ММА «МедиаМедика», 2021

ISBN 978-5-6040213-7-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
О ЛИТЕРАТУРЕ	5
О ГЕРИАТРИИ	22
О ПОЭЗИИ	36
О ПОЛИТИКЕ	71
ОБ АНАТОМИИ	98
О БАЛЕТЕ	104
О ЖИВОПИСИ	115
ОБ ИСТОРИИ	134
О ВИРУСОЛОГИИ	165
ПОДВИЖНИКИ НАУКИ	178
О ТВОРЧЕСТВЕ	211
О МУЗЫКЕ	233
И О ПСИХИАТРИИ	246

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня мы представляем на ваш суд новую книгу медицинского агентства «МедиаМедика», которая носит название «Из «Дневника психиатра», и в которой объединены целый ряд разнообразных материалов, публиковавшихся на страницах этого весьма популярного издания. В настоящее время газета практически перестала выходить в печатном виде, однако начала появляться на экранах компьютеров в форме онлайн под названием «Психея». Мы же решили собрать под одной обложкой наиболее интересные публикации из «ДП» (без новостных материалов) и предложить это нашим читателям.

Так как я являлся инициатором создания газеты и видеoverсии, то, естественно, несу полную ответственность за подбор содержания. Поэтому здесь очень много авторских материалов, моего личного, весьма субъективного, взгляда психиатра на ту или иную проблему. Именно поэтому книга называется скорее «П.В. Морозов. Из дневника психиатра».

Медицина является частью культуры человечества. Из всех медицинских профессий именно психиатрия наиболее тесно связана с другими, самыми разными, частями культуры, да и не только культуры: литературой и историей, музыкой и живописью, политикой и психологией, телевидением и интернетом, театром и искусством танца. Именно поэтому в нашей книге читатель найдет соответствующие главы, где и будут перекинуты «мостики» к большинству из упомянутых сфер. Часть из них будет намечена лишь пунктирно, в виде малоизвестных цитат, которые, по моему мнению, заставят вас по иному взглянуть на ту или иную хорошо известную проблему – «Дневник» не навязывает своего мнения, а лишь приводит факты. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что психиатрия – медицинская наука и очевидна ее связь с другими отраслями нашей профессии: неврологией, гериатрией, анатомией, вирусологией.

Данная книга выходит в давней традиционной новогодней серии, которая распространяется, как всегда, бесплатно, в качестве подарка верным читателям. С этого года направление деятельности агентства меняется, оно идет в ногу со временем и переходит к цифровой медицине, к более тесному общению в виртуальном пространстве, а за ним следуете и вы – более 200 000 врачей – преданных подписчиков, следящих за продукцией «МедиаМедика» уже третье десятилетие подряд.

Надеемся, что чтение «Дневника» в семейной атмосфере посленедельных каникул отвлечет вас от повседневных забот (а год был очень тяжелый), заставит немного поразмыслить и побудит еще более расширить круг ваших знаний о месте медицины и психиатрии, в частности, в современном меняющемся мире.

П.В. Морозов

Генеральный секретарь Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА),

Член Совета Европейской ассоциации психиатров,

Вице-президент Российского общества психиатров,

д.м.н., профессор кафедры психиатрии ФДПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва

Главный редактор журнала им.П.Б.Ганнушкина «Психиатрия и психофармакотерапия»

О ЛИТЕРАТУРЕ

Д.С.ЛИХАЧЕВ. ЗНАНИЕ – ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО.

Дневник психиатра. 2012; 02: 1-3

Д.С. Лихачев

П.В.Морозов: Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич, во-первых, мы хотим искренне поблагодарить Вас за то, что Вы нашли время ответить на вопросы нашего журнала. Мы сознаем, что Вы крайне занятой человек, и поэтому были приятно удивлены, когда Вы одним из первых поддержали идею создания в нашей стране Ассоциации охраны психического здоровья. В связи с этим наш первый вопрос: почему Вы это сделали, чем Вам лично близки идеи Ассоциации?

Д.С.Лихачев: Психически здоровый человек должен быть занят, поэтому не стоит удивляться, что я не снимаю с себя этой занятости и отвечаю Вам. Занятость – нормальное состояние нормального человека. Заболевание – испытывать неудовлетворенность от своей занятости, так же как, например, полная занятость мозга – образованность – признак здоровья мозга. Необразованность – ненормальное состояние, которое грозит человеку бедой (природа не терпит пустоты). В предпоследнем классе школы учитель литературы, который был также по образованию психиатром, прочел нам шесть лекций по психическим заболеваниям. С тех пор я убежденный сторонник, чтобы в школах коротко преподавали психологию и психиатрию. Знания (очень слабые) основ психиатрии чрезвычайно помогли мне в жизни. Я терпелив, терпим с людьми, которых подозреваю в психическом или нервном заболевании, и, когда нужно, знаю, как держать себя в руках (знаю, но не всегда, правда, пользуюсь этим знанием). Считаю, что в свои 84 года я сохранил душевное здоровье и нервы благодаря этим шести урокам, а также благодаря встречам и беседам с одним из представителей осужденной науки педологии. Психиатрию как часть гигиены следует преподавать в школах, хотя бы факультативно. Это незаметно способствовало бы оздоровлению обстановки в нашем обществе, на съездах, в советах и в предвыборных кампаниях.

П.В.Морозов: О традициях отношения к психически больным на Руси. Известно, что еще в Киевской Руси при монастырях создавались своеобразные прибежища для душевнобольных, им помогали, их оберегали и почитали. В просвещенной Европе пылали костры, сжигавшие больных под видом борьбы с ересью, борьбы за веру. Конечно, и в нашей стране охотились за ведьмами, но в целом русские, на наш взгляд, отличались высокой терпимостью и гуманным отношением к психически больным лицам. Так ли это, а если да, то с чем Вы это связываете?

Венецейцы, греки и мошава

Что ни день о русичах поют...

Д.С.Лихачев: Вы совершенно правы. При монастырях были больницы (с XI в.), а к душевнобольным (хотя не ко всем видам их) относились как к «божьим людям», которые среди невнятицы своих речей могут сказать и слово правды (см. Николку в «Борисе Годунове»).

П.В.Морозов: Насколько нам известно, Россия одной из первых создала и прообраз будущих специальных психиатрических больниц – тогдашних политических оппозиционеров с признаками душевного расстройства помещали в Спасо-Евфимиев монастырь в г. Суздале (там умер и похоронен декабрист князь Ф.П.Шаховской и менее известные диссиденты). Насколько данная форма преследования инакомыслия в историческом контексте является традиционной для России?

О, стонать тебе, земля родная,

Прежние годы вспоминая

И князей давно минувших лет!

Д.С.Лихачев: Не сразу, но постепенно юродивых, душевнобольных начали бояться власти. Под видом лечения их отправляли в монастыри, некоторые из которых имели больницы для умственно больных, отсталых и пр. Затем стали злоупотреблять этим. Гуманные акты обратились в свою противоположность. Мы стали следовать худшему в наших традициях и даже злоупотребили именем самого гуманного из психиатров – Сербского.

П.В.Морозов: К тому же вопросу: помните, Чаадаева за издание философических писем правительство Николая I признало сумасшедшим? Позднее чиновниками всерьез обсуждалось применение подобных мер и ко Льву Толстому. Какова, на Ваш взгляд, мера ответственности лекарей XIX в., привлеченных к подобным экспертизам?

Д.С.Лихачев: Вопрос заключает в себе ответ: мера ответственности не может быть неполной. Думаю, мы должны знать имена тех, кто шел в ногу со временем, и тех, кто сохранил свою честь врача.

*И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют Божьего суда!»*

П.В.Морозов: Вопрос о методах научного поиска. Какое место в научном исследовании Вы уделяете интуиции, психологическому моделированию ситуации? Насколько нам известно, подобный подход в значительной мере помог поэту Андрею Чернову в его поисках могилы казненных декабристов. При этом он прямо ссылаясь на опыт Анны Ахматовой при ее анализе некоторых произведений А.С.Пушкина. Присущ ли подобный метод исследования лишь поэтам?

Д.С.Лихачев: Интуиция – чудо, которое нельзя воспроизвести никакими машинами. Интуиция играет огромнейшую роль не только в литературоведении, в разных его дисциплинах, текстологии например, но даже в математике.

П.В.Морозов: Около 30 лет я слежу за Вашими работами по «Слову о полку Игореве». Мне кажется, что сейчас, в эпоху жестоких межнациональных конфликтов, это глубоко патриотическое произведение звучит с новой силой именно в связи с его интернациональным значением. В чем же секрет консолидирующей роли «Слова»?

*Кто же стяги древние хранит?
Эти – Рюрик носит, те – Давид.
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.*

Д.С.Лихачев: Русская литература всегда героизировала в войне лишь оборону, оборонные сражения. «Слово» осуждает Игоря, хотя и симпатизирует ему (это частое явление: мы можем наказать и осу-

дить своего ребенка, но любить его). Слово «поганый», встречающееся в «Слове», относится только к врагам-язычникам (см. латинское *paganus*).

П.В.Морозов: Определенная часть нашей интеллигенции высказывает сомнения в отношении успеха перестройки. Она связывает это с отсутствием демократических традиций в нашем обществе и связанных с этим трудностей при переходе к цивилизованному образу жизни. Первопричина же всех наших бед при этом видится в последствиях 240-летнего рабства под игом татаро-монголов. Считаете ли Вы, что подобная задержка исторического развития может сказываться до сих пор?

О Русская земля!

Ты уже за холмом.

Д.С.Лихачев: Демократические традиции на Руси всегда были очень сильны (княжеские снемы, веча, земские соборы – с установившимися традициями), но они сильно пострадали с европеизацией России при Петре I – пострадали все виды демократии, но стали возрождаться при Александре II, и очень успешно (ср. земство, крестьянские сходы и пр.). Новый перерыв – после разгона Учредительного собрания. Татаро-монгольское иго не сыграло той чрезвычайной роли, которая ему приписывается, хотя рабство – всегда рабство, если даже оно распространяется в сто раз хуже, чем рабство колхозного строя.

Мы же по иному замыслению

Эту повесть о године бед

со времен Владимира княженья

доведем до Игоровых лет.

П.В.Морозов: Сегодня мы пускаемся в трудный путь – начинаем издание нового журнала «Синапс». Понимая всю кажущуюся отдаленность профессии психиатра от профессий филолога и историка, музыканта или живописца (кстати, русский психиатр С.С.Корсаков полагал, что психиатрия наиболее близка философии), мы хотели бы Вас спросить, каким Вы хотели бы видеть наш журнал, что хотели бы пожелать его редакции, а заодно и читателям?

*Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе.*

Д.С.Лихачев: Психиатрия совсем не так далека от литературоведения и истории, как Вам кажется (см. работы А.М.Евлахова и др.). Ваш журнал будет иметь колоссальное значение, если уделит должное внимание массовым формам психопатий (эпидемиям однородных преступлений, психологии голосующих, психологии толпы на митингах, например), психологии общественных собраний, психологии митинговых ораторов, впадающих постепенно «в раж», психологии проработок и обвинительных кампаний, психологии диктаторов и «руководителей» (я имею в виду плохих руководителей), «лобной психике» (термин начала века – не знаю, употребляется ли он сейчас: я этот термин беру из одного киевского журнала по психиатрии, который читал лет 10 назад). Всего не перечислишь. Психические эпидемии – это болезни нашего железного века, и против них надо принимать меры, главным образом просветительского характера. Знание – лучшее лекарство.

*Долго длится ночь.
Но засветился
Утренними зорями восток.*

Интервью Дмитрия Сергеевича Лихачева было взято в далеком 1990 году для журнала «Синапс», иллюстрировано гравюрами художника В.А.Фаворского к «Слову о полку Игореве». Мы использовали также выдержки из этого великого произведения в переводе поэта Н.А.Заболоцкого.

Ж.В. СУСЛОВА. БЫЛ ЛИ ГАМЛЕТ БЕЗУМЕН?

Дневник психиатра. 2013; 03: 23-25

АВТОР: Ж.В. Суслова

О психическом статусе Гамлета писали многие. Множество споров велось о том, был ли Гамлет меланхоликом, страдал ли манией, неврозом, неврастенией, истерией, или же вовсе был симулянтом. На попытки проанализировать и понять характер Гамлета оказывали влияние господствовавшие в тот или иной момент времени теоретические основы изучения личности человека – так, в начале XX в. такой теорией был психоанализ. Одно ясно без сомнений: Гамлет – это сложный, загадочный персонаж, достаточно многогранный для того, чтобы вновь и вновь порождать бесконечные дискуссии, варианты описаний и классификаций. И своим появлением он, несомненно, обязан гению своего автора – Уильяма Шекспира. Как минимум три особенности характера Гамлета представляют интерес с точки зрения изучения эмоционального состояния – это его скорбь, любовная одержимость и безумие. Эти три аспекта, безусловно, тесно переплетаются между собой, но их не следует рассматривать иначе, как в качестве равных по своей силе и значимости. К одному из индикаторов внутреннего состояния в «Гамлете» может быть отнесена одежда персонажей. В «Гамлете» черный цвет символизирует траур и меланхолию, меланхолию в том смысле, как ее трактует Бертон в своем труде «Анатомия меланхолии», т.е. как состояние патологической невозможности действовать. Гертруда взывает к Гамлету (перевод Б.Пастернака): «Ах, Гамлет, полно хмуриться, как ночь!» (акт I, сцена II, 68), на что тот отвечает:

...Ни мрачность

*Плаща на мне, ни платья чернота,
Ни хриплая прерывистость дыханья,
Ни слезы в три ручья, ни худоба,
Ни прочие свидетельства страданья
Не в силах выразить моей души.
Вот способы казаться, ибо это
Лишь действия, и их легко сыграть,
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ.*

(акт I, сцена II, 77–86)

В этом фрагменте наглядно и очевидно родство между символом и его значением; если внешний атрибут представляет собой некоторую «игру», то то, что скрыто за ним, – истинно и «чуждается прикрас».

Но не только цвет одеяний выступает в качестве символа. Так, чуть позже рассказывает Офелия:

*Я шила. Входит Гамлет,
Без шляпы, безрукавка пополам,
Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок,
Трясется так, что слышно, как стучит
Коленка о коленку, так растерян,
Как будто был в аду и прибежал
Порассказать об ужасах геенны.*
(акт II, сцена I, 78–85)

Ее отец Полоний вопрошает: «От страсти обезумел?» (акт II, сцена I, 86). И снова – одежда и весь внешний вид Гамлета отражают крайнюю степень его душевного смятения, что дает Полонию повод предположить: «Здесь явный взрыв любовного безумья» (акт II, сцена I, 103), при этом «безумие» вполне можно понимать и буквально. Сейчас достаточно сказать, что этот атрибут – условно и предположительно – так же связан с внутренней жизнью персонажа, как и его движения и жесты, и в той же мере задает тон, создает атмосферу, расставляет акценты в повествовании так, чтобы раскрыть противоречивый внутренний мир героя перед читателем или зрителем. Этот прием, используемый драматургами, эксплуатирует нашу естественную склонность «встречать по одежке», судить о личности и характере человека, о благонадежности, верности и прочих его чертах по внешнему виду. Психиатры в своей работе тоже прибегают к этому способу интерпретации внутреннего мира человека: например, пестрый наряд может быть рассмотрен как признак экзальтированной личности, эйфории, т.е. указывать на манию. Какова природа меланхолии, от которой страдает Гамлет? «Платья чернота» – это лишь внешнее выражение того, что сам Гамлет описывает следующим образом:

«Недавно, не знаю почему, я потерял всю свою веселость и привычку к занятиям. Мне так не по себе, что этот цветник мироздания, земля, кажется мне бесплодную скалою, а этот необъятный шатер воздуха с неприступно вознесшейся твердью, этот, видите ли, царственный свод, выложенный золотою искрой, на мой взгляд – просто-напросто скопление вонючих и вредных паров. Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает!

Иллюстрация Б.А. Дехтерева

С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен Богу – разумеюем! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня и женщины тоже, как ни оспаривают это ваши улыбки»

(акт II, сцена II, 291–308).

Это не что иное, как ангедония, – неспособность радоваться и испытывать положительные эмоции от событий, которые в норме доставляют удовольствие. Гамлет утверждает, что природа его собственного состояния ему неясна; предположительно, причиной этому был не траур. Применительно к приведенному отрывку меланхолия – это не только грусть, но еще и невозможность чувствовать радость и получать удовольствие, невосприимчивость к любимым волнующим событиям и впечатлениям. Непостоянство и нерешительность также относятся к симптомам меланхолии. Знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть» (акт III, сцена I, 57) наглядно характеризует состояние его психики. Когда чувство уверенности и собственного достоинства подрывается меланхолией, это неизбежно отрицательно сказывается

на принятии решений, формировании собственного независимого мнения: эти процессы парализуются из-за неуверенности в себе и склонности предвидеть во всем только неудачный, катастрофический исход. В литературе меланхолия, как и сумасшествие, не могут не иметь под собой конкретного основания. Обязательно должна быть серьезная и вполне определенная психологическая причина. И эти поиски смысла и объяснений сильно идут вразрез с клинической практикой, где, несмотря на все усилия, явных и однозначных причин может так и не быть найдено, где отсутствие каких бы то ни было корней болезни и социальных предпосылок вполне допускается и зачастую не ставится под сомнение. Полоний, Клавдий и другие персонажи исследуют и пытаются объяснить поведение Гамлета. Наиболее вероятными причинами кажутся скорбь либо любовь. В свою очередь, это дает нам представление о том, чем объясняли сумасшествие во времена Шекспира. По мнению Бертона, скорбь от потери – это «жесточайшая пытка души, самая непостижимая скорбь, ядовитый червь, поедающий тело и душу и добирающийся до самого сердца, вечный убийца, бесконечная ночь, абсолютная тьма, ураган, буря, лихорадка, никак не желающая разрешиться, это жжет сильнее огня, это борьба без конца. Это изводит страшнее любого мучителя; никакие пытки, ни дыба, ни телесные наказания не могут сравниться с этим». Но и любовь, когда человек становится одержим ею, – «уже не любовь, а испепеляющая страсть, болезнь, безумие, сумасшествие, ад» (Джексон, 1932; с. 49).

Из приведенных цитат ясно, что в XVI в. (как раз, когда увидела свет работа Бертона) уже достаточно хорошо были сформированы такого рода близкие и понятные простому народу гипотезы, и людям не составляло большого труда применить эти бытовые представления к трактовке образа Гамлета. В «Анатомии меланхолии» Бертона приводятся описания телесных, внутренних ощущений и выразительных жестов. В театре жестикуляция исполняет роль транслятора: телодвижения, язык мимики и жестов призваны привлечь внимание к внутренней жизни героя. Слова короля Клавдия:

*До вас о том дошла, наверно, новость,
Как изменился Гамлет. Не могу
Сказать иначе, так не узнаваем
Он внутренне и внешне. Не пойму,
Какая сила сверх отцовской смерти
Произвела такой переворот
В его душе.*

(акт II, сцена II, 4–10)

Иллюстрация Б.А. Дехтерева

Сумасшествие Гамлета подтверждает и Полоний:

*Итак, раз краткость ест душа ума,
А многословье – тело и прикрасы,
То буду сжат. Ваш сын сошел с ума.
С ума, сказал я, ибо сумасшедший
И есть лицо, сошедшее с ума.*

(акт II, сцена II, 92–4)

По мнению Полония, корень душевного расстройства Гамлета – в любви к Офелии. Сумасшествие Гамлета было предметом большого числа исследований. Помимо прочего обсуждалось и то, был ли он душевнобольным или лишь симулировал болезнь. На «симптомы» его «безумия» интересно взглянуть и под другим углом – в попытке понять, было ли оно настоящим или ложным. В одном из эпизодов II сцены II акта Гамлет вроде бы понимает вопросы Полония, однако ответы на некоторые из них дает неверные:

Полоний. Вы меня знаете, милорд?

Гамлет. Отлично. Вы рыбный торговец.

Полоний. Нет, что вы, милорд!

(акт II, сцена II, 173–5)

Это – случай так называемого «мимоговорения», когда человек понимает адресованный ему вопрос, но в ответ сознательно говорит

о чем-то косвенном. Соответствующий пример из клинической практики. На вопрос: «Какого цвета трава?» пациент отвечает: «Белого». «Мимоговорение» может указывать либо на намеренную симуляцию, либо на неосознанное стремление достичь какой-то цели или создать определенное впечатление, и впервые оно было описано З.Ганзером по результатам наблюдения за преступниками, ожидавшими своего суда. Отвечая на вопрос о том, что он читает, Гамлет произносит следующий монолог:

«Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей и что у них совершенно отсутствует ум и очень слабые ляжки. Всему этому, сэр, я охотно верю, но публиковать это считаю бесстыдством, ибо сами вы, милостивый государь, когда-нибудь состаритесь, как я, ежели, подобно раку, будете пятиться задом»

(акт II, сцена II, 196–203).

И в ответ на это звучит знаменитая фраза Полония: «Если это и безумие, то в своем роде последовательное» (акт II, сцена II, 104). И далее: «Как пронизательны подчас его ответы! Находчивость, которая часто осеняет полоумных и которой люди в здравом уме иногда лишены...» (акт II, сцена II, 207–10). Здесь высказывается мысль о том, что в безумии, как и в речи безумца, все-таки присутствует некий смысл. И, более того, возможно, что в словах сумасшедшего может быть своя, особая правда, и за кажущейся спутанностью и нелогичностью скрывается куда более глубокая истина. Это позволяет предположить, что речь человека душевнобольного потенциально способна раскрыть очень многое, чего не услышишь от здорового человека. За поверхностной болтовней таится скрытый смысл, что часто выясняется в ходе бесед во время врачебных консультаций, – ведь с помощью речи мы как запутываем других, так и выдаем себя, причем не прямо, а косвенно. В речи сумасшедших это может быть выражено еще более ярко. В этом есть некоторый парадокс. То, что говорят душевнобольные люди, едва ли не по определению считается бессмыслицей, мало поддающейся пониманию. Но в литературе и драматургии слов и фраз без смысла быть не может. Поэтому в драматургии речь сумасшедшего персонажа, хотя и может казаться непонятной, но все же призвана выражать многое. В связи с этим высказываются мнения, что в литературе сумасшествие имеет своей целью разрушить границы буквальности, а речь таких героев – своего рода вызов социальным либо политическим порядкам своего

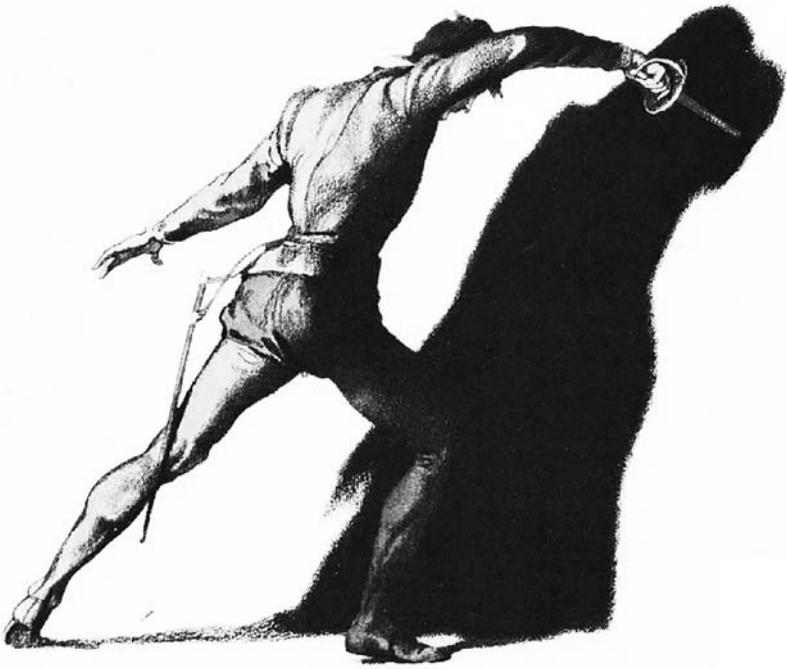

Иллюстрация Б.А. Дехтерева

времени. В «Гамлете» язык и речь являются инструментами демонстрации безумия. Одежда, жесты, выражение лица, поведение уже были рассмотрены нами как знаки, создающие у аудитории ощущение сумасшествия. Теперь к ним добавляется и язык. В «Гамлете» ту же роль играет и песня (песня Офелии). Взаимосвязь речи и сумасшествия (как обычной речи, так и песенной) в том смысле, что язык является маркером «нормальности» и «ненормальности», – один из любопытных аспектов драматургии. Речь душевнобольного, даже если с виду она ничем не отличается от обычной, все же должна иметь какие-то особенности, которые бы подчеркнули ее странность и странность безумия в целом. Вероятно, то, что речи сумасшедших людей нельзя рассматривать сквозь призму наших обычных представлений о речи, и подразумевалось в фразе Полония о «последовательности» в безумии. Это относится и к Офелии: «Но кто услышит, для того находка. Из этих фраз, ужимок и кивков выживает каждый, что захочет» (акт IV, сцена V, 5–6). Так и происходит процесс восприятия читателем произведения – путем индивидуальной интерпретации и придания значительности написанному, даже если очевидно отсутствие какого-либо буквального смысла.

Невозможно точно оценить, насколько стереотипы о безумии повлияли на «прорисовку» характера Гамлета как персонажа. Также сложно сказать, стал ли Гамлет тем героем, благодаря которому аудитория хоть сколь-нибудь приблизилась к пониманию сумасшествия, а также могло ли быть такое, что именно его образ в дальнейшем определил то, как сумасшествие теперь видится нам в жизни. Скорее всего верно и то и другое. Настоящее сумасшествие служило моделью для изображения его в литературе и на сцене, а сами персонажи формировали у зрителя определенное восприятие его в реальности, которое, в свою очередь, могло переноситься им уже в жизнь. Сумасшествие в повседневности (поведенческие черты, считающиеся отклонениями) так или иначе воспринимается сквозь призму того, какое поведение мы привыкли ожидать от душевнобольных, и то, с чем сталкиваются психиатры в своей практике, и актерская игра и изображение безумия на сцене близко связаны друг с другом. Гамлету является призрак отца, и вид его при этом приводит в ужас королеву: «Ты смотришь в пустоту» (акт III, сцена IV, 110), «Взлетают вверх концы твоих волос и строятся навывтяжку» (акт III, сцена IV, 115–6). Он ведет себя эксцентрично, живет недобрыми предчувствиями, подозрителен и насторожен, «рвет и мечет, как прибой, когда он с ветром спорит, кто сильнее» (акт IV, сцена I, 6). Все это лишний раз подтверждает, что он действительно был душевнобольным. И, наконец, Гамлет сам оправдывает себя:

*Все, чем мог задеть
Я ваши чувства, честь и положение,
Прошу поверить, сделала болезнь.
Ответственен ли Гамлет? Нет, не Гамлет.
Раз Гамлет невменяем и нанес
Лаэрту оскорбленье, оскорбленье
Нанес не Гамлет. Гамлет – ни при чем.
Кто ж этому виной? Его безумье.
А если так, то Гамлет сам истец
И Гамлетов недуг – его обидчик.
(акт IV, сцена II, 176–85)*

Мы рассуждали о взаимосвязи морального выбора и безумия, о структуре личности, страдающей душевным недугом, и о своеобразии и индивидуальности безумства. Эти проблемы не утратили своей актуальности и в современном мире.

П.В. МОРОЗОВ. «О «ПЕРВОЙ ЛЮБВИ» И.С.ТУРГЕНЕВА».

Дневник психиатра.

И.С. Тургенев

Недавно мир отпраздновал юбилей Ивана Сергеевича Тургенева. Так получилось, что я живу в Нескучном, в местах, непосредственно связанных с событиями, описанными в повести писателя «Первая любовь». Для дачного житья летом 1833 года Тургеневы наняли рядом с Донским монастырем, на Малой Калужской, дом надворной советницы А.Е.Энгельт, там, где находится ныне владение №15. Хорошая городская усадьба, дом с колоннами, сад, а в нем два грота. В соседнем владении жила с семьей вдова, княгиня Е.Е.Шаховская.

Покойный муж ее, князь Лев Александрович, был родным братом драматурга А.А.Шаховского (упомянут в «Евгении Онегине»), пытался как-то основать неподалёку, в своем имении, в Нескучном саду, водолечебницу. Его старшая дочь – Екатерина, 19-ти лет, была прихожанкой церкви Положения Ризы на Донской улице, о которой я здесь подробно рассказывал...

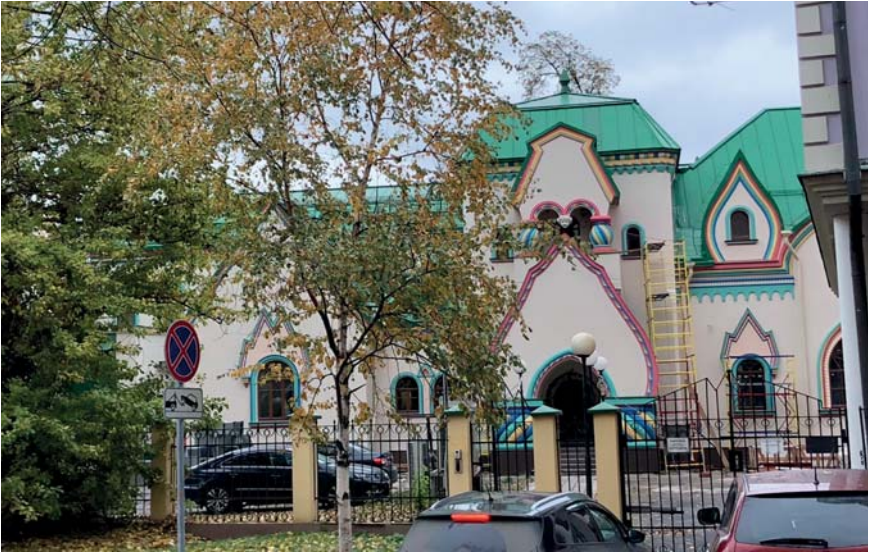
«Очень непросто было установить, что юная княжна с соседней дачи, и поэтесса Шаховская – одно и то же лицо-пишет исследователь творчества писателя Н.Чернов, но всё сошлось в одной точке: Екатерина Львовна, родившаяся 11 сентября 1815 года была той самой княжной, которую Тургенев называл своей "первой любовью" и избрал её прообразом Зинаиды Засекиной. Выявившиеся параллели между повестью Тургенева и поэтическими произведениями Шаховской дают повод ещё раз задуматься над художественной и эмоциональной атмосферой "Первой любви".

Конечно, решающее значение для разгадки случившегося имел намёк В.П.Тургеневой (матери писателя) на то, что её соперница – "поэтка".

Далее В.П.Тургенева напоминает обстоятельства последних дней жизни мужа. В её письме к сыну ясно читаются слова и даже целые фразы: "Несчастный ... замучила совесть ... кончил жизнь насильственной смертью ...". Ниже она передает рассказ из других уст о

Дача А.Е.Энгельт (1909 год), где проходили события, описанные в повести «Первая Любовь»

Современный вид места, где стояла дача Энгельта

том, как и при каких обстоятельствах Е.Шаховская узнала о смерти своего возлюбленного, отца Тургенева-Сергея Николаевича. Судя по контексту, от княжны скрывали трагическую весть, она узнала об

И.Печерникова в роли Зинаиды

этом случайно, когда находилась на одном из любительских спектаклей. Сложным было отношение писателя и к своей героине, и к её прототипу. Он сострадал этой понапрасну погибшей жизни, и в то же время не мог освободиться от связанных с Екатериной Шаховской тяжелых воспоминаний. Проклятие Варвары Петровны словно продолжало преследовать эту несчастную женщину. Дальнейшая её судьба передана Тургеневым в повести в значительной мере в соответствии с реальностью. В сентябре 1835 года, то есть без малого через год после смерти С.Н.Тургенева, Шаховская вышла замуж за Л. Х. Владимирову, 33-летнего вдовца, чиновника 10 класса.

Замужество княжны Шаховской мало сказать странное. Какой-то отчаянный жест, демонстрация. 22 июня 1836 года у Екатерины Львовны родился мальчик, названный Александром. Через шесть дней после родов мать скончалась...

В Петербурге, на Волковом кладбище (там же, где был похоронен ранее и отец писателя С.Н.Тургенев), в начале прошлого века ещё сохранялось небогатое надгробие над могилой Е.Л.Владимировой, в девичестве княжны Шаховской. На памятнике эпитафия:

«Мой друг, как ужасно, как сладко любить!

Весь мир так прекрасен, как лик совершенства»

Кто написал эти пронзительные слова? Кто посылал ей прощальный привет?» – завершает свое исследование Н.Чернов...

ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ РОМАНА М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» («ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР»).

Дневник психиатра. 2012; 04: 3

– Секретарю Синедриона, – заговорил Пилат, не веря, все еще не веря своей свежей голове, – передать следующее. – Писарь нырнул в свиток. – Прокуратор лично допросил бродягу и нашел, что Иешуа Га-Ноцри психически болен. Больные речи его и послужили причиной судебной ошибки. Прокуратор Иудеи смертный приговор Синедриона не утверждает. Но вполне соглашаясь с тем, что Иешуа опасен в Ершалаиме, прокуратор дает распоряжение о насильственном помещении его, Га-Ноцри, в лечебницу в Кесарии Филипповой при резиденции прокуратора...

Секретарь исчез.

– Так-то-с, царь истины, – внушительно молвил Пилат, блестя глазами. – А я здоров, игемон, – сказал бродяга озабоченно. – Как бы опять какой путаницы не вышло?.. Пилат воздел руки к небу, некоторое время олицетворяя собою скорбную статую, и произнес потом, явно подражая самому Иешуа: – Я тебе тоже притчу могу рассказать: во Иордане...

Антонио Чизери. Суд Пилата.

О ГЕРИАТРИИ

Л.И. ДВОРЕЦКИЙ. «НА СТАРОСТИ Я СЫЗНОВА ЖИВУ» (ГЕРИАТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА)

Дневник психиатра. 2016; 02: 23-26

АВТОР: Л.И. Дворецкий

Название данной статьи и развиваемая в ней тема пожалуй вызовут недоумение у некоторых читателей: какая может быть связь между А.С. Пушкиным и проблемами старения и долголетия? Какое отношение имел Александр Сергеевич к геронтологии и гериатрии? Тем более что поэт, сраженный дуэльной пулей и не доживший до 38 лет, не был долгожителем. Кстати, убийце Пушкина судьба отпустила значительно более долгую жизнь (быть может, для того чтобы она прошла «в тоске сердечных угрызений»?). Как известно, Дантес умер в 1895 году, прожив 83 года, и, по свидетельству современников, всю свою оставшуюся жизнь сожалел о случившемся, считая дуэль и ее исход трагической случайностью.

Для всех нас А.С. Пушкин уже давно вышел за пределы только образа величайшего поэта. Он стал неотъемлемой частью мировой культуры и духовного мира человека. Более того, Пушкин и его творчество оказались насущной необходимостью и потребностью для людей любого возраста – от детей до стариков. Каждый, и стар и млад, находит для себя у Пушкина близкие и волнующие темы, созвучные своему настроению, переживаниям, устремлениям. Услышанные нами в раннем детстве многие пушкинские строки живут в памяти до глубокой старости, а легко запоминающийся пушкинский ямб в его сказках, поэмах и стихах вполне может служить одним из средств тренинга памяти в позднем возрасте.

А.С. Пушкин давно сказал обо всем и обо всех, проявив божественную универсальность. Поразительно, но ему оказались подвластны все сферы человеческого бытия. Трудно найти область человеческих деяний и интересов (история, политика, философия, искусство, наука и т. д.), где бы Пушкин не проявил глубокого знания предмета, способности к тонкому наблюдению и анализу. И если старый человек, а тем более долгожитель, представ-

ляет собой уникальное творение природы, то А.С. Пушкин – не менее уникальное явление. Если современная геронтология относится к междисциплинарной науке, интегрирующей биологические, медицинские, социальные, психологические дисциплины, то творчество А.С. Пушкина также всесторонне охватывает разные стороны человеческого бытия и духа, в том числе и богатый неповторимый внутренний мир стариков. Какое же место занимает в его творчестве старый человек со своими многочисленными биологическими, социально-психологическими и другими особенностями? Каково отношение поэта к престарелым? Можно ли получить ответ на эти вопросы в его произведениях?

Все образы пушкинских стариков настолько им глубоко прочувствованы и убедительны в своем изображении, что кажется, будто это все реальные фигуры в своем историческом, физиологическом, психологическом и социальном аспектах. Создается впечатление о близости самого поэта и с няней Татьяны Лариной, и старой графиней, и летописцем Пименом, и стариком Дубровским, и многими другими изображенными им пожилыми людьми. Откуда у поэта такая геронтологическая ориентированность? Очевидно, что Пушкин, не дожив до 38 лет, оказался «старее» многих своих сверстников по богатству своих жизненных впечатлений, творческих мыслей, мудрости, приобретенного опыта, искусства жить, любить и ненавидеть. То, что обычно накапливается с годами, Пушкин приобрел значительно раньше в сравнительно молодом возрасте. Без преувеличения можно сказать, что он прожил долгую, яркую, плодотворную творческую жизнь в своих собственных произведениях. Поэт как бы «состарился» вместе со своими героями. Быть может, именно в этом его творческое долголетие.

В эпоху Пушкина под старостью, вероятно, подразумевали не столько календарный возраст и накопленные с годами болезни, одряхление, сколько глубину познания внутреннего мира человека, совершенство ума, гармонию человеческих отношений и, конечно же, плоды созидательного труда. Именно труда, необходимого для человеческого индивидуума до глубокой старости, дающего уважение общества и приобретаемого с ним жизненного опыта, а не только материальные вознаграждения. Поэт как бы предопределил современные геронтологические концепции, указав на столь важную для стариков занятость любимым и полезным делом. Кстати, Пушкин был одним из первых, кто сделал литературу ремеслом, приносящим деньги, но не лишаящим автора творческого горения, собственного достоинства, независимости.

«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Отсюда понятен самоуничижительный укор Онегина, который:

*...дожив без цели, без трудов
до двадцати шести годов,
томясь в бездействии досуга,
без службы, без жены, без дел
себя занять он не сумел.*

И это в 26 лет! Очевидно, 26-летний возраст в то время предполагал не только образование, но и службу, опыт, уважение общества. Тогда в 37 лет Пушкин просто «старик»! «Старик» в смысле накопленной и творчески переработанной огромной информации, многочисленных жизненных коллизий, требовавших принятия трудных нестандартных решений. «Старик», исполненный волею божьей, прожег столько людских сердец! И вот у этого «старика» вдруг появляются сомнения в ценностях молодости:

*Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.*

Это не просто сожаление об утрате, но и разочарование в часто возлагавшихся на молодость надеждах. Скорее поэт склонен к философским обобщениям о жизненных ценностях, что обычно характерно для людей, проживших долгую, наполненную событиями и значением жизнь. Он пытается войти в образ умудренного жизнью старца. Происходит настоящая переоценка ценностей. Молодость с ее мятежностью, непостоянством не оправдала его надежд. Ценности ее оказались преходящи и неочевидны. Подобная смена менталитета происходит с наступлением зрелости, накоплением опыта, «сына ошибок трудных», по мере эволюции возрастной человеческой психологии. Испытав сполна многое в жизни, познав и насладившись ею и в то же время как бы устав от жизни, поэт уже «давно замыслил побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Как знакомы эти умонастроения у многих стариков, их разговоры о тяготеющей жизни, о желанной смерти! Жизнеутверждающим строкам в молодости:

*Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежают,*

*И обновляются, и зреют –
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.*

– противопоставляется иная картина в старости:

*Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.*

При этом нет формального противопоставления молодости и старости. Каждая возрастная пора имеет свои прелести. Просто с возрастом раньше или позже происходит некая переориентация на другие ценности жизни:

*Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят...*

В стихотворении «Телега жизни» молодость, зрелость и старость человека рассматриваются поэтом как три возможности езды. Если в «утро» жизни «мы рады голову сломать» в быстрой скачке, то в «полдень» жизни нас уже страшат «и косогоры, и овраги», ну а «под вечер» мы привыкаем «и, дремля, едем до ночлега». Символичность нарисованной Пушкиным картины дополняется еще и тем, что не ямщик, а само «время гонит наших лошадей». Поэт ставит перед читателем задачу – понять смысл этой недолгой, но завораживающей езды и сам вопрошает в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы»: «жизни мышья беготня... что тревожишь ты меня?» В то же время «старик Пушкин» отнюдь не тяготится жизнью. Поэта скорее тревожит и манит к себе «тайна гроба». А если смерть для него и «таит неизъяснимы наслажденья», то это «бессмертья может быть залог». И та версия, что Пушкин в своей трагической истории на дуэли искал смерти, возможно в чем-то и справедлива. Однако более убедительным кажется одно из его, быть может, самых последних стихотворений:

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу.
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых слов воображенья,
Для чувств... всего.*

Стихотворение оказалось недописанным. Примечательно, что в черновом автографе есть такие отвергнутые поэтом строки: «Еще я долго жить хочу» (поэт не тяготится жизнью), «Что в смерти доброго» (неприятие смерти). Сохраняется живой интерес к познанию,

новым впечатлениям, новым наслаждениям, новым открытиями, то есть к активному творческому долголетию.

А.С. Пушкин – один из немногих, кто хотя и не успел прочувствовать, но угадал и понял жизненную потребность у стариков любить и быть любимыми. Потребность несколько не меньшую, чем у молодых. И как же горько, когда это чувство угасает! В стихотворении «Старик» лирический герой вспоминает свою «весну», когда он был «верным служителем» Амура, и мечтает родиться вновь лишь для того, чтобы стать еще более усердным слугою бога любви. Мысли о старости и о конце жизни тесно переплетаются у А.С. Пушкина с мыслью о любви.

*Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил?*

Но ничто не вечно на земле – ни юность, ни любовь. И только старость неизбежна. «Печально младость улетит, и с ней увянут жизни розы», – пишет Александр Сергеевич в одной из своих элегий.

«Любви все возрасты покорны». Эта пушкинская фраза, превратившаяся в бытовой афоризм, употребляется как будто бы с некоторым ироническим оттенком в соответствующих ситуациях. Однако поэт вложил в эти несколько слов глубокий смысл (психологический, физиологический, философский). Он развивает философию «старческой любви», противопоставляя ее любви юношеской, мастерски используя сравнительные поэтические образы. Так, если «юным девственным сердцам ее порывы благотворны...», то «в возраст поздний и бесплодный на повороте наших лет печален страсти мертвый след...» Современные геронтологи (Г.Л. Ратнер) говорят о так называемом сексуальном возрасте. Этому дается обоснование, обсуждаются особенности сексуального поведения пожилых, роль в этом физиологических, психологических, социальных и других факторов. А Пушкин уже давно, причем необычайно поэтично, показал мучительные любовные чувства старого Мазепы, «пережившего мгновенья страсти пылкой и блаженство» с молодой Марией. Попробуем проникнуться так захватившим старого гетмана чувством:

*Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;*

*Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведаёт любовь.
Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нём любовь
Проходит и приходит вновь,
В нём чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаёт сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.*

Для старика эта любовь «была чарующей силой». При всех своих негативных сторонах пушкинский Мазепа подкупает искренним пылким, глубоким, непреходящим, всецело захватившим его чувством. Однако мать Марии этого понять не может, поскольку в ее представлении старик, годящийся в отцы ее дочери, не способен дать молодой девушке того, что, в родительском понимании, необходимо ей для полного счастья.

И встревоженная мать осыпает Мазепу типичными для подобных ситуаций «обвинениями» в грехах и намерениях:

*Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом.*

К сожалению, А.С. Пушкину с его талантом любить, с его увлекающейся, пылкой натурой не суждено было из-за «коротко измеренного его века» познать любовь в «возрасте позднем и бесплодном». Зато, наверное, только пушкинистам известно о впечатляющем по тем временам долголетию многих женщин, которым выпало счастье удостоиться особого внимания поэта или стать предметом его пылкой страсти и любви. Так, например, А.П. Керн прожила 83 года, Е.К. Воронцова – 88 лет, А.А. Оленина – 80 лет,

Е.П. Бакунина – 74 года, П.А. Осипова – 78 лет. Как будто судьба в знак прощения за преждевременную смерть поэта отпустила «его женщинам» долгие годы жизни, хотя сложилась она у каждой по-

разному. Как будто пушкинское поклонение, отраженное в поэтических посвящениях (да еще каких!), оказалось для этих женщин талисманом жизненного долголетия и исторического бессмертия. Впрочем, окружавшие А.С. Пушкина женщины-долгожители заслуживают особого внимания и мы надеемся, что еще вернемся к этой теме.

Но среди всех женских образов есть центральный, особенно уместно вписывающийся в предмет нашего разговора. Это, несомненно, образ старой няни – Арины Родионовны Яковлевой. Знаменитое послание няне (1824) остается и поныне несравненным поэтическим образцом выражения искренней любви и глубокого уважения к старушке, оставившей неизгладимый след в сердце Пушкина.

Подруга дней моих суровых,

Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых

Давно, давно ты ждешь меня.

Ты под окном своей светлицы

Горюешь будто на часах,

И медлят поминутно спицы

В твоих наморщенных руках.

Не каждый старый человек может удостоиться такого трогательного и уважительного отношения, такой искренности в выражении своих чувств со стороны молодого поколения. Более того, поэт посвящает старую няню во все тайны своего гения:

Но я плоды моих мечтаний

И гармонических затей

Читаю только старой няне,

Подруге юности моей.

Вот пример не только сосуществования, но и конструктивного, взаимно обогащающего общения представителей разных поколений. В 1824–1826 годах Арина Родионовна фактически разделила ссылку поэта в Михайловском. В ту пору Пушкин особенно сблизился с няней, слушал ее сказки, записывал с ее слов народные песни. «До обеда пишу записки, поздно обедаю. Вечером сказки слушаю», – писал поэт в те годы своему брату Льву. Он записывал сказки и песни, которых няня знала великое множество, с интересом «собирал» сказанные ею поговорки, пословицы, народные выражения. Существует мнение, что именно Арина Родионовна рассказала Пушкину об избушке на курьих ножках, о мертвой царевне и семи богатырях. По признанию самого поэта, Арина Родионовна была «оригиналом няни Татьяны» из «Евгения Онегина», няни молодого Дубровского.

Считают, что Арина Родионовна стала также прототипом мамки Ксении в «Борисе Годунове», княгининой мамки в «Русалке» и некоторых женских образов в романе «Арап Петра Великого».

Обратимся к образам стариков и старух в произведениях А.С. Пушкина. Удивительно по своей выразительности изображение летописца, который всегда представляется нам прежде всего умудренным, многое повидавшим на своем веку старцем. Летописец Пимен, свидетель многих лет, не просто старец, занятый своим трудом, не смыкающий глаз на ночь. Это сама вечность. Особенно когда пушкинский образ озвучивается в «Борисе Годунове» еще двумя великими мастерами – Мусоргским и Шаляпиным. Пимен плохо видит, ходит с костылем, но «долг, завещанный от Бога», позволяет ему преодолевать эти старческие недуги, поддерживает и мобилизует его.

Арина Родионовна Яковлева (1758–1828).
Портрет неизвестного художника.

*На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною...*

У Пимена свой рецепт долголетия. «Смирять себя молитвой и постом», – наказывает он юному Григорию. В то же время у двух других «честных старцев» из «Бориса Годунова» – Варлаама и Мисаила другой менталитет, другие жизненные ценности: склонность к бродяжничеству и постоянная страсть к возлияниям.

А.С. Пушкин создал запоминающуюся галерею образов старых женщин – от простых крепостных нянь до величественных знатных особ. Пытливый и аналитический ум Пушкина, тонкая наблюдательность позволяли ему выписывать мельчайшие черты и проникать в особый внутренний мир изображаемых им крепостных старушек. У каждой своя индивидуальность, но общая «гериатрическая» направленность в изображении старческих недугов просматривается с очевидностью: плохое зрение, «наморщенные руки», «скрюченные пальцы», «тяжелые шаги», «тупеющий разум», «старческая бессонница» и т. д. Егоровна в «Дубровском», няня Татьяны Лариной, Савельич в «Капитанской дочке» выписаны с нежностью, любовью, почтением. В этом не только отношение Пушкина к старому человеку, но и прежде всего его социальная зрелость, достойные подражания, поучительные для многих

наших современников. А.С. Пушкин смолоду впитал уважительное отношение к старикам. Многие старики в его творчестве – это прежде всего равноправные члены общества, востребованные и не отвергнутые им. Хотя есть и образы, продолжающие шекспировскую традицию, – образы старцев, отвергнутых семьей, близкими, обществом. Станционный смотритель Самсон Вырин, несомненно, пополняет и продолжает галерею «королей Лиров». Оказывается, что тема одиночества и одинокопроживания стариков – одна из современных проблем социальной геронтологии, нашла свое отражение и у А.С. Пушкина.

А вот и старая графиня в «Пиковой даме», «восьмидесятилетняя карга». Общепринято считать, что ее прототипом послужила княгиня Наталья Петровна Голицина (урожденная Чернышова), прожившая 98 лет. Племянник княгини, имевший большой карточный долг и узнавший якобы у тетки тайну «трех карт», рассказал эту историю А.С. Пушкину, «превратившему» ее в «Пиковую даму».

«Графиня была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему». Графиня живет воспоминаниями о безвозвратно ушедших событиях ее жизни, о бывшей красоте, о прошлых успехах у королевских сановников. Эти воспоминания свежи, несмотря на ее возраст. Но все уже в прошлом. Остались одни «отвратительные подробности ее туалета», толпа приживалок, деспотичность к племяннице и роковая тайна, с которой она не хочет расставаться. Возможно, Пушкин на примере «карточной тайны» графини пытается показать, что старость включает в себе немало важных тайн и секретов. Обладание стариками этими тайнами и стремление молодых выудить их, чего бы это им ни стоило, символизируют неизбежную связь поколений и возможность конфликтов нередко с драматической развязкой. Старой графине это стоит жизни.

Но есть и другая версия прототипа графини в «Пиковой даме». Друг Пушкина П.В. Нащокин заметил, что старая графиня больше похожа на Н.К. Загряжскую, тетку Н.Н. Пушкиной, умершую в возрасте 90 лет. Вот что пишет о Н.К. Загряжской посещавший ее в 1830-х годах В.И. Сафонович: «Ей было уже более восьмидесяти лет, но она сохраняла умственные способности. Каждый вечер собиралось к ней множество посетителей для составления ее партии в бостон или просто посидеть и встретиться со знакомыми, но главнейшее повидаться с кн. Кочубеем, человеком нужным.

В числе гостей бывали у нее все важные и известные люди того времени. Старушка играла в карты очень дурно и всегда проигры-

вала, но игра сделалась ее потребностью. После игры оставались у ней ужинать. После ужина нельзя было тотчас расходиться; надобно было еще посидеть некоторое время. Пока старушка не кончит своего пасьянса. Она не любила рано ложиться спать и удерживала своих гостей как можно долее...»

Пушкин согласился с тем, что изображать в роли старой графини Н.К. Загряжскую ему было легче, чем Н.П. Голицину, у которой более сложный характер, то есть поэт видел и понимал индивидуальные особенности каждого старика и старухи. Обе старухи были светскими львицами,

Н.П. Голицина

картежницами и умерли в год смерти А.С. Пушкина, пережив поэта на несколько месяцев. А может быть, черты графини были навеяны образами других старух, которых поэт встречал и знал. Так или иначе этот, возможно собирательный, образ получился ярким по изображению внутреннего мира старого человека с его физическими и психологическими особенностями, старческими причудами, носящим некоторые черты, типичные для своего времени.

Интересно, как А.С. Пушкин изображает больных, в том числе пожилых и стариков, с разными соматическими и психическими расстройствами. От него как от чрезвычайно наблюдательного и ориентированного по тогдашним представлениям в болезнях человека не ускользают детали многих заболеваний, причем не только чисто медицинские, но и психологические. Вот описание старой московской тетки Татьяны Лариной, «четвертый год больной чахоткой»:

*Ох силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она.*

Скорее всего, речь идет не о чахотке, так как больные легочным туберкулезом редко в те времена доживали до пожилого и старческого возраста. Наиболее вероятно наличие хронической обструктивной болезни легких с дыхательной недостаточностью. Но насколько образно поэтически и верно по существу представлены проблемы дыхательной недостаточности, влияющей на качество жизни пожилого человека. Это не только ограничение физической активности из-за одышки, но и неудовлетворенность радостями жизни, ощущение своей негодности, психическая дезадаптация. А.С. Пушкин как бы предугадал, что в современной гериатрии нарушение качества жизни пожилых и стариков, страдающих разными заболеваниями, окажется одной из важных медико-социальных проблем, актуальных и поныне.

Поэт прочувствовал серьезность еще одной не менее важной гериатрической проблемы – старческой деменции.

Не дай мне бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума;

Нет, легче труд и глад...

А.С. Пушкин повидал в жизни немало стариков и старух с различными проявлениями как нормального, так и патологического психического старения, что врезалось ему в память и нашло отражение в создании разных образов. В одних случаях изображаются варианты нормального психического старения. Так, прихоти старухи из «Сказки о рыбаке и рыбке» могут быть проявлением старческого максимализма, нетерпимости, нереализованных желаний. В других ситуациях поэт представляет нам людей с психическими расстройствами бредового характера (старый Мельник из «Русалки», вообразивший себя вороном). Еще одна «печальной ветхости картина» – образ Наины, некогда неприступной, капризной красавицы, а ныне превратившейся в «старушку дряхлую седую».

И вдруг сидит передо мной

Старушка дряхлая, седая,

Глазами впальми сверкая,

С горбом, с трясучей головой,

Печальной ветхости картина.

Наина утратила с возрастом не только свою прежнюю красоту, что поразило ранее влюбленного в нее Финна, ужаснувшегося и никак не верившего в увиденное им:

Возможно ль! ах, Наина, ты ли!

Наина, где твоя краса?

Скажи, ужели небеса

Тебя так страшно изменили?

Так часто нас настолько поражает меняющийся по мере старения внешний облик человека, что порой в это бывает трудно поверить и остается только «ужаснуться и молчать».

Но в поэтическом образе состарившейся 70-летней красавицы («сегодня семьдесят мне било») Пушкин дает возможность специалисту увидеть характерные для стариков клинические признаки: деформация позвоночника вследствие сенильного (старческого) остеопороза, приводящая к переломам позвонков и формированию горба, тремор (дрожание) головы («трясучая голова») как симптом поражения определенных структур головного мозга, описанный британским врачом Джеймсом Паркинсоном в 1817 году в статье «Эссе о дрожательном параличе». Кстати, эта работа оставалась незамеченной в течение 40 лет после опубликования и вряд ли с ней мог быть знаком Пушкин. Однако поэт, видевший, безусловно, немало стариков и старух с подобными возрастными недугами, сумел представить выразительный образ данного заболевания, обозначив его как «печальной ветхости картину». Только в 1870–1880 годах описанный симптомокомплекс был выделен как самостоятельное заболевание, которое Шарко, оценив должным образом роль Паркинсона, предложил обозначать как болезнь Паркинсона.

Но «гериатрический» образ Наины оказался бы неполным без возрастных психических нарушений. И действительно, поэт заставляет нас поверить, что старуха еще тронулась умом. Ведь она занимается ворожкой, что, как ей кажется, удачно компенсирует утрату молодости и красоты.

*Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!*

Не менее выразительно описываются проявления старческого слабоумия у старого Дубровского: «Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна следила за ним, как за ребенком, напоминала о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать... Он силился с ним (сыном) разговаривать, но мысли мешались в его голове и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление». Описываемая симптоматика является, по-видимому, проявлением сосудистой деменции с постепенной утратой повседневных навыков, вербаль-

ных и когнитивных функций. Умирает старый Дубровский скорее всего от повторного инсульта.

Пушкин прекрасно осознает основные медицинские проблемы у стариков, неизбежные, по его мнению, для этого возраста. Так,

Онегин «питает горьки размышленья», как бы сожалея, что еще не дождался наступления характерных для стариков недугов:

*Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма?*

Среди толпящегося «бледного роя» больных вокруг целебных источников Машука у каждого своя цель, своя надежда. У стариков желание только одно – вернуть молодость.

*Машук, податель струй целебных;
Вокруг его ручьев волшебных
Больных теснится бледный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть – хотя на миг.*

Одно из ярких изображений Пушкиным престарелых современников – описание Г.Р. Державина. Лицейские юнцы с волнением и трепетом ожидают приезда на экзамен великого литературного мэтра, перед которым благоговели все, в том числе и Пушкин. Дельвиг ждет его на лестнице, чтобы поцеловать ему руку. Наконец старик Державин входит в сени и первое, что он спрашивает у швейцара, – «Где, братец, здесь нужник?» Пушкин не побоялся вспомнить об этой прозаической подробности (угадываются старческие урологические проблемы, связанные скорее всего со свойственной старикам патологией предстательной железы), как бы дополняющей облик старого поэта: «Державин был очень стар... Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою». Лицо его было бессмыс-

ленно, глаза мутны, губы отвислы. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности». На первый взгляд кажется, что перед нами дряхлый старик с типичными старческими внешними стигмами. Но вдруг этот старик преображается: «Глаза заблестели, он преобразился весь. Он слушал с живостью необыкновенной». Оказывается, что, несмотря на свою дряхлость, так сначала поразившую юного поэта, старик вполне адекватно, с живым интересом воспринимает интересующую и профессионально близкую ему информацию (на экзамене читались стихи самого Г.Р. Державина). Изображая дряхлость, всяческие причуды и различные старческие недуги Державина, Пушкин подчеркивает, насколько сильны и стойки сформированные у стариков жизненные и профессиональные стереотипы.

Итак, как видно, старый человек со всеми его клиническими, психологическими и другими особенностями занимает определенное место в творчестве А.С. Пушкина. Поэт часто обращался к старикам и всегда помнил о них:

*Стариков когда-нибудь
(Жаль теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть.*

В связи с этим кажется символичным тот факт, что год 200-летнего юбилея А.С. Пушкина был объявлен по решению авторитетной международной организации годом пожилого человека. Это кажется случайностью. Скорее всего, так и есть. Однако в каждой случайности могут усматриваться не поддающиеся логике и здравому смыслу связи, которые порой приобретают мистический характер, но оказываются глубоко символичными («неслучайная случайность»). Здесь уместно привести часто цитируемую фразу самого поэта: «бывают странные сближения» (из заметок о поэме «Граф Нулин»).

Свое земное предназначение Пушкин видел в том, чтобы пробуждать «добрые чувства» в сердцах людей. Он верил, что пока «в подлунном мире жив будет хоть один пиит», ему не умереть. Ведь его душа навсегда останется в «заветной лире» и тем самым победит смерть. Пушкин не ошибся: легкий и живой язык его поэзии позволяет современному читателю любить и ненавидеть, наслаждаться жизнью и философствовать о смерти, предаваться мечтам и пребывать в бесшабашной веселости – и все это именно так, как делал сам поэт. Вот уже третью сотню лет А.С. Пушкин живет среди нас, в том числе и среди стариков, в своих гениальных стихах, поэмах, сказках и продолжает «чувства добрые лирой пробуждать».

О ПОЭЗИИ

О. УСТИМЕНКО.

«МЕЧТАТЕЛЬ, СИНЬ ОЧЕЙ УТРАТИВШИЙ ВО МГЛЕ...».

Дневник психиатра. 2014; 02: 18-22

АВТОР: О. УСТИМЕНКО

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь...*

Словами, представленными в эпиграфе, начинается поэма Сергея Есенина «Черный человек», окончательную редакцию которой он закончил в ноябре 1925 г. Через месяц поэта нашли повешенным на трубе центрального отопления в гостиничном номере отеля «Англетер» в Петербурге. Ему было всего 30 лет... В постсоветском пространстве много велось дискуссий о том, была ли смерть Есенина на самом деле самоубийством либо же его инсценировкой. В 90-е гг. был выполнен ряд посмертных судебно-медицинских экспертиз в отношении дела Есенина, но ни одна официальная не смогла опровергнуть факт самоубийства, хотя эксгумация тела не была произведена. Многим кропотливым исследователям биографии Сергея Александровича версия убийства поэта сотрудниками НКВД кажется вполне вероятной – очевидными являются преследования, которым подвергалась творческая элита со стороны советской власти.

В разные годы были репрессированы и расстреляны друзья и коллеги Есенина, входившие в группу новокрестьянских поэтов, – Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Иван Приблудный, а также внебрачный сын Есенина Юрий, брат сестры Кати поэт Василий Наседкин, сама же Екатерина Есенина выслана в ссылку, при загадочных обстоятельствах убита бывшая жена поэта Зинаида Райх. Сам Сергей неоднократно обращал на себя внимание правоохранительных органов хулиганскими выходками, часто устраивал пьяные драки и в запале мог позволить себе довольно резкие высказывания

в адрес обидчиков, особо не разбираясь в том, кто перед ним. Вместе с тем глубокое лирическое творчество Есенина, пропитанное безмерной любовью к природе и трагическим мироощущением, было скорее аполитичным...

Своей ли, чужой рукой лишился жизни «последний поэт деревни»? Истины нет, есть только мнения, и противники из двух лагерей различных версий никогда не сойдутся в компромиссе. Менее выдающимся, менее талантливым и менее любимым поэт Сергей Есенин не станет вне зависимости от любых истин. Пожалуй, спустя годы важен не столько ответ на вопрос «как?» умер поэт, сколько ответ на вопрос «почему?» он умер. А смерть была вполне закономерной, ведь Есенин всю свою недолгую жизнь различными способами делал все, чтобы ее срок сократить. Тридцать лет он прошел, широко шагая по лезвию бритвы бурной эпохи, но в один миг осознал, что Есенин-личность остался далеко позади Есенина-поэта, что вместо Сергея-мужчины он остался Сережей-мальчиком, вместо столичного денди – деревенским босяком и русским романтиком – вместо советского материалиста...

В одну из своих поездок по стране он был впечатлен сценой, как его поезд пытался перегнать жеребенок. В письме знакомой он написал, что этот конь был для него вымирающим образом деревни. Но не себя ли самого описывал поэт в этих строках:

*«...Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя
На лапах чугунных поездов?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Мильй, мильй, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?..».*

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября 1895 г. в деревне Константиново Рязанской губернии. Он был старшим из детей в крестьянской семье Есениных (сестры Екатерина и Александра были младше на 10 и 16 лет). В доме не все ладилось – родители будущего поэта – Александр Никитич Есенин и Татьяна Федоровна Ти-

това рано вступили в брак, для матери замужество не было желанным. Отец Есенина был мясником и практически все время был на заработках в Москве, а деньги отдавал своей матери, которая никак не могла поладить с невесткой. Татьяна Федоровна ушла из семьи с маленьким Сергеем и не жила с мужем 5 лет, позднее еще несколько раз уходила от супруга, подавала на развод.

Первые 5 лет жизни Сережа воспитывался в семье деда по матери, Федора Титова, который славился вспыльчивым характером и любовью к выпивке. По некоторым данным, склонностью к алкоголизму отличался и отец Сергея, однако, по воспоминаниям сестер поэта, единственной болезнью, которой страдал их отец в молодые годы, была бронхиальная астма. О наследственности среди родных поэта известно лишь, что брат матери болел эпилепсией, «для тяжелой работы не годился».

Уже став состоявшимся литератором, Есенин часто помогал семье материально, забрал в Москву сестер, но несмотря на то что с гордостью причислял себя к деревенским мужикам, часто испытывал смущение, когда предстояло «выводить в свет» кого-то из родни.

Сельскую школу Сергей закончил с отличием, и отец решил, что ему стоит учиться дальше. Довольно успешной была его учеба и в церковно-учительской школе, окончив которую в 1912 г., он отправился покорять литературные мостки столицы.

По воспоминаниям сестер, Сергей всегда отличался большой подвижностью, хорошим чувством юмора, но имел неровный и вспыльчивый характер. Помимо черт эмоциональной неустойчивости, импульсивности, большинство близко знавших его людей отмечали чрезмерную чувствительность, задеваемость, которую он прятал за маской балагура и весельчака. Любой отказ в печати, что случалось в первые годы творчества, вызывал подавленное настроение и внешне-обвинительные реакции. Вспоминая поэта, А.Мариенгоф писал:

«У Есенина всегда была болезненная мнительность. Он высасывал из пальца своих врагов, и каверзы, которые против него будто бы замышляли, и сплетни, будто бы про него распространяемые».

Суицидальные мысли у Есенина возникали еще в 16-летнем возрасте, о них он пишет в письме к знакомой: «Я не могу придумать, что со мной, но если так продолжится еще – я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую». О последующей суицидальной попытке сообщает в следующем письме:

«Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки... и теперь оттого болит моя грудь. Я выпил, хотя и не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена; я был в сознании, но передо мной немного все застлалось какою-то мутной дымкой. Потом, – я сам не знаю почему, – вдруг начал пить молоко, и все прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло, и никто ничего не узнал». К слову, есенинские «суициды» часто носили характер демонстративных, впрочем, как и многие его эпатажные выходки. Например, Айседора Дункан вспоминала инцидент, произошедший в Париже: прима пригласила на ужин своих друзей; заходя в столовую, компания увидела Есенина, висящего на люстре; из петли поэта вынули, и все окружающие сочли его поступок шуткой. Угрозы самоубийства звучали из уст Сергея и позднее – в Берлине, Нью-Йорке; в Москве были попытки выброситься из окна, вскрыть вены обломком стекла, заколоться ножом, застрелиться, броситься под поезд; в Тбилиси он пытался броситься в реку Куру; в Баку прыгал в цистерну с нефтью.

По словам А.Мариенгофа, закадычного друга молодости Есенина, в юности больше всего Сергей боялся одиночества и сифилиса (последний страх, по-видимому, был связан с его любовными похождениями). Он сильно привязывался к людям – как к друзьям, так и к возлюбленным. Тот же Мариенгоф вспоминал, что однажды, не придя домой ночевать, по возвращении он застал поэта в состоянии выраженного похмелья – оказалось, что тот всю ночь пил, переживая за друга. Вообще, в юные годы Сергей выпивал немного, но очень быстро хмелел, становился раздражительным, беспокойным, мог затеять драку или скандал.

Несмотря на влюбчивость, постоянства чувств у поэта не было. Отношения Есенина с женщинами были амбивалентными и носили характер повторяющегося сценария: всеми силами он искал опекающий, властный и рациональный объект привязанности и столь же скоро пытался разорвать узы зависимости – примерно так, как ребенок привязывается к матери, а превратившись в подростка, бунтует, стремится к сепарации и свободе. Склонность Есенина к образованию созависимых отношений с женщинами хорошо иллюстрирует отрывок одного из его поздних стихотворений:

«...Если б знала ты сердцем упорным,
 Как умеет любить хулиган,
 Как умеет он быть покорным.
 Я б навеки забыл кабаки
 И стихи бы писать забросил,
 Только б тонко касаться руки
 И волос твоих цветом в осень.
 Я б навеки пошел за тобой
 Хоть в свои, хоть в чужие дали...
 В первый раз я запел про любовь,
 В первый раз отрекаюсь скандалить...».

В семейной жизни он счастье так и не обрел, хотя со всеми бывшими женами оставался в дружеских отношениях после расставания. У него было три официальных и несколько гражданских браков, множество недолговечных связей. Почти все женщины Есенина были старше его по возрасту.

Анна Изряднова, первая гражданская жена Есенина, была старше на 4 года, Сергей познакомился с ней в 1913 г. в типографии, где работал некоторое время после переезда в Москву. Союз был недолгим, распался вскоре после рождения сына Юрия.

Следующий брак Есенина был уже официальным, его избранницей стала Зинаида Райх, известная в последующем актриса. Семейная жизнь быстро разочаровала Сергея, и несмотря на наличие двоих детей, супруги развелись через четыре года, большую часть этого срока проживая отдельно друг от друга. Райх была женщиной эмоциональной и тяжело переживала развод, лечилась некоторое время в клинике нервных болезней. В 1921 г. состоялась судьбоносная встреча Есенина с американской танцовщицей Айседорой Дункан. Поэту было 26, Айседоре – 44. Через год они оформили свой брак официально. Отношения были бурными, часто сопровождались скандалами. Для большинства людей из окружения обоих супругов этот брак был малопонятен. Айседора знала лишь несколько фраз на русском, Есенин и того меньше на английском, общались они большей частью мимикой и жестами. Дункан накупила Есенину модных костюмов «на европейский манер», усадила в свой автомобиль и увезла с собой в Европу на гастроли, потом – в Америку. За границей ему было неуютно и он часто писал письма домой подобного содержания: «Так мне хочется отсюда, из этой кошмарной Европы обратно в Россию, к прежнему нашему молодому хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянщина» жизни, что просто хочется послать это все к этой ма-

тери». Иногда Есенин сбегал от Айседоры с каким-нибудь русским писателем-эмигрантом, прятался по отелям и пил, а она выискивала его по округам, после чего непременно следовал скандал с битьем посуды и ломанием мебели.

Любовные отношения связывали Есенина также и с Надеждой Вольпиной, поэтессой и переводчицей. Их сын Александр Есенин-Вольпин – известный математик и советский диссидент. Роды у Надежды были осложненными, уже в детстве у Александра отмечалась замкнутость, аутичность при высокой живости ума и понятливости. В годы Великой Отечественной войны в армию его не взяли, поставили диагноз «шизофрения». В 1949 г., учась в аспирантуре, Александр создал негласный литературно-политический кружок, после чего был арестован и принудительно помещен на лечение в психиатрическую больницу. Неоднократно его арестовывали за активную гражданскую позицию, в тюрьмах и психиатрических больницах он провел в общей сложности 14 лет с диагнозом «вялотекущая шизофрения».

Последний брак поэта – с внучкой Льва Толстого Софией – продлился всего несколько месяцев. Отношения пары расстроились незадолго до смерти Есенина.

В этот трудный период для поэта слишком темными и удушающими казались ему стены толстовской квартиры, слишком много в ней было от великого деда, и Есенин чувствовал себя лишь тенью Толстого. Близкие отношения были у Есенина с Галиной Бениславской, литературным секретарем поэта. Скорее всего, они носили характер платонических, тем не менее, Галина не смогла справиться с потерей друга и через год после смерти Есенина застрелилась на его могиле.

Уже к моменту женитьбы на Айседоре Дункан усиливающаяся алкоголизация Есенина стала очевидной для окружающих. Так описывали его поведение после возвращения из Европы: «Есенин опьянел после первого стакана вина. Тяжело и мрачно скандалил: кого-то ударил, матерщинил, бил посуду, ронял столы, рвал и расшвыривал червонцы». В период жизни с Дункан битые зеркала и крушение мебели стало пагубной привычкой, несколько раз отели выставляли им приличные счета за порчу имущества, впрочем, супруга сама активно участвовала в этих погромах. Впервые обратила внимание на психическое состояние Есенина та же Айседора. В мае 1923 г. поэт в состоянии алкогольного опьянения разбил канделябром зеркало, разбросал нескольких мужчин, которые пытались его успокоить. С полицией Есенина отвезли в частную психиатрическую больницу «Maison de Sante» под Парижем, однако там он пробыл всего три дня (кстати, выписали его по заключению всемирно известного психолога и психиатра Пьера Жана).

В конце 1923 г., после товарищеского суда в Доме печати, Есенин лечился в санатории для нервнобольных в Подмоскowie. Четыре раза – с декабря 1923 по декабрь 1925 г. – его консультировал профессор П.Б.Ганнушкин, выставляя различные диагнозы: «астеническое состояние у аффективно-неустойчивой личности»; «суицидальная попытка у аффективно-неустойчивой личности» (сам поэт объяснил порезы на руке тем, что упал на улице и поранился осколком стекла), в том же заключении от 24 марта 1924 г. в психиатрической клинике 1-го МГУ Ганнушкин пишет: «Страдает тяжелым нервно-психическим заболеванием..., выражающимся в тяжелых приступах расстройства настроения и в навязчивых мыслях и влечениях. Означенное заболевание делает гр. Есенина не отдающим себе отчета в совершаемых им поступках»; последующие диагнозы – «делирий со зрительными галлюцинациями, вероятно, алкогольного происхождения» и «маниакально-депрессивный психоз». К концу жизни у Есенина периодически возникали параноидные идеи – ему казалось, что его хотят обворовать, на знакомых начинал «узнавать» свои галстуки и костюмы, принимался – не его ли одеколоном пахнет собеседник; прыгал со второго этажа, уходя от кажущейся погони, после чего запаса веревкой для будущих «побегов».

Сергей всегда довольно легко увязывался за компаниями вечно что-то празднующих и пьянствующих лжедрузей, которых у него было в разы больше, чем друзей истинных. Пьяным довольно часто придирался к людям, раздражавшим его. По словам А.Мариенгофа, последние месяцы жизни Есенин был человеком не больше часа в

сутки, за первой утренней рюмкой часто шла вторая, третья... Одну из последних встреч с Есениным он описывал так: «Есенин до последней капли выпил бутылку шампанского. Желтая муть перелилась к нему в глаза. У меня в комнате на стене – украинский ковер с большими красными и желтыми цветами. Есенин остановил на них взгляд. Зловеще ползли секунды, и еще зловещей расплзались есенинские зрачки, пожирая радужную оболочку. Узенькие кольца белков налились кровью. А черные дыры зрачков – страшным, голым безумием. Есенин привстал с кресла, скомкал салфетку и, подавая ее мне, прохрипел на ухо: «Вытри им носы!». «Сережа, это ковер... ковер... а это цветы...». Черные дыры сверкнули ненавистью. «А!.. трусишь!..». Он схватил пустую бутылку и заскрипел челюстями: «Размозжу... в кровь... носы... в кровь... размозжу...».

Нетрезвые выходки Есенина ближе к концу жизни привели к тому, что у поэта сформировался страх перед милицией и судом:

*«...Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали.
В Тигулевке.
Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке,
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.
Я вам не кенар! Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивный свет...».*

На Есенина было заведено 13 уголовных дел, но в 1924 г. был отдан приказ по московской милиции относительно поэта Есенина – доставлять в участок для отрезвления, не давая делу дальнейшего хода. Однако последнее дело несло в себе политический контекст: возвращаясь из своей последней поездки по Кавказу, Есенин оскорбил попутчика, оказавшегося партийным работником, после чего тот подал на него в суд. Именно этот инцидент помог сестре Сергея уговорить его снова пройти лечение (якобы с целью избегания ареста).

Перед госпитализацией он все чаще появлялся нетрезвым дома, бил посуду, рвал скатерти, рамы портретов, висящих на стенах, придирался к жене (Софье Толстой), стал крайне раздражительным и в трезвом состоянии. Есенин сбросил с балкона свой гипсовый бюст, объяснив тем, что ему (изваянию) очень жарко и душно.

Последний раз в клинику Есенин поступил 23 ноября 1925 г. и пробыл там 25 дней. Лечение было рассчитано на 2 месяца, но через две недели Сергей решил, что пробудет в больнице не больше месяца, здесь же принял решение ехать в Ленинград, уйти от жены.

В клинике его посещали друзья, которым Есенин жаловался на тяжелые для него условия больничной жизни, тяготился тем, что двери его палаты постоянно открыты – врачи опасались, что он мог совершить суицид. Из больницы ушел самовольно 21 декабря.

И вот уже 24 декабря 1925 г. Есенин в Ленинграде. В соседнем номере гостиницы живут знакомые литераторы, зашел к ним: состояние возбужденное, рассказывает о своих планах на начало новой жизни... Через четыре дня Сергей Есенин повесился в состоянии алкогольного опьянения... Перед отъездом в Ленинград посетил почти всех своих друзей и близких, с некоторыми делился опасениями о приближающейся смерти, высказывал суицидальные мысли, говорил, что ищет погибели...

Порождению версий о том, что поэта убили, способствовал довольно небрежно и неполно составленный акт патологоанатомического вскрытия. Кроме того, много вопросов вызывали повреждения тела, не связанные с повешением, но отчетливо выступающие на посмертных фотографиях, – ожог и вмятина на переносице, которые, согласно заключению, образовались в результате длительного соприкосновения лица с горячей трубой.

Также судмедэксперт обнаружил на плечах и предплечьях множество поверхностных резаных ран. Накануне смерти Есенин зашел в соседний номер к знакомым, жаловался, что в номере не было чернил, поэтому пришлось писать собственной кровью. Прощаясь с поэтом Вольфом Эрлихом, вручил ему на память стихотворение, прочитать не дал, вложив клочок бумаги в нагрудный карман; последний вспомнил о нем уже после смерти Сергея. Это последний стих Есенина и прощальная записка одновременно:

*«До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,*

*Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».*

В 1992 г., согласно заключению Московского городского бюро судебно-медицинской экспертизы, было выявлено, что стих действительно написан кровью, по особенностям почерка установлено авторство Есенина, при этом текст составлен «...под влиянием необычных внутренних и внешних факторов, “сбивающих” привычный процесс письма и носящих временный характер. В числе таких факторов наиболее вероятными являются необычное психофизиологическое состояние С.Есенина (волнение, алкогольное опьянение и др.)». К слову, это не единственный раз, когда Есенин прибегал к подобному методу, за год до кончины и по той же причине (в номере отсутствовали чернила) было написано стихотворение «Поэтам Грузии».

Творчество Есенина – целый клад для поклонников психиатрического литературоведения. Если немного отвлечься от красоты есенинского слога, в его стихах можно найти и текстовые эквиваленты алкоголизации, и самоупоеание собственными девиациями, и предвестники суицида.

По мнению И.Б.Галанта, автора одной из первых патографий поэта, в поэме «Черный человек», которую Есенин писал два года и завершил незадолго до смерти, он описывает картину перенесенного алкогольного психоза, сопровождавшегося бредом, зрительными и слуховыми галлюцинациями (образ Черного человека – галлюцинтормый), аффектом тревоги и тоски, стойкой бессонницей, влечением к самоубийству.

Большое число стихотворений «алкогольной» тематики вошло в сборник «Москва кабацкая», изданный в 1924 г. В нем Есенин отчаянно создает себе образ хулигана-гуляки, пропойцы и бродяги:

*«...Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор...»*

*«...Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.
Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все.
Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси...»*

«...Не злодей я и не грабил лесом,
 Не расстреливал несчастных по темницам.
 Я всего лишь уличный повеса,
 Улыбающийся встречным лицам.
 Я московский озорной гуляка.
 По всему тверскому околотку
 В переулках каждая собака
 Знает мою легкую походку.
 Каждая задрипанная лошадь
 Головой кивает мне навстречу.
 Для зверей приятель я хороший,
 Каждый стих мой душу зверя лечит...»

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут
 Под гармоники желтую грусть.
 Проклинают свои неудачи,
 Вспоминают московскую Русь.
 И я сам, опустясь головою,
 Заливаю глаза вином,
 Чтоб не видеть в лицо роковое,
 Чтоб подумать хоть миг об ином...»

«А когда ночью светит месяц,
 Когда светит... черт знает как!
 Я иду, головою свесясь,
 Переулком в знакомый кабак.
 Шум и гам в этом логове жутком,
 Но всю ночь напролет, до зари,
 Я читаю стихи проституткам
 И с бандитами жарю спирт.
 Сердце бьется все чаще и чаще,
 И уж я говорю невпопад:
 «Я такой же, как вы, пропащий,
 Мне теперь не уйти назад».
 Низкий дом без меня ссутулится,
 Старый пес мой давно издох.
 На московских изогнутых улицах
 Умереть, знать, судил мне Бог».

Довольно часто в произведениях поэта звучит тема смерти, увядания, предчувствия конца, трагической судьбы. В одной только «Москве ка-

бацкой» встречается множество метафорических образов смерти, лирически сливающихся с известной спутницей есенинских стихов природой: «сдавили за шею деревню каменные руки шоссе» «стынет поле в тоске волоокой», «телеграфными столбами давясь», «как кладбище, усеян сад в берез изглоданные кости», «под шум молодой лебеды утонуть навсегда в неизвестность», «все истлело в дыму голубом». Многие стихотворения последнего периода творчества написаны в прошедшем времени. Анализировавшие семантику творчества Есенина специалисты нашли в его стихах около 400 случаев упоминания о смерти:

«...Поведут с веревкою на шею полюбить тоску...» (1915)

«...В зеленый вечер под окном на рукаве своем повешусь...» (1916)

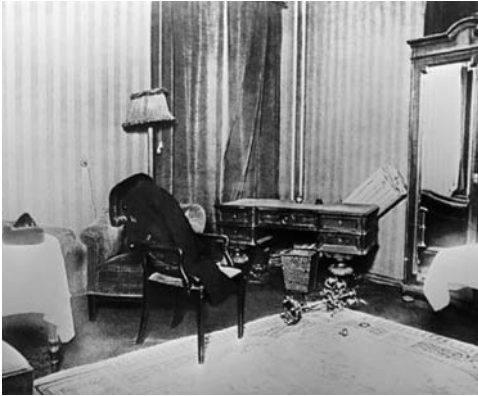
*«...Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть» (1921)*

*«...Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда...
...Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?» (1923)*

*«...Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, –
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать» (1923)*

Более трети этих стихов приходится на последние два года жизни поэта: «Захочешь лечь, но видишь не постель, а узкий гроб. И – что тебя хоронят» (1924); «Но болен я. Сиреновой порошей теперь я только душу излечу» (1925).

Как видно из психиатрических заключений Ганнушкина*, клинический случай Сергея Есенина довольно сложно «удержать» в рам-

Комната №5 в гостинице «Англе́тер»,
где в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года
Сергей Есенин совершил самоубийство

ках одного диагноза. Безусловно, поэт страдал хроническим алкоголизмом, у него случались металкобольные психозы (в том числе алкобольный делирий и алкобольный галлюциноз), состояние отягощалось алкобольной депрессией, что практически неизбежно приводит человека к суициду. При этом в структуре его болезни присутствовала и аффективная составляющая, не связанная с последствиями злоупотребления алкоголем,

– колебания настроения, периоды подавленности, суицидальные мысли и попытки бывали еще в юности, когда Есенин спиртные напитки употреблял в умеренных количествах. В большинстве случаев причиной алкоголизма, помимо наследственных факторов, выступают еще и личностные predispositions.

Характеру Есенина, безусловно, присущи особенности различных типов – истерического, зависимого, эмоционально-неустойчивого. Психопатические черты, присутствовавшие в структуре личности выдающегося поэта, – заостренная чувствительность к воздействиям социальной среды, эгоцентризм и честолюбие, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, неспособность устанавливать длительные доверительные отношения с окружающими, с одной стороны, и капризность, инфантильность, зависимость от значимых лиц и компании – с другой, разнообразны и не позволяют четко выделить тип личностного расстройства.

Однако психопатоподобное поведение, свойственное Есенину, практически во все жизненные периоды (скандалы, пьянство, драки, повторные браки) позволяет утверждать о наличии у поэта смешанного личностного расстройства, отягощенного хроническим алкоголизмом.

*Со слов В.М. Морозова, диагноз, поставленный Есенину П.Б.Ганнушкиным, был: «шизоидная психопатия, хронический алкоголизм».

Материалы любезно предоставлены журналом «НЕЙPONEWS», Украина

МЕЛАНХОЛИЯ ПОРУЧИКА ЛЕРМОНТОВА. ИЗ КНИГИ В.П. ГИНДИНА «ПСИХОПАТОЛОГИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Дневник психиатра. 2017; 02-04

С трепетом душевным приступаю к написанию психопатологического портрета Михаила Юрьевича Лермонтова. Вы спросите: почему с трепетом? А потому, что психопатологическая картина нашего великого поэта вырисовывается неприглядно мрачной. На обывательско-жизнейском уровне может показаться, что я занимаюсь очернительством памяти Лермонтова. Но в отличие от врачей-интернистов мы – психиатры – работаем с больными, у которых малейшая психическая девиация служит камнем для построения диагноза, целостной оценки личности, и работаем мы не в белых лайковых перчатках, а голыми руками разгребаем душевные завалы, а чаще всего патологический мусор наших пациентов, и далеко не всегда великая личность предстает перед нами в приглядном свете.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

*Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился – и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней...*

М. Лермонтов

Так и у Лермонтова. Ведь поэт не был психически болен. Он обладал врожденным патологическим характером, принесшим ему неисчислимы страдания и способствовавшим ранней смерти.

Я сам до самозабвения любил и люблю Лермонтова. Его печально-тоскливая лирика, наполненная отголосками несбывшихся надежд и неразделенной любви, с юношеских лет, со школьной скамьи легла мне на душу. А мои разыскания вызвали еще большее сострадание и еще большую любовь к этому таинственному и до конца не открытому русскому поэту.

В особенности впечатлял нас, учеников старших классов мужской школы в начале 50-х годов прошлого века, образ Печорина. И неправда, что увлечение «байронизмом», принесенное П. Чаадаевым на русскую землю, было уделом светской молодежи середины XIX века, и мы, воспитанники сталинской эпохи, не были чужды этакому онегински-печоринскому шику и во взглядах на жизнь, и в отношении к прекрасному полу.

На экзамене по русской словесности на аттестат зрелости из трех тем, предложенных для написания сочинения: «Комсомол – нашей доблестной партии сын», «Большевики в борьбе с кулачеством» – по роману М.А. Шолохова «Поднятая целина», и «Трагедия “лишних” людей в царском обществе» – по произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, И. Тургенева, – я выбрал последнюю. Никогда не предполагал, что на склоне лет примусь за написание еще одного сочинения, посвященного Лермонтову, и фактографический анализ его жизни и творчества откроет передо мной такую мучительную бездну души поэта, что я в растерянности застыну перед ней и долго буду сомневаться: «быть или не быть», писать или не писать?

И все-таки психиатр одолел во мне обывателя.

И я пишу, хотя знаю, что могу подвергнуться уничтожающей критике литературоведов-панегиристов, да и собратья-психиатры тоже пройдутся по мне железным катком, поставив под сомнение диагностический анализ. Но истина – есть истина, какой бы отвратительной она ни была.

И даже самые неприглядные биографические факты из жизни поэта не умалят его и не сведут с пьедестала, построенного на века.

Итак, я приступаю. Господи, спаси и помилуй мя!

Среди многих патологических характеров (истероидов, циклоидов, эпилептоидов, ананкастов и пр. и пр.) выделяется замкнуто-углубленный (аутистический) характер, или шизоид (М.Е. Бурно).

Наиболее полно и глубоко этот характер под названием шизоидной психопатии был описан Э. Кречмером (1921 год) и П.Б. Ганнушкиным (1933 год). Эта группа включает лиц, типологически весьма различных.

Робкие, застенчивые, тонко чувствующие натуры противостоят здесь равнодушным и тупым. Наряду с сухими, мелочными, скупыми, язвительными педантами, угрюмыми чудаками и отрешенными от жизни мечтателями к группе шизоидов относятся личности крутого нрава, суровые, деловые, настойчивые, упорные в достижении высших целей. При всем многообразии личностных особенностей шизоидов объединяет общая для всех вариантов черта – аутизм.

Лица со сложившейся шизоидной патохарактерологической структурой в большинстве необщительные, погруженные в себя, сдержанные, лишённые синтонности люди. Контакты с окружающими сопряжены для них с чувством неловкости, напряжением. Мир как бы отделен от них невидимой, но непреодолимой преградой.

Как пишет Э. Кречмер, «шизоид не смешивается со средой, “стеклянная преграда” между ним и окружающим всегда сохраняется».

Другой характерной чертой шизоидов являются дисгармоничность, парадоксальность их внешнего облика и поведения. Шизоиды – люди крайних чувств и эмоций – они либо восхищаются, либо ненавидят.

Основой шизоидного темперамента по Э. Кречмеру является так называемая психэстетическая пропорция, сочетание черт чрезмерной чувствительности (гиперестезия) и эмоциональной холодности (анестезия). Выделяют два крайних варианта шизоидной психопатии с широкой шкалой переходных вариантов: сенситивные шизоиды – мимозоподобные, гиперэстетичные с преобладанием астенического аффекта; экспансивные шизоиды – холодные личности с преобладанием стенического аффекта. Это решительные, волевые натуры, не склонные к колебаниям, мало считающиеся со взглядами других. Среди них нередко люди со «скверным характером», высокомерные, холодные, крутые, неспособные к сопереживанию, иногда бессердечные и даже жестокие, но в то же время легко уязвимые, с глубоко скрываемой неудовлетворенностью и неуверенностью в себе, капризные и желчные. Весь мир для них – неприглядный мрак, глухая ночь. Они склонны к взрывным реакциям. При появлении серьезных жизненных затруднений у них нарастают суевливость, раздражительность со вспышками гнева и импульсивными поступками.

«Ранимое колкое самолюбие, переживание своей неполноценности может порождать в замкнуто-углубленном панцирь-защиту в виде стеклянной неприступности, вежливой церемонности, или серой злости, или разнообразных улыбающихся клоунских масок» –

так углубленно-образно описывает М.Е. Бурно характер шизоида, к которому справедливо относит и М.Ю. Лермонтова. Но это только маленькая цитата.

А вот отрывок подлиннее.

Речь идет о любви, о любви к женщине, что немаловажную роль играет в психопатологическом анализе Лермонтова.

М.Е. Бурно пишет: «Любовь замкнуто-углубленного (шизоида. – Авт.) может быть сложно-одухотворенным переживанием аутистически-идеального образа, возлюбленной в душе, который также как бы посылается, имеет Божественный свет в себе. Образ этот соприкасается то с одной, то с другой реальной женщиной, каким-то созвучием отвечающим этому образу...»

Не это ли мы увидим, позже характеризуя Лермонтова? И самое главное – раздвоенность, амбивалентность, полярность мыслей, поступков.

Д.С. Мережковский писал о Лермонтове: «В человеческом облике не совсем человек; существо иного порядка, иного измерения; точно метеор, заброшенный к нам из каких-то неведомых пространств... Кажется, он сам, если не сознавал ясно, то более или менее смутно чувствовал в себе это “не совсем человеческое”, чудесное или чудовищное, что надо скрывать от людей, потому, что это люди никогда не прощают. Отсюда – бесконечная замкнутость, отчужденность от людей, то, что кажется “гордыней”, “злобою”...»

Самое тяжелое “роковое” в судьбе Лермонтова – не окончательное торжество зла над добром, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы».

Уживание в Лермонтове бессмертного и смертного человека составляло всю горечь его существования, обусловило весь драматизм, всю привлекательность, глубину и едкость его поэзии. Одаренный двойным зрением, он всегда своеобразно смотрел на вещи. Людской муравейник представлялся ему жалким поприщем напрасных страданий. Он сам писал:

*...Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..*

Откуда эти черты характера? Ведь не сформировались же они в зрелом возрасте? (А до зрелого возраста Лермонтову было ох как далеко.)

По-видимому, корни шизоидной конституции кроются в отягощенной наследственностью, раннем детском развитии и воспитании.

Отец поэта – Юрий Петрович, происходивший из древнего шотландского рода, был очень красивым мужчиной, кружившим головы женщинам, он славился своим приятным обхождением, «бонвиванством»; с другой стороны, был крайне вспыльчив, несдержанность его доходила до совершения диких поступков.

В ответ на упреки жены (матери поэта) в измене Юрий Петрович ударил ее кулаком в лицо.

Мать поэта – Мария Михайловна происходила из знатного и древнего рода Столыпных. Она с детства росла нервным, хрупким, впечатлительным ребенком. Постоянно болела. Всю нежность и нерастраченность души своей вкладывала в своего единственного сына – Мишеньку, тоже до чрезвычайности болезненного ребенка.

«И любовь и горе выплакала она над его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно; звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по личику. Мать передала ему необычайную нервность свою» (П.А. Висковатов). После грубой выходки мужа Мария Михайловна стала часто болеть и, когда Мишеньке исполнилось два с половиной года, умерла от скоротечной чахотки.

Бабушка по матери, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина), «была женщиной деспотичного, непреклонного характера, привыкшей повелевать; она отличалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей при том высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую» (М.Е. Меликов).

Ю.П. Лермонтов (отец поэта)

М.М. Лермонтова (мать поэта)

Бабушка боготворила своего внука. «Она пережила всех своих, и один Мишель остался ей утешением и подпорой на старость; она жила им одним и для исполнения его прихотей не останавливалась ни перед чем. Не нахвалится, бывало, им, не налюбуется на него» (Е.А. Сушкова-Хвостова).

Елизавета Алексеевна пережила отца, нескольких братьев, мужа, дочь и внука. По словам П.А. Висковатого, она «выплакала свои старые очи», когда Лермонтов был убит. Умерла она 85-летней старухой.

Миша, ребенком унаследовав от матери болезненность и, по-видимому, туберкулезную инфекцию, сам часто хворал. Он был весьма худосочен, золотушен. На нем часто показывалась сыпь, мокрые струпы, так, что сорочка прилипала к телу (П.А. Висковатов).

Бабушка считала кривизну ног внука следствием «золотухи» (туберкулеза, и с позиции современной медицины была права).

В возрасте восьми или девяти лет Лермонтов перенес тяжелую корь. Он целый месяц провел в кровати, метался в бреду (Б.М. Эйхенбаум). В 1825 году бабушка вместе с домашним доктором Анселем Леви везет внука на Кавказские минеральные воды для лечения от «золотухи».

Достаточно подробно о перенесенной болезни Лермонтов словами Саши Арбенина пишет в неоконченной повести «Я хочу рассказать вам»: «...его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог поднять ложки. Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если бы он не получил от природы железного телосложения, то верно бы отправился на тот свет». Что касается «трех лет» и «железного телосложения», то это авторская гипербола, так как биографы и современники ни про трехлетнюю болезнь, ни про «железное» здоровье нигде не упоминают. Но все в один голос свидетельствуют о кривоногости и чрезвычайной сутулости Лермонтова и в детском, и старшем возрасте. В поэме «Мцыри» Лермонтов так описывает малолетнего послушника, вкладывая автобиографические пометы:

*Он был, казалось, лет шести,
 Как серна гор пуглив и дик
 И слаб и гибок, как тростник.
 Но в нем мучительный недуг
 Развил тогда могучий дух
 Его отцов. Без жалоб он
 Томился, даже слабый стон
 Из детских губ не вылетал,
 Он знаком пищу отвергал
 И тихо, гордо умирал.*

Не правда ли, как созвучны эти строфы действительной болезни Лермонтова?

Но как бы там ни было и «золотуха» – скрофулез (туберкулезное поражение кожи), и тяжелая корь наложили неизгладимый отпечаток на физический облик поэта.

В дальнейшем будет подробно дана физическая и физиогномическая характеристика Лермонтова, а пока вернемся к детским годам Мишеля.

Лермонтов получил женское воспитание. После смерти матери он жил в доме бабушки, которая фактически порвала отношения с зятем. Боясь, что отец предъявит права на сына и украдет его, она постоянно прятала внука. Мишель же очень любил отца и после редких посещений его поместья всегда с неохотой возвращался к любимой бабушке. Рос Лермонтов в окружении бесчисленной женской челяди, среди множества молоденьких кузин. По словам П.А. Висковатова: «окруженный заботами и ласками, мальчик рос баловнем среди женского элемента».

Чтобы как-то внести мужское начало в характер мальчика, бабушка поощряла и потакала увлечению внука военными играми: в саду была устроена игрушечная батарея, дворовые мальчишки наряжались в военные мундиры, внук ими командовал наподобие командира «потешного полка». Охота с ружьем, верховая езда на маленькой лошадке с черкесским седлом, сделанным вроде кресла, и гимнастика были также любимыми занятиями Лермонтова (А.Н. Корсаков). «В личных воспоминаниях моих Миша Лермонтов, – пишет М.Е. Меликов, – рисуется не иначе как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав, болезненно самолюбивым, экзальтированным ребенком».

Такие черты характера, как доброта, чувствительность, обязательность и услужливость в отношениях с товарищами детства, сочета-

лись в Мишеле со своеволием, упрямством, настойчивостью, которые легко переходили в жестокость. В.С. Соловьев пишет: «Уже с детства, рядом с самыми симпатичными проявлениями души чувствительной и нежной, обнаруживались в нем резкие черты злобы, прямо демонической». Далее В.С. Соловьев упоминает о страсти Лермонтова к разрушению: «Он срывал лучшие цветы и усыпал ими дорожки, с истинным удовольствием давил несчастную муху, радовался, когда камнем подбивал курицу».

И сам Лермонтов описывает эти деяния, вкладывая их в уста любимого им Саши Арбенина в упоминавшемся нами отрывке «Я хочу рассказать вам».

Лермонтов любил устраивать кулачные бои между деревенскими мальчишками, а победителей, с разбитыми в кровь носами, щедро одаривал сладостями. Уже юношей в праздничные дни в Тарханах ставил бочку с водкой для мужиков – участников кулачных боев. По словам П.К. Шугаева: «Лермонтову вид драки и крови доставлял удовольствие так, что у Михаила Юрьевича “рубашка тряслась” и он сам бы не прочь был поучаствовать в этой драке, но удерживало его дворянское звание и правила приличий. Победители пили водку, побежденные уходили домой, а Лермонтов всегда при этом от души хохотал!»

Так прошли отроческие годы будущего поэта. Уже в возрасте 13–14 лет он стал писать стихи, увлекался лепкой и рисованием. Не любил музыку и математику.

В 1827 году бабушка определила Мишеля в Московский благородный университетский пансион.

Образование, полученное в университете, ценилось очень высоко. Студенты гордились своим званием и дорожили своими занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение. «Они важно расхаживали по Москве, – вспоминает И.А. Гончаров, – кокетничая своим званием и малиновыми воротниками». Лермонтов учился прилежно, устаивался похвал преподавателей. Вместе с тем, он полюбил и светские развлечения. Так он еженедельно посещал балы в Московском благородном собрании. Мишель всегда изысканно одет, постоянно окружен хорошенькими молодыми дамами высшего общества. Товарищей же своих по университету не замечал и проходил мимо, будто был с ними незнаком. В пансионе товарищи не любили Лермонтова за его постоянное подтрунивание и приставание (Н.М. Сатин, А.М. Миклашевский). В то же время он часто уединялся, сидел постоянно на одном месте, отдельно от других в углу аудитории. П.Ф. Вистенгоф вспоминает о Лермонтове: «...имел тяжелый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товари-

щей за что, в свою очередь, и ему платили тем же. Его не любили, отдалялись от него и, не имея с ним ничего общего, не обращали на него никакого внимания». Тот же современник описывает Лермонтова так: «Роста он был небольшого, сложен некрасиво, лицом смугл; темные его волосы были приглажены на голове, темно-карие глаза пронзительно впивались в человека. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное нерасположение». Другой современник, А.З. Зиновьев, будто описывает другого человека: «Он прекрасно рисовал, любил фехтование, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых годах».

В университетские годы у Лермонтова стала отчетливо проявляться еще одна черта – завистливость, основанная на чувстве собственной неполноценности. Вращаясь в светском обществе, он испытывает уязвление своим «низкородным», как он считает, происхождением. С одной стороны, обедневший дворянский род шотландцев, потомков рыцаря Лерманта, будто бы имевшего какое-то отношение к Макбету, с другой – старинный, но не столбовой дворянский род Столыпиных.

Прадед Лермонтова Алексей Столыпин был лишь собутыльником знаменитого царедворца Алексея Орлова, разбогатевшего на винных откупах.

Чтобы как-то поднять значимость своего родства, Лермонтов подписывает свои письма, особенно женщинам, – «Мишель Лерма».

Ненавидя большой свет и изливая на него в стихах черную желчь, поэт все-таки позднее, только за четыре года до смерти, добьется признания великосветского общества и будет допущен в аристократические салоны. А пока светская жизнь поставила крест на дальнейшей учебе в университете, поскольку внимание к университетскому курсу будущего поэта было подорвано постоянными увеселениями. «Мне здесь довольно весело: почти каждый вечер на бале», – пишет он своей тетке М.А. Шан-Гирей в феврале 1831 (1832?) года. Мишеля оставили на второй год на первом курсе, но: «Самолюбие Лермонтова было уязвлено. С негодованием покинул он Московский университет навсегда» (П.Ф. Вистенгоф).

Весной 1832 года, сдав экзамены, Лермонтов, вопреки сетованиям бабушки, поступает в Петербурге в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в лейб-гвардии Гусарский полк.

В конце 1834 года, проведя в школе «два страшных года» (по выражению самого поэта), он был произведен в корнеты и оставлен в том же лейб-гвардии Гусарском полку.

Далее мы остановимся только на узловых моментах биографии поэта, потому что его характерологические особенности не претерпели особых изменений, а трагической чертой пролегли сквозь недолгую жизнь Гения.

Что же это были за «два страшных года»? Биографы нигде не упоминают о том, что в юнкерской школе Лермонтову плохо жилось. Скорее наоборот. Он как всегда развлекался, приставал к товарищам, злословил, легко давал обидные прозвища, в ответ награждался тем же, но ничто его особенно не трогало. В ответ на насмешки и язвительность он только смеялся.

В 1832 году в манеже школы он получил перелом правой голени – молодая, необъезженная лошадь ударила Лермонтова копытом. Два месяца он пролежал в доме бабушки и вышел оттуда хромым (неправильно сросшийся перелом). Эта хромота стала еще более подчеркивать уродливость его внешнего облика. Вот свидетельство современника Лермонтова, видевшего его всего лишь раз (цитата по Е. Гуслярову): «огромная голова, широкий, но не высокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, угрюмое и желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко остриженные. Но зато глаза!..

Я таких глаз после никогда не видел. То были скорее длинные щели, а не глаза!.. и щели, полные злости и ума». Весь этот достаточно уродливый облик да еще сутулость и хромота позволили сотоварищам-юнкерам дать Лермонтову прозвище «Маёшка», что в переводе с французского означает «горбун». Казалось бы, эта обидная кличка должна была уязвить Лермонтова, вызвать в нем чувство еще большей неполноценности. Ведь только в женском обществе он становился самым собой – чувствительным, легко ранимым. Ничуть не бывало. Мишель будто бы похвалялся этим прозвищем, бравировал им и вывел себя в образе горбуна Вадима в одноименной повести: «...он был горбат и кривоног... лицо его было длинно, смугло... широкий лоб его был желт, как лоб ученого, мрачен, как облако, покрывающее солнце в день бури. Он был безобразен, отвратителен... в его глазах было столько огня и ума, столько неземного... на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная...» и далее: «...этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках...»

Так вот горбатый, кривоногий, хромой с тяжелым «магнетическим» взглядом, Лермонтов все эти недостатки возвел в ранг до-

стоинства и с упоением, смеясь, сам называл себя Маёшкой и описал в произведении «Монго», посвященном своему закадычному другу А.А. Столыпину.

П.А. Висковатов дает этимологию этого прозвища. Он считает, что происходит оно из французского *la Majeux* – так звали горбатую девушку в одном из романов Эжена Сю. Эта девушка, несмотря на свое уродство, обладала высокими нравственными качествами, что в ее образе Лермонтов считал очень симпатичными чертами характера, восхищаясь и постоянно упоминая ее в разговорах с юнкерами.

В юнкерской школе, несмотря на дисциплину, царили довольно свободные нравы. Это были не только «шалости», «школярство», несколько напоминавшие современную «дедовщину», непременно участником коих являлся и наш поэт, но кутежи, попойки, посещение «заветных домов» с девушками не очень строгих правил. И вот этот гений, поэзия которого является лучшими мировыми образцами тонкой, нежнейшей любовной лирики, пишет откровенные порнографические поэмы и стихотворения, до сих пор почитаемые в офицерских кругах.

Поэмы «Гошпиталь», «Петергофский праздник», «Уланша» начинают ходить в списках, так как не могли быть напечатаны по цензурным соображениям, и создают поэту славу «Нового Баркова». П.А. Висковатов пишет: «Когда затем в печати стали появляться его истинно прекрасные произведения, то знавшие Лермонтова по печальной репутации эротического поэта негодовали, что этот гусарский корнет “смел выходить на свет со своими творениями”».

Бывали случаи, что сестрам и женам запрещали говорить о том, что они читали произведения Лермонтова; это считалось компрометирующим. Даже знаменитое стихотворение «Смерть поэта» не могло изгладить сложившейся в обществе репутации и только в последний приезд в Петербург, за несколько месяцев перед смертью, после выхода собрания стихотворений и романа «Герой нашего времени», пробилась его добрая слава».

Служба в Гусарском полку не налагала особенной тяжести на плечи молодого корнета. Служба службой, а кутежи, оргии, посещения борделей, карточные игры, другие мужские «забавы» продолжались, и это не мешало творчеству. В данный период (1834–1837 годы) были написаны такие произведения, как «Боярин Орша», «Тамбовская казначейша», «Песня про царя Ивана Васильевича», «Бородино», и программное стихотворение, изменившее судьбу Лермонтова, – «Смерть поэта» (1837). Последовала ссылка на Кавказ, длившаяся до февраля 1838 года. Монаршей милостью Лермон-

тов возвращается в лейб-гвардии Нижегородский гусарский полк и вскоре производится в поручики. Сбывается заветная мечта поэта – он принят в высшем свете и «идет на расхват». Самые лучшие произведения написаны им в этот период.

18 февраля 1840 года Лермонтов стреляется на дуэли с сыном французского посланника Эрнестом Барантом. 13 апреля 1840 года по «высочайшей конфирмации» поэт снова едет в ссылку на Кавказ в Тенгинский пехотный полк и 15 июля 1841 года погибает на дуэли от пули своего друга Н.С. Мартынова.

Н.П. Раевский вспоминает, что «все плакали как малые дети», когда Лермонтова не стало. Священник В. Эрастов опровергает это мнение: «Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались... От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно, думаете, насмешки его переносить? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был...»

Вообще характер Лермонтова последнего периода жизни описывается с разных точек зрения, будто речь идет о двух разных людях. Одним он кажется холодным, желчным, раздражительным. Других поражает живость и веселость. Мнение общества: высокомерен, едок, заносчив. Мнение товарищей: «Когда бывал задумчив, что случалось нередко, лицо его делалось необыкновенно выразительным, серьезно-грустным; но как только являлся в компании своих гвардейских товарищей, он предавался тому же банальному разгулу, как все другие; в то же время делался более разговорчив, остер, насмешлив, и часто доставалось от его остроумия дюжинным его товарищам» (И.Л. Андроников).

Примечательно и другое свидетельство современника Лермонтова, относящееся к преддуэльному периоду. Бабушка поэта была пациенткой известного в то время профессора-терапевта И.Е. Дядьковского. Когда профессор собрался ехать в Пятигорск, бабушка передала с ним «гостинцы и письма» для внука. Так профессор и поэт познакомились друг с другом. Случилось это событие за несколько месяцев до роковой дуэли. Вот что по этому поводу пишет Н. Молчанов В.В. Пасеку 27 июля 1841 года: «В этот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем (Дядьковским. – Авт.) зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: “Что за умница” и далее в восторге: “Что за человек! Экой умница, а стихи – музыка, но тоскующая”». Через

6 дней после гибели поэта Дядьковский умер от передозировки снотворного.

Народная мудрость гласит: «Характер человека – его судьба». Так и характер Лермонтова – язвительно-ядовитый, насмешливый, порою злобно-мстительный – свел его в могилу.

В.С. Соловьев пишет: «Но все, я думаю, согласятся, что усладиться деланием зла есть уже черта нечеловеческая. Это демоническое сладострастие не оставляло Лермонтова до горького конца; ведь и последняя трагедия произошла от того, что удовольствие Лермонтова терзать слабые создания встретило вместо барышни бравого майора Мартынова».

И. Тургенев пророчески прочел на смуглом лице юноши Лермонтова «зловещее и трагическое, сумрачную и недобрую силу, задумчивую подозрительность и страсть». Да и сам Лермонтов перед последней поездкой на Кавказ все время говорил об ожидающей его смерти. Эта мысль упрочилась после предсказания гадалки (нагадавшей и смерть Пушкина), что в Петербург он больше не вернется и что его ожидает отставка «после коей уж ни о чем просить не станешь».

И вообще, столько много рокового и загадочного видится в судьбе Лермонтова, что невольно согласишься с Д. Мережковским о inferнальности происхождения великого и таинственного поэта.

Я уже упоминал о характерной черте Лермонтова – двойственности, амбивалентности. Эта двойственность присутствует во всем: и в отношении к большому свету, к женщинам, к Родине и т. д.

Настойчиво стремясь попасть в великосветское общество, он в то же время ненавидит это общество всей душой, и свет отвечает ему тем же. А как император Николай I и его царедворцы могли относиться к Лермонтову, который в произведении «Смерть поэта» каких только унижительных эпитетов, оскорблений не нанес верховной знати: «надменные потомки», «подлость отцов», «рабская толпа», «палачи», «наперсники разврата» и т. д. Царь настолько ненавидел за это Лермонтова, что четырежды не подписал представление к награждению поручика за храбрость в Кавказской войне.

Конечно, можно отнестись сочувственно к юному поэту, так тяжело, до «нервной горячки», перенесшему смерть Пушкина, но можно и царя по-человечески понять, когда ему в лицо бросают такие чудовищные оскорбления. За них должны были последовать более тяжкие наказания. И только заступничество Бенкендорфа и слезы бабушки спасли поэта от каторги. (Осип Манделштам только заикнулся о «усатом горце», как тотчас же сгинул в пересыльных лаге-

рях ГУЛага.) Но так нас учили в школе: любой царь плох – любой поэт при этом царе хорош. Да и сейчас апологеты и панегиристы Лермонтова говорят о каком-то царском заговоре и что дуэль-то была проведена не по дуэльному кодексу, а смерть поэта от пули оскорбленного Мартынова была чуть ли не преднамеренным убийством. Оставим это на совести профессионалов-литературоведов.

У Лермонтова и через три года та же злость и ненависть.

Стихотворение «1 января 1840 г.» красноречиво говорит об этом:

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушных людей,
Приличьем стянутые маски...*

*...О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..*

И уже совсем апокалиптические пророчества, от которых стынет кровь и которые, к сожалению, сбылись, воплотившись в «русском бунте бессмысленном и беспощадном»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь...*

Посмотрите, как раздваивается отношение Лермонтова к Родине: с одной стороны, патриотические «Два великана», «Новгород», «Бородино», «Родина», наполненные славянофильским пафосом, с другой – «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...»

Ярко выраженная двойственность проявляется у Лермонтова в отношении к женщине и в биографии, и в произведениях. С одной стороны, любовные увлечения наполнены прозрачным, светлым, чаще неразделенным чувством, с другой – ненависть к женщинам, отвергшим его ухаживания, до описания порнографических сцен в юнкерских поэмах.

Комплекс женоненавистничества внушен был Мишелю еще в детстве. Как я уже писал, рос он среди женщин, и характер воспитался

женский, со слабой волей, склонностью к интриге, неспособный находить самостоятельный выход из сложных житейских обстоятельств.

«Женственность его характера, – пишет Ю. Гусяров, – замечалась и в том, что в женщине видел он не то, что должен видеть мужчина. Он не признавал за женщиной слабости. Вот и боролся с ними с полной серьезностью, с тем азартом и упорством, с которым может преследовать соперницу только женщина...» С детских лет в половом влечении Мишеньки отсутствовала тайна. Где нет тайны, там нет, как говорят сексологи, «психической составляющей копулятивного цикла», то есть любви высшей, не было романтики, не было чарующей влюбленности. Да и зачем это было нужно Мишеньке, когда дом в Тарханах был полон молоденьких и хорошеньких горничных, которых бабушка подбирала специально, чтобы внуку не было скучно.

Позднее В.Г. Белинский, который Лермонтова боготворил и ненавидел одновременно, сказал (да простят меня читатели за пошлость «неистового Виссариона»): «Мужчин он так же презирает, но любит одних женщин. И в жизни их только и видит... Женщин ругает: одних за то, что дают, других за то, что не дают... Пока для него женщина и давать – одно и то же...»

Особой жестокостью отличалось отношение Лермонтова к Екатерине Сушковой. Эта молодая красавица старше Мишеля на четыре года отвергла любовь 16-летнего «косолопного мальчика с красными глазами». Лермонтов, влюбленный в нее безумно, написал целый цикл стихов, посвященный Екатерине и названный лермонтоведами «Сушковским циклом». Нет нужды цитировать эти замечательные, полные любовной тоски стихи. Читатель при желании найдет их. Это «Вблизи тебя до этих пор...», «Благодарю», «Зову надежду сновиденьем», «Нищий», «Стансы» и пр. Через четыре года, в 1834 году, Лермонтов и Сушкова встречаются вновь, и поэт, полный мщения за неразделенную юношескую любовь, своим байронизмом увлекает Екатерину в любовный омут, но вскоре демонстративно оставляет ее, нанеся непоправимый урон репутации дворянской девушки.

Мало того, поэт засыпает Екатерину писанными собственноручно анонимными письмами с порочащими ее выдуманнами фактами. Делает это Лермонтов так, что письма попадают в руки тетки Екатерины. Все эти неблагоприятные поступки, которыми Лермонтов похвалялся перед А.В. Верещагиной и Е.П. Ростопчиной, детально описаны в романе «Княгиня Лиговская», где Екатерина

Н.С. Мартынов – убийца Лермонтова

Сушкова выведена под именем Елизаветы Николаевны. Сушкова, правда, до конца своих дней так и не узнала автора анонимных писем, но с этой скандальной историей два ее брака, которые могли состояться, распались.

Еще один неблагоприятный поступок поэта, будто бы приведший к трагической дуэли, случился в отношении Софьи Мартыновой, родной сестры Николая Мартынова. Между Лермонтовым и Софьей завязался легкий роман, и, когда поэт возвращался из отпуска на Кавказ, семья Мартыновых передала для Николая запечатанный па-

кет, в который (Лермонтов знал это) Софья вложила свои дневники и письма. В дороге Лермонтову захотелось, видимо, узнать, что о нем думает воздыхательница, и он вскрыл этот пакет. Приехав в Пятигорск, Лермонтов сочинил романтическую историю о «пропаже» пакета и рассказал об этом Мартынову. Но вскоре по Пятигорску поползли вдруг сплетни о Софье Мартыновой, в таких деталях, которые никому не могли быть известны, но которые были изложены в «пропавших» дневниках и письмах. Мартынов потребовал от своего друга объяснений, но Лермонтов чуть ли не в один присест написал «Тамань», где подробнейшим образом описал эту «романтическую» историю. Мартынов, конечно, не поверил выдумкам друга, и многолетняя дружба прервалась.

Так Мартынов, может быть, защищал честь сестры и свое достоинство, которому ядовитыми эпиграммами и злыми карикатурами Лермонтов постоянно наносил урон?

Любовные увлечения Лермонтова всегда воплощались в поэзии.

Влюбленный в Наталью Иванову (1830–1832 гг.), он посвящает ей цикл стихотворений («НФП», «НФ», «И-вой», «Разрыв» и пр.), получивший название «Ивановский цикл». Здесь та же нежность, любовные муки, чистые, светлые, как бы одухотворенные свыше.

Последнее увлечение (1839–1840 гг.) Лермонтова – княгиня Мария Щербатова. Ей посвящены стихи «На светские цепи...» и «Мо-

литва». Светская молва приписывала причину дуэли Лермонтова с Барантом ревность поэта к Марии.

Была еще одна несчастливая любовь, которая может явиться образцом во всеобщей истории любви, – любовь к Вареньке Лопухиной: ей посвящены стихи

«У ног других не забывал...», «Мы случайно сведены судьбою», «Оставь напрасные заботы», «Она не гордой красотой» и другие.

Для Лермонтова Варенька – образ святой безгрешной Мадонны, отклики этого образа и в поэтических портретах других женщин, которых поэт любил, жаждал встреч, молился на них. И постыдные, роняющие честь дворянскую и офицерскую поступки в отношении Сушковой и Мартыновой. Что же тогда говорить о Тирзах и Парашах, Уланшах и Ларисах? Вот посмотрите, как рисует женский портрет Лермонтов в поэме «Гошпиталь»:

*Худая мерзостная...
В сыти, заплатках и чирьях,
Вареного краснее рака,
Как круглый месяц в облаках,
Пред ним сияла!..*

И годом раньше стихи, посвященные В. Лопухиной:

*Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.*

...

*Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.*

*Но голос в душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.*

А вот образ несчастной девушки Тани, подвергшейся групповому насилию отделения улан в деревне Ижорке, при переходе из Петербурга в Петергофский лагерь.

Обратите внимание, что никакой жалости к изнасилованной девушке нет, а есть только садистическое сладострастие.

Утром, когда уланы покидали ночлег:

*Идут и видят... из амбара
Выходит женщина: бледна,
Гадка, скверна, как божья кара
Истощена, ...
Глаза померкнувшие ввали,
В багровых пятнах лик и грудь,
Отвисла ж... страх взглянуть!
Ужель Танюша! – Таня, ты ли?*

И годом раньше:

*...О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал.*

*Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство – яд!*

Вот такое совмещение идеала содомского с идеалом Мадонны.

«И будто видится сквозь пелену времени, как отчаянный юнкер в серой шинели, едва проспавшийся после угарной ночи, с душой, мутной от пьяного похмелья, стоит, прижавшись плечом к нежно-воздушной барышне, где-нибудь на Зимней канавке, прислушивается к вечерним выстрелам, – и уже по искаженной душе его, как по небу полуночи, пролетает белокрылый ангел» (Б. Садовской).

*Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! Шесть букв приносят столько мук,*

*Уносят все, что я теперь люблю.
Я встречаю взор ее прекрасных глаз
И может быть... как знать... в последний раз.*

И еще одна характерная черта образа Лермонтова – беспредельная печаль и тоска, идущие из самых потаенных глубин души поэта, этого «ночного светила русской поэзии», как сказал о нем Д. Мережковский, проведя антитезу между Лермонтовым и Пушкиным (Пушкин – «дневное светило»).

В. Белинский заметил, что произведения Лермонтова поражают читателя безотрадным безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Страшен этот глухой, могильный голос нездешней муки:

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!*

или:

*На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь...*

или:

*Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал – не придут
Вновь эти слезы...*

или:

*Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным холодным мертвецом...*

или:

*Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка...*

или:

*Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечного, ни лет...*

или уже совсем жуткое:

*...И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело...*

или:

*Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою...или уже пророческое:
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений...*

*И запредельная тоска в «Думе»:
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

Литературоведы подсчитали, что в лирике Лермонтова на тысячу слов текста самыми употребительными являются: слеза – 365 раз, судьба – 278, смерть – 273, умереть – 253, плакать – 215, конец – 175, мука – 155, тоска – 143, в то время как улыбаться – 57, удовольствие – 55, жалеть – 53.

«И чем дальше мы отдаляемся от Лермонтова, чем больше проходит перед нами поколений, тем более вырастает в наших глазах скорбная и любящая фигура поэта, "взирающая на нас глубокими очами полубога из своей загадочной вечности..."» (С.А. Андреевский).

Этот тяжкий для меня психопатологический очерк о М.Ю. Лермонтове я закончу стихотворением другого поэта – В. Брюсова:

*Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил.
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил.*

*Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!*

*И не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих, как будто кованных стихах!*
6–7 мая 1900 г.

Feci quod potui – faciant meliora potentes! (Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше)

Персоналии

Барант Эрнест – сын французского посланника. Соперник Лермонтова, участник дуэли.

Барков И.С. – поэт пушкинской поры, переводчик, знаменит порнографическими стихами.

Брюсов В. – русский поэт-символист.

Висковатов П.А. – историк литературы, биограф Лермонтова.

Вистенгоф П.Ф. – соученик Лермонтова по Московскому университету, литератор.

Верещагина А.В. – родственница Лермонтова, с 1828 г. – близкий друг.

Дядьковский И.Е. – профессор, ученик проф. Мудрова, терапевт.

Ганнушкин П.Б. – профессор-психиатр, главный врач психиатрической Преображенской больницы в г. Москве.

Зиновьев А.З. – педагог, первый наставник Лермонтова.

Иванова П.Ф. (Обрескова) – знакомая Лермонтова, предмет юношеского увлечения.

Корсаков А.Н. – литератор, военный.

Кречмер Э. – немецкий психиатр, профессор, автор труда о характерах людей.

Лопухина В.А. (Бахметева) – самая глубокая сердечная привязанность Лермонтова.

Мартынов Н.С. – друг, сослуживец и убийца Лермонтова.

Меликов М.Е. – художник, портретист Лермонтова.

Мережковский Д.С. – русский писатель-эмигрант.
Молчанов Н. – свидетель встреч Лермонтова с И.Е. Дядьковским.
Миклашевский А.М. – соученик Лермонтова по пансиону и школе юнкеров.
Пасек В.В. – этнограф, славянофил, друг Герцена.
Ростопчина Е.П. – графиня, писательница, юное увлечение Лермонтова.
Раевский Н.П. – знакомый Лермонтова, сослуживец по Кавказской кампании.
Сатин Н.М. – соученик Лермонтова по пансиону, переводчик, друг Герцена и Огарева, автор стихотворения «Лермонтову».
Соловьев В.С. – религиозный философ, поэт.
Столыпин А.А. (Монго) – двоюродный дядя, друг и сослуживец Лермонтова.
Сушкова-Хвостова Е.А. – знакомая, юношеское увлечение Лермонтова. Мемуаристка.
Шан-Гирей М.А. – двоюродная тетка Лермонтова, племянница бабушки Арсеньевой.
Шугаев П.К. – пензенский помещик, краевед.
Щербатова М.А. – княгиня, вдова, позднее увлечение Лермонтова (1839–1840 годы).
Эрастов В.Д. – протоиерей.

Список исп. литературы

1. Алексеев Д.А. По следам исторических загадок. М., 2001.
2. Андроников И.Л. Избранные произведения. Т. 2. М., 1975. С. 222–236.
3. Андреевский С.А. Лермонтов: Характеристика. Тула, 2000. С. 339–355.
4. Беличенко Ю.Н. Лета Лермонтова. М., 2001.
5. Бурно М.Е. Сила слабых. М., 1999. С. 30–39.
6. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1989.
7. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М., 1964.
8. Домбровский О.Н. Доктор Дядьковский и поэт Лермонтов // Клиническая медицина. 1993; 71 (3): 71–73.
9. Литературное наследство. Т. 2. М., 1948.
10. Ломинадзе С.В. Тайный холод. М.Ю. Лермонтов – pro et contra. СПб., 2002. С. 742–765.
11. Литературное наследство. Т. 1. М., 1941.
12. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
13. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 2000.
14. Мережковский Д.С. Лермонтов – поэт сверхчеловечества // Книжное обозрение. 1989; 40: 8–9.
15. Нахалетов Б.А. Медики и медицина в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова // Фельдшер и акушерка. 1985; 10: 39–41.
16. Руководство по психиатрии. Т. 2. М., 1983. С. 396–399.
17. Соллогуб В.А. Повести и рассказы. М., 1988. С. 333–336.
18. Садовской Б.А. Трагедия Лермонтова. М.Ю. Лермонтов – pro et contra. СПб., 2002. С. 41–433.
19. Торжественный венок. Слово о поэте. М., 1999.
20. Щеголев П.Е. Лермонтов. М., 1999.
21. Эйхенбаум Б.М. Мой современник. СПб., 2001.

R.D. STROUS. ПСИХИАТРЫ ГИТЛЕРА: ВРАЧИ И ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.

Дневник психиатра. 2012; 02: 18-20

АВТОР: R.D. Strous

Рассматривая психически больных как «лиц, не заслуживающих существования», врачи и «целители» создали техническую и «научную» основу, с их точки зрения, оправдывающую совершаемые зверства против этих людей. Врачи играли значительную роль в разработке системы, направленной на выявление, обозначение, транспортировку и убийство сотен тысяч психически больных, а также лиц, «ущербных с национальной и когнитивной точки зрения» (в первую подгруппу в рамках этого термина включались цыгане и евреи). Эта система внедрялась в разных условиях – от централизованных психиатрических больниц до тюрем и лагерей смерти.

УЧАСТИЕ ПСИХИАТРОВ В ГЕНОЦИДЕ

Одним из наиболее поражающих явлений, обнаруженных во время войны и после нее, была решающая роль психиатров в геноциде. Многие из них принимали деятельное участие в этом процессе и проявили себя как убежденные сторонники кровавого бесчинства. Важно знать о злоупотреблениях гитлеровских психиатров, начиная от отдельных действий и кончая широкомасштабными и хорошо организованными мероприятиями, поскольку это, возможно, позволит современным врачам определить главные этические проблемы в этой области. Преступления психиатров гитлеровской Германии охватывали широкий спектр явлений от нарушений профессиональной этики до более значительных неправомерных действий с морально-нравственной и социальной точек зрения, в том числе в пределах психиатрических лечебниц. Среди представителей других медицинских специальностей именно психиатрия и психиатры играли ведущую роль в нацистском механизме, направленном на истребле-

ние, начиная от отбора, выявления и обозначения психически больных лиц, до фактического осуществления их уничтожения, причем все эти процедуры составляли отлаженный и эффективно осуществлявшийся процесс истребления. Немецкое движение приверженцев евгеники находилось под влиянием «экономического кризиса, радикального национализма и гитлеровского тоталитаризма», а также многих психиатров, желающих принимать в нем участие, и их идеологического стремления к реализации нацистских принципов на практике. Результаты глубокого анализа текстов, касающихся участия медицины в нацистской деятельности, свидетельствуют о том, что роли психиатров уделялось незначительное внимание, в частности, это касается материалов международных психиатрических журналов. Многие знаменитые психиатры ввиду своей профессии принимали активное участие в зверствах, большинство из них смогли получить высокие звания в нацистской партии, и, вероятно, значительная их часть была вовлечена в кровопролитие. Их деятельность продолжалась в нацистских лагерях смерти, где «выдающиеся представители» профессии лично принимали участие в процессе отбора сотен тысяч евреев, направленных на уничтожение, а также детей, возвращенных из газовых камер, для их использования в ужасающих медицинских экспериментах. Психиатры играли значительную, если не основную, роль в главных преступлениях против человечества – стерилизации и эвтаназии.

СТЕРИЛИЗАЦИЯ

Психиатры были движущей силой в разработке политики, направленной на принудительную стерилизацию множества людей, расцененных как непригодные для воспроизведения потомства. Одним из создателей этого проекта, внедренного после ряда совещаний нескольких ведущих расовых гигиенистов Германии, являлся заслуженный и известный многими публикациями профессор психиатрии Эрнст Рудин. В то время он занимал должности директора Мюнхенского психиатрического института и председателя Ассоциации немецких неврологов и психиатров. В настоящее время многие считают его «родоначальником психиатрической генетики», его работы известны как «классические» произведения в этой области. В 1932 г. Э.Рудин был избран президентом Международной федерации организаций, связанных с евгеникой. На следующий год он был назначен нацистским режимом на должность руководителя Общества по расовой гигиене. Он призывал к принудительной стерилизации «балластных существ» (ballastexistenzen) и был автором официально

признанного руководства по внедрению принципов принудительной стерилизации больных шизофренией с евгенической целью. Этот закон, введенный в действие в июле 1933 г., был основан на рекомендациях ученых, занимавшихся евгеникой, которые призывали к принудительной стерилизации лиц, страдающих психическими и наследственными заболеваниями. Многие ученые действовали согласно принципам, которые, с их точки зрения, представляли подлинные интересы общества. Таким образом, медицина превратилась в движущую силу, способствовавшую внедрению евгеники, ставшей защитным фоном для расизма. Из 300–400 тыс. лиц, подвергшихся стерилизации, приблизительно 60% были признаны страдающими психическими заболеваниями. Диагнозы, считавшиеся основанием для проведения стерилизации, включали шизофрению, циклотимию, наследственные формы эпилепсии, хорею Гентингтона и задержку умственного развития.

Эрнст Рудин. Расовый гигиенист

ЭВТАНАЗИЯ

К моменту формального закрытия в 1941 г., когда была официально прекращена фаза операции по уничтожению путем отравления газом (неофициальная реализация программы продолжалась в дальнейшем на протяжении нескольких лет), было уничтожено 70 273 человека с различными формами психических заболеваний во имя расовой гигиены и медицины. Точное количество стало известно благодаря тщательному учету, проводимому комитетом, руководившим операцией. Были убиты тысячи детей с соматическими и неврологическими заболеваниями. Известный профессор психиатрии и главный эксперт по проведению эвтаназии Макс де Кринис даже предупреждал, что мало кто захочет изучать психиатрию после осуществления проекта по эвтаназии, так как почти не окажется пациентов. Аналогичным образом Карл Шнайдер, ведущий профессор психиатрии и председатель Управления по осуществлению расовой политики нацистской партии, предостерегал о возможности прекращения существования психиатрии как сферы деятельности и ее «банкротства» по причине стерилизации и эвтаназии. Главные психиатры нацистской Германии являлись основной опорой этого про-

Макс де Кринис

цесса. Они отбирали психиатрические учреждения и потенциальные жертвы для «эвтаназии», направляли бюрократическую систему в сторону официального узаконивания убийства, а также отбирали и рекомендовали палачей. Профессор психиатрии и директор Горденской психиатрической больницы Ганс Хайнце был назначен в самый высокий экспертный комитет, осуществляющий контроль за реализацией программы по эвтаназии, в рамках которой применялись различные виды инъекций морфина, отравление цианидами, боевыми

отравляющими веществами, расстрелы и изнурение голодом. Многие из этих убийств происходили в пределах различных психиатрических лечебниц, включая известные учреждения, такие как в Бернбурге, Бранденбурге, Графенеке, Гартхайме, Зонненштейне и Гадамаре. Все психиатрические больницы давали быстрое и молчаливое согласие на предоставление списков пациентов, которые пребывали в стационаре более 5 лет, психически невменяемых правонарушителей и нетрудоспособных лиц. Следует отметить, что на фоне осуществления основной деятельности в рамках программы по эвтаназии лишь в пределах психиатрических учреждений вряд ли было возможно достижение потенциального «успеха» без вовлечения амбулаторного звена и сотрудничества с частным образом практикующими психиатрами. Они приняли на себя задачи по выявлению и составлению списков соответствующих лиц, которые в дальнейшем были помещены в указанные учреждения для проведения эвтаназии. Точное число психиатров, участвовавших в этой начальной фазе процесса по внедрению эвтаназии, остается неизвестным, однако, судя по масштабам программы, в которую они были вовлечены, можно заключить, что количество этих врачей было, несомненно, велико... Программа по эвтаназии официально прекратила свое существование в 1941 г., еще 1 млн пациентов были замучены голодом до смерти в немецких психиатрических больницах с 1942 по 1945 г., при этом количество убийств, совершаемых психиатрами, не уменьшалось. Например, из 3950 психически больных, пребывавших в психиатрической лечебнице Мезеритц-Обравальде в 1944 г., 3814 человек умерли перед окончанием войны, при этом многие в течение первых недель после поступления в клинику в результате введения скополамина. Программа по эвтаназии была (официально) ликвидирована, но га-

зовые камеры, замаскированные под душевые кабины, применялись в психиатрических учреждениях Германии. Они были затем повторно установлены на востоке для проведения широкомасштабных операций в рамках геноцида, в основном направленных на уничтожение евреев, в лагерях Аушвиц (Освенцим), Бельцек, Майданек, Собибор и Трешлинка. Психиатрические учреждения также выполняли роль связующего звена между ранее проводимой программой по эвтаназии и последующим крупномасштабным истреблением евреев и других категорий людей (например, гомосексуалистов) в процессе расового очищения и убийства «неудобных» людей. После того как в 1939 г. разразилась война, процесс осуществления нацистской расовой гигиены (изначально внедренный в психиатрических учреждениях) трансформировался из программы по контролю репродукции, вступления в брак и убийству лиц, чьи жизни были расценены как «не заслуживающие существования», в широкомасштабное уничтожение и истребление лиц, рассматриваемых как «биологическая» угроза для немецкой нации.

«СТОЛПЫ» ПРОФЕССИИ

В своей работе, часто цитируемой выдающимися лидерами нацистской Германии, А.Гохе утверждал, что «принцип, оправдывающий убийство, должен быть применен к неизлечимо больным... Право на жизнь должно быть заработано и обосновано, а не признано в качестве догматического постулата». Гохе заявлял, что существование лиц, не способных к человеческим чувствам («балластные существа» и «пустота в оболочке»), т.е. обитателей психиатрических учреждений, не имеет смысла и ценности. Следовательно, они не заслуживают права на жизнь, их уничтожение не только оправданно, но и гуманно. В.Хайде также был непосредственно вовлечен в процесс выявления среди пленников концентрационных лагерей лиц, которые являются нетрудоспособными и, следовательно, подлежат истреблению как непригодные в дальнейшем. После войны В.Хайде продолжал практиковать в качестве психиатра, однако он покончил жизнь самоубийством во время пребывания в тюремной камере, куда был помещен в 1961 г. Во время войны его должность руководителя программы по эвтаназии занял другой известный психиатр, профессор Пауль Ницше из государственной клиники в Зонненштейне, который усовершенствовал процесс убийства в клинических условиях путем внутривенного введения препаратов. Другим психиатром, игравшим основную роль в этом процессе, являлся доктор Герман Пфаннмуллер, директор известного педиатрического

Вернер Хайде

института Эглфинг-Хаар. Он открыто хвалил себя за осуществление постепенного истребления голодом «неугодных детей», что, по его словам, являлось «наиболее простым методом». Профессор Макс де Кринис, руководитель отделения психиатрии в берлинской больнице Charite, был также выдающимся психиатром и одним из уважаемых в стране ученых, активным членом движения СС, который, как считали, представил Гитлеру формулировку для его декрета об эвтаназии и спланировал программу ее проведения. Доктор Карл Шнейдер, директор психиатрической клиники в Гейдельбергском университете, в значительной мере участвовал в

стерилизации и убийствах психически больных в клинических условиях. Он руководил научно-исследовательским подразделением в Вислохе, где проводили эксперименты на психически больных с изучением анатомической структуры их головного мозга после эвтаназии. Другим весьма известным и влиятельным психиатром, членом нацистской партии, был доктор Эрнст Рудин, почетный профессор и директор влиятельного Научно-исследовательского института психиатрии при обществе кайзера Вильгельма в Мюнхене. Считаясь автором гитлеровской политики по генетическим исследованиям, направленной на очищение расы и стерилизацию, он часто хвалил СС за направленность к конечной цели в виде «создания особой группы здоровых людей немецкого нордического типа, превосходящих остальных по состоянию здоровья». Несколько известных профессоров в области психиатрии принимали участие в деятельности и политике нацистской Германии, например профессора Освальд Бумке и Ганс Бургер-Принц (декан Гамбургского медицинского института). Несмотря на «заслуги» психиатров (а также других представителей медицинской профессии), лишь один врач был избран в качестве руководителя лагеря смерти, предназначенного для уничтожения евреев. Эту жуткую роль выполнял психиатр доктор Имфрид Эберл, назначенный комендантом концлагеря Треблинка при его открытии в 1942 г. Он ранее являлся клиническим руководителем одного из психиатрических учреждений недалеко от Магдебурга (Бернбург), где ранее осуществлялись убийства психически больных. И.Эберлу было приказано «патрулировать» концлагерь Треб-

линка в белом врачебном халате и проверить, чтобы в помещении с обнаженными заключенными находился врач (он лично или кто-либо другой) перед отправкой в газовую камеру для их успокоения «присутствием врача». Он способствовал внедрению отравляющего газа в качестве высокоэффективного метода уничтожения в многочисленных лагерях смерти. При массовом участии психиатров в нацистской деятельности имели место единичные случаи сопротивления и даже отказа от сотрудничества, например со стороны докторов Карла Бонхоффера, Мартина Хохля, Ганса Крейтцфельдта и Готфрида Эвальда.

Имфрид Эберл

В 1940 г. в письме, направленном руководителям психиатрических отделений немецких университетов, доктор Ясперсон из Бетеля выразил крайний протест, направленный против эвтаназии психически больных, который был проигнорирован. Чем объясняются действия психиатров и выбор психически больных? Еще с момента разработки принципов евгеники (пер. с греч. «здоровый от рождения», или «благородный») Франсуа Гальтоном в 1865 г. психически больных стали использовать в качестве объектов исследований в этой области. Таким образом, психиатры и психиатрия как наука оказались вовлеченными в евгенику с самого ее создания. Важно отметить, что это движение не было ограничено Германией, сторонники евгеники были известны и в других странах мира, особенно в Англии и США. Нацистский опыт представлял собой крайнее извращение представления о евгенике, которое уже ранее существовало (хотя бы на уровне понятий) в умах многих психиатров. Возможно, что именно с евгеникой было связано процветание медицинской науки в Германии, активное финансирование исследований в этой области, а также создание нескольких новых институтов и лабораторий, деятельность которых была направлена на создание биологических и клинических разработок, способных разрешить серьезные экономические и социальные проблемы. Вероятно, евгеника и генетика могли выступать в роли «пути спасения» страны, пребывающей в затруднительном положении. Таким образом, психиатрия приобрела статус основной медицинской специальности, вовлеченной в программу расовой гигиены, так как нацистская идеология в отношении расовой принадлежности и евре-

ники, которая была широко принята немецкими психиатрами, особенно направлена на психически больных с целью их стерилизации и эвтаназии. Роль психиатрии и участие психиатров, в свою очередь, считали законным основанием для научной базы, оправдывающей «терапевтические методы евгеники», составляющей ядро национальной политики в области здравоохранения и расовой политики нацистов. Еще до участия психиатров в деятельности нацистского режима основная роль и значимость расовой гигиены подчеркивалась Ойгеном Блейером в начале XX в. Несмотря на наличие других примеров участия психиатров в противоправных действиях с социально-этической точки зрения (включая, например, лишение свободы своих жен мужьями путем помещения в психиатрические лечебницы в XIX в. или неоправданное применение лоботомии в середине XX в.), мало кто из них достигал той степени аморальности, как в нацистской Германии. Однако ранее не встречавшиеся за всю историю психиатрической профессии специфический характер и степень злоупотреблений со стороны психиатров в нацистской Германии в период с 1943 по 1945 г. показывают, что психиатры могут быть подвержены высокому риску этических нарушений, обусловленных уже привычными представлениями в обществе об их роли и власти, и привыканию к ним.

ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ ПРОШЛОГО РАДИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИИ

На немецкой психиатрии до сих пор лежит пятно жестокого прошлого, от которого нельзя избавиться. Очевиден факт, что психиатрам никогда не давали приказаний убивать лиц с неврологическими нарушениями и психически больных или способствовать их смерти. Они сами осуществляли эти действия, часто по собственной инициативе и без всякого протеста. Эти действия шокируют, однако во избежание таких явлений в будущем мы не вправе забывать прошлое.

Н.А. ЗОРИН. ПСИХИАТРИЯ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.

Дневник психиатра. 2015; 1: 5-7

АВТОР: Н.А. Зорин

История, как известно, к сожалению, никого ничему не учит. Общество склонно многократно повторять одни и те же поступки, особенно когда оно предварительно уничтожает собственную историю (сносит памятники, сжигает книги и т.п.). В настоящее время во всем мире наблюдается отчетливый всплеск националистических и экстремистских настроений, грозящий повторением страшной катастрофы времен Второй мировой войны. Поэтому полезно будет напомнить, к чему все это может привести. Эту цель и преследовало написание настоящего обзора.

В основу этого обзора положены два документа:

- речь президента Немецкой ассоциации психиатрии, психотерапии и невропатологии (Deutsche Gesellschaft für Psychiatrie, Psychotherapie und Nervenheilkunde – DGPPN), профессора Франка Шнайдера (Frank Schneider) на юбилейном мероприятии этой организации в Берлине «**Психиатрия при национал-социализме – воспоминание и ответственность**» [1] (оригинальный немецкий текст этой речи был единодушно принят Исполнительным комитетом DGPPN как документ Ассоциации 23 ноября 2010 г.);
- доклад «**Нацистская психиатрия**» Сабини Мюллер (Sabine Müller) [2] из отделения психиатрии и психотерапии больницы Шарите. Эти два материала дополнены нами подробными описаниями и комментариями из других источников. По историческим меркам совсем недавно, собственно в наше время, началось публичное освещение страшных событий прошлого их немецкими современниками и публичное покаяние их ближайших потомков, официальных лиц и общественных деятелей Германии. Недавно к ним присоединилась и Немецкая ассоциация психиатрии, психотерапии и невропатологии (DGPPN), посвятившая свою траурную церемонию 26 ноября 2010 г. нацистской психиатрии. Это был непростой шаг, поскольку определенная часть врачебного сообщества Германии противилась подобному, опасаясь, что публичные покаяния подрвут авторитет

профессии. В данном случае в итоге многочисленных дискуссий пришли к согласию: «В результате переговоров мы исправили Устав Ассоциации DGPPN. Первый параграф теперь звучит так: “DGPPN признает, что несет особую ответственность в деле защиты достоинства и прав людей, страдающих психическими заболеваниями. Эта ответственность – результат участия предшественников в преступлениях национал-социализма, в убийстве и насильственной стерилизации сотен тысяч больных”» [1]. Перемены в нацистской психиатрии начались с социального отбора будущих исполнителей задуманного. Запрет на профессию получили около 8 тыс. врачей-евреев. Многие уехали за границу. На упомянутой траурной конференции прозвучал доклад профессора Ефраима Бентая (Ephraim Bental) из Хайфы, посвященный воспоминаниям о жизни в Израиле одной семьи изгнанного психиатра. «Поколение иммигрировавших психиатров, – сказал он, в частности, – сыграло важную и достойную почитания роль в развитии современной психиатрии в Израиле» [3]. Большинство из тех, кто не мог сбежать из Германии или Австрии, были высланы в концентрационные лагеря, или лагеря смерти. Выжили немногие. Оставшиеся в Германии в значительной степени были ангажированы режимом. 45% немецких психиатров были членами национал-социалистической немецкой рабочей партии НСДАП (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – NSDAP)¹. Существовала еще и профессиональная нацистская организация – Национал-социалистический союз немецких врачей (нем. Nationalsozialistischer Deutscher Ärztebund – NSD-Ärztebund или NSDAB) – общественная организация Германии (1935–1944 гг.), объединявшая в своих рядах врачей – членов НСДАП. Создана в 1929 г. по инициативе врача и издателя Людвиг Либля. Согласно уставу, принятому в 1929 г., союз, в частности, имел следующие задачи:

- создать служебную этику немецких врачей и всего здравоохранения в духе национал-социалистического мировоззрения и внедрять эти принципы также в сознание общественности;
- осуществлять взаимную поддержку и помощь в профессиональных делах, воспитывать национал-социалистическое подрастающее поколение, в том числе студентов, в духе национал-социалистической профессиональной этики [4].

¹Одна из немногих аббревиатур, образованных от транслитерации немецкого названия, а не от русского (прим. авт.).

Общая ориентация нацистской медицины состояла в реализации идеи улучшения «арийской расы» через евгенику² и совершенствовании общественного здравоохранения, в частности, для подготовки войн.

РАСОВАЯ ГИГИЕНА И ЕВГЕНИКА

Евгеника в нацистской Германии вылилась в стерилизацию, или убийство, «недостойных жизни душ» (нем. Vernichtung lebensunwerten Lebens), в том числе уголовников, дегенератов, диссидентов, слабоумных, гомосексуалистов, бездельников³, душевнобольных и слабых людей. В 1920 г. была опубликована книга «Разрешение на уничтожение недостойных жизни душ». Ее авторы, профессор психиатрии Альфред Гохе (Alfred Erich Hoche) и профессор юриспруденции Карл Биндинг (Karl Lorenz Binding) из Фрайбургского университета, писали, что «идиоты не имеют права на существование, их убийство – это праведный и полезный акт». Гохе, будучи физиологом, обосновывал утверждение, что некоторые люди – просто балласт, создающий неприятности для других, а также, что немало важно, и экономические издержки. Гохе утверждал, что существование обитателей психиатрических учреждений (по его выражению, «балластных существ» и «пустоты в оболочке» – лиц, не способных к человеческим чувствам⁴) не имеет смысла и ценности. Его соавтор Карл Биндинг предлагал государству учредить специальные комиссии по умерщвлению недостойных жизни людей, что, собственно, и было осуществлено нацистами [8].

Сегодня весьма интересно вспомнить, что в основу нацистской евгеники легло евгеническое движение в США и так называемая Калифорнийская программа принудительной стерилизации⁵. Разрабатывать и финансировать разные евгенические программы в Германии

²Евгеника – совокупность социальных и политических мероприятий, направленных на улучшение наследственных характеристик человеческих популяций. Термин «евгеника» предложил в 1883 г. Френсис Гальтон. Согласно ему это наука, призванная разрабатывать методы социального контроля, которые «могут исправить или улучшить расовые качества будущих поколений – как физические, так и интеллектуальные» [5].

³Профессор Вернер Филлингер, психиатр из немецкого г. Бетеля, первым ввел в оборот термин «эндогенное нежелание работать» и усмотрел корни этого «состояния» в генетических причинах [6].

⁴Лексикон врачей пополнялся: «психически умерший» (mentally dead), «человеческий балласт», «жизнь, не достойная проживания» (вариант – «недостойные жизни души») [1], «экономически бесполезный» и «дармоед» [7].

⁵Об этом см. также: Эдвин Блек «Hitler made eugenics famous, but he took it from United States» [9] и Уве Генрих Петерс «Немецкая психиатрия: прошлое и настоящее». Перевод – В. Петерс [10].

помогал Фонд Рокфеллера. В 1934 г. американский лидер евгеники С.М.Гете писал своему другу: «Вам будет интересно узнать, что Ваша работа сыграла существенную роль в формировании мнения группы интеллектуалов, которые стоят за Гитлером в деле осуществления этой эпохальной программы. Везде я чувствовал, что их мнения формировались под огромным влиянием американских идей... Я хочу, чтобы ты, мой дорогой друг, пронес эту мысль через всю оставшуюся жизнь, что вы действительно подтолкнули к действию великих властителей 60-миллионного народа».

Подпись под плакатом: «Этот больной с наследственным заболеванием за время жизни обходится народу в 60 тыс. рейхсмарок. Гражданин – это и твои деньги!»

ПРОГРАММА СТЕРИЛИЗАЦИИ

В 1933 г. был принят Закон о профилактике рождения наследственно отягощенного потомства (Law for the Prevention of Hereditarily Diseased Offspring – нем.: Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses)⁶. Комментарий к закону гласил: «Что является целью мер по генетической и расовой гигиене, подходящей народу Германии? Неизменное существование достаточного числа генетически здоровых больших семей, которые в расовом отношении ценны немцам» [1]. Одним из моральных оправданий введения закона была подобная практика 12 стран, начиная с США. Врачей обязали регистрировать каждый известный им случай наследственных заболеваний за исключением женщин старше 45 лет. За невыполнение этого требования врача могли оштрафовать. Закон позволял насильственную стерилизацию лиц, которые, по мнению Суда наследственного здоровья, были признаны страдающими заболеваниями, передающимися по наследству. До 1945 г. существовало более 200 таких судов. Насильственной стерилизации подверглись более 360 тыс. человек, из которых более 6 тыс. умерли [2] (выделено автором доклада. –

⁶Другой перевод найден мною в сети: «О предотвращении рождения детей с заболеваниями, обусловленными генетическими причинами» (прим. авт.).

Прим. авт.). Показаниями к стерилизации были: врожденное слабоумие, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, врожденная эпилепсия, хорея Гентингтона, врожденные слепота и глухота, любые врожденные пороки развития.

Приблизительно с марта 1941 г. по январь 1945 г. в концлагерях Аушвиц, Равенсбрюк, Бухенвальд и других проводились эксперименты по стерилизации. Целью экспериментов было выработать метод стерилизации, который бы подходил для массовой стерилизации миллионов людей с минимальными затратами времени и усилий, а также исследовать влияние стерилизации на психику жертв. Эти эксперименты проводились с использованием рентгеновских лучей, хирургии и разнообразных лекарственных препаратов. Тысячи жертв были стерилизованы, тем самым получив психические и физические увечья. В особой ответственности и участии в этих преступлениях были обвинены: личный врач Гитлера – Карл Брандт (Karl Brandt), личный врач и школьный друг Гимлера – Карл Гебхардт (Karl Franz Gebhardt), личный референт Гимлера – Рудольф Брандт (Emil Hermann Brandt), а также Иоахим Мруговский (Joachim Mrugowsky), Гельмут Поппендик (Helmut Poppendick), Виктор Брак (Viktor Hermann Brack), Адольф Покорный (Adolf Pokorny) и Герта Оберхойзер (Herta Oberheuser) [11]. Указом от 26 июня 1935 г. закон был несколько изменен в части процедур его исполнения. Кроме этого, новая редакция закона предусматривала разрешение абортов женщинам, подлежащим стерилизации, в то время как прерывание беременности в случае здорового «арийского» плода было запрещено законом [12]. Были сформулированы показания для разрешения на аборт: диагноз наследственного заболевания, расовые и «этические показания».

Новая редакция закона предусматривала также «добровольную» кастрацию мужчин, осужденных за сексуальные преступления. Кроме насильников и растлителей несовершеннолетних, дополнение к закону предусматривало кастрацию «по собственному желанию» и для гомосексуальных мужчин, либо уже осужденных по параграфу 175, либо уже отсидевших по этому параграфу, если в их отношении есть опасность рецидива [12]. Относительно дальнейшей судьбы закона есть разночтения. Например, «Википедия» дает нам

Альфред Гохе

следующие сведения: «После Второй мировой войны закон не был отменен оккупационными властями вместе с другими нацистскими законами и продолжал действовать. В некоторых землях он был отменен в 1945–1946 гг. на региональном уровне. Однако лишь в 1974 г. закон был отменен Бундестагом ФРГ на федеральном уровне. В то же время в советской зоне оккупации закон был отменен уже 8 января 1946 г. и, таким образом, никогда не имел силу в ГДР. Лишь 28 мая 1998 г. Бундестаг принял закон, отменяющий все решения, вынесенные в нацистское время по “Закону о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями”. Тем самым закон, вступивший в силу 28 августа 1998 г., лишь спустя десятилетия реабилитировал лиц, приговоренных к стерилизации» [12]. Однако Франк Шнайдер в своем докладе говорит, что Бундестаг официально признал Закон «нацистской несправедливостью» в 1988 г., и только в 2007 г. (!) он был запрещен [1]7. «По сей день Федеративная Республика Германия все еще формально не признала этих людей жертвами нацистского преследования, несмотря на тот факт, что закон о стерилизации был однозначным выражением расовой идеологии национал-социалистов» [1].

«АКЦИЯ Т-4»: ЭВТАНАЗИЯ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ И ИНВАЛИДОВ

Гитлер подписал «декрет об эвтаназии», датированный задним числом 1 сентября 1939 г.: «Ответственность за расширение сферы полномочий поименно назначенных врачей возложена на лидера рейха Бухлера и доктора Брандта (Bouhler and Dr. med. Brandt), для того чтобы пациентам, которых на основе человеческого суждения считают неизлечимыми, можно было предоставить милосердное умерщвление после постановки прозорливого диагноза. Адольф Гитлер». «Акция Т-4», или Программа принудительной эвтаназии (так называемое «милосердное умерщвление»), получила свое название по адресу исполнительной организации, которая называлась «Благотворительная организация для лечения и ухода за больными в условиях стационара» и находилась в Берлине по адресу: Тиргартен штрассе, 4. В организации по отбору и умерщвлению психически больных и инвалидов, медицинским директором которой был психиатр профессор Вернер Хейде (Werner Heyde), работали около 50 экспертов (врачей). Среди экспертов были Вернер Филлингер (Werner Villinger), Фридрих Мауц (Friedrich Mauz) и Фридрих Панзе (Friedrich Panse). Все они в свое время занимали пост президента в

⁷«Yet it took the Bundestag until 2007 to finally ban the Law for the Prevention of Hereditarily Diseased Offspring» [1].

DGPPN в послевоенный период, а Фридрих Мауц и Фридрих Панзе позже даже стали ее почетными членами [1]. По каждому большому решению принималось четыре эксперта. Заключение маркировалось таким образом:

- «+» – смерть;
- «-» – жизнь;
- «?» – решение не принято.

Телеграфная краткость этих записей говорит о том, что они явно были перегружены работой. На упомянутой выше траурной сессии Ассоциации психиатрии и психотерапии племянница одной из жертв Зигрид Фалкенштайн (Sigrid Falkenstein) в своем докладе рассказала, как ее тетя была сначала насильственно стерилизована, а затем в возрасте 24 лет в Центре эвтаназии замка Графенек умерщвлена в газовой камере, замаскированной под душ [7]. При этом приговор экспертов был ей вынесен заочно...

С сентября 1939 г. по август 1941 г. жертвами организации стали 70 273 человека. 24 августа 1941 г. Гитлер прекращает программу «Т-4» якобы под давлением общественности. Так, католический епископ Мюнстера Клеменс Август Граф фон Гален (Clemens August Graf von Galen) публично осудил программу «Т-4» в своей проповеди. Однако продолжается вторая, неофициальная волна убийств, на счету которой уже почти втрое больше жертв – 200 тыс. человек. В целом «Т-4» унесла более 270 тыс. жизней [2] (выделено автором доклада. – Прим. авт.).

УБИЙСТВА ДЕТЕЙ В РАМКАХ «АКЦИИ Т-4»

За «Акцию Т-4» проводилась наглядная агитация. То есть в основу убийств, в частности, ложилась экономическая рациональность. Умерщвление маскировали также идеей избавления от боли и страданий.

Убийства скрывались. Родителей обманывали, создавая специальные фальшивые «центры по уходу за детьми». Впоследствии родителям выдавались фальшивые свидетельства о смерти. На родителей, которые были подозрительны, оказывалось давление. С августа 1939 г. врачи и акушерки обязаны были сообщать обо всех детях-инвалидах. Все дети до 3 лет с любой «серьезной наследственной бо-

Карл Шнайдер. Убивал психически больных детей.

лезню» должны были быть убиты (сюда входили идиотия, синдром Дауна, микроцефалия, гидроцефалия, уродства всех видов, паралич и спастические расстройства). Позднее произошло расширение этих мер на детей старшего возраста и подростков. Убийства совершались главным образом инъекцией фенола. «Детская эвтаназия» проводилась в более чем 30 психиатрических и педиатрических больницах. Ранее считалось, что погибло приблизительно 5 тыс. детей. Ныне известно, что фактическое число было намного больше [1].

«АКЦИЯ Т-4»: УБИЙСТВО ВЗРОСЛЫХ

Первыми взрослыми с разными видами инвалидности, убитыми нацистским режимом, стали свыше 17 тыс. поляков. Приблизительно 8 тыс. психически больных немцев были вывезены в Польшу и застрелены. После официального начала «Акции Т-4» 6 психиатрических больниц были оборудованы газовыми камерами, где для убийства использовался угарный газ. Таким образом, медицинские учреждения стали центрами по уничтожению. Все больницы, частные санатории, дома престарелых должны были сообщать обо всех больных, которых поместили туда в течение 5 лет и ранее и которые совершали преступления, будучи психически больными («криминальное помешательство» – «*criminally insane*»), не принадлежали к «арийской расе» или получили диагнозы шизофрении, эпилепсии, хорей Гентингтона, сифилиса в поздних стадиях, слабоумия, паралича, энцефалита или терминальных состояний неврологических расстройств в целом. Очевидно, часть соучастников использовали вслепую. «Случилось фатальное недоразумение, – говорит С.Мюллер, – многие врачи и администраторы предположили, что цель отчетов состоит в том, чтобы выявить тех обитателей этих учреждений, которые были способны работать. Чтобы защитить их от трудовой воинской повинности, они нередко преувеличивали степень недееспособности своих больных, тем самым обрекая их на смерть...» Однако были и вполне осознававшие то, что они делают. С декабря 1946 г. по август 1947 г. проходил Нюрнбергский процесс по делу врачей (*Nürnberger Ärzteprozess*), который проводил американский военный трибунал. Он известен как «Судебный процесс над врачами». Судили 20 врачей KZ (*killling zone* – зона умерщвления. – Прим. авт.) и

3 администраторов за военные преступления и преступления против человечества:

- убийства в рамках «Акции Т-4»;
- эксперименты на узниках-смертниках KZ (особенно для целей военных исследований);

- убийство узников для анатомического коллекционирования их костей.

Из 23 обвиняемых 7 были приговорены к смертной казни, 5 – к пожизненному заключению, 4 – к разным тюремным срокам (от 10 до 20 лет) и 7 человек были оправданы. Показания обвиняемых были изданы большим тиражом в двухтомнике: «Бесчеловечная наука» (нем. *Wissenschaft ohne Menschlichkeit*) и «Диктат презрения к человечности» (нем. *Diktat der Menschenverachtung*), но в открытую продажу эти материалы не поступили [1]. Завершить этот небольшой обзор уместно цитатой из заключительной речи президента DGPPN, профессора Франка Шнайдера: «Мы затрудняемся объяснить, почему у нас только теперь появилась возможность провести такое мероприятие, как это. Я стою перед Вами сегодня как президент ассоциации, которой потребовалось почти 70 лет, чтобы нарушить молчание... <...> Немецкая ассоциация психиатрии и психотерапии, проводя эту траурную церемонию, решила дать ясно понять, что это – способ выражения признательности и поддержки жертвам, принятие нашего прошлого и извлечение уроков из этого мрачного периода нашей истории» [1].

Список исп. литературы

1. URL: www.dgppn.de/english-version/history/psychiatry-under-national-socialism.html
2. URL: www.dgppn.de/english-version/history/psychiatry-under-national-socialism.html
3. Speech by Prof. Dr. Ephraim Bental, Haifa (Israel). Son of an emigrated psychiatrist. In Remembrance of persecuted psychiatrists under national socialist regime. URL: www.dgppn.de/english-version/history/psychiatry-under-national-socialism.html
4. Национал-социалистический союз немецких врачей. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Национал_социалистическая_немецкая_рабочая_партия
5. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2263%20/ЕВГЕНИКА
6. Психиатрия при нацизме: проведение «Акции Т-4» с активным участием психиатров. Сообщение 3. URL: <http://www.psychiatry.ua/articles/paper398.htm> По изданию: Петрюк П.Т., Петрюк А.П. Психиатрия при нацизме: проведение «Акции Т-4» с активным участием психиатров. Сообщение 3. Психічне здоров'я. 2011; 2: 53–63.
7. Nazi «euthanasia» and forced sterilisation in one family's memory – a reflection on the collective repression of memories and their increasing recollection. URL: <http://www.dgppn.de/history/psychiatry-under-national-socialism/speech-falkenstein.html>
8. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Программа_умерщвления_Т-4
9. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/28603/>
10. URL: <http://lekmed.ru/info/arhivny/nemeckaya-psihiatriya.html>
11. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Нюрнбергский_процесс_над_врачами
12. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_о_предотвращении_рождения_потомства_с_наследственными_заболеваниями

ГЛУБОКО УВАЖАЮЩИЙ АВТОРА КНИГИ «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»...

Дневник психиатра. 2014; 01.

*Многоуважаемый
Андрей Владимирович!*

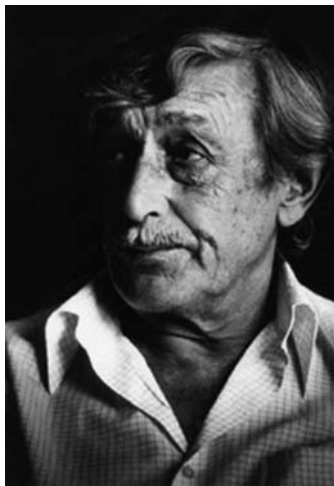
Я не обращался бы к Вам с этим письмом, если бы не прочитал в газете «Известия» за 24 окт. статьи К.Брянцева «Лжерадетели в трясине клеветы», в которой приводится и Ваше высказывание.

Не скрою, меня не могли не озадачить мысли, высказанные известным советским ученым, директором Института психиатрии Академии медицинских наук СССР академиком А.В.Снежневским: «Да, я также читал эти абсурдные сообщения о том, что в СССР помещают здоровых людей в психбольницы. Как и все мои коллеги, не могу не выразить чувства глубокого негодования по поводу этого дикого вымысла».

Вымысел ли это? И дикий ли? Не дико ли как раз противоположное, то, что и должно было бы, на мой взгляд, вызвать у Вас чувство глубокого негодования?

Откровенно говоря, меня не очень-то интересуют упомянутые Вами отчеты и высказывания французских и американских психиатров. Вряд ли они могут верно судить о постановке дела в нашей психиатрии, посетив, ну, допустим, Винницкую психбольницу и не побывав в Казанской или Черняховской, подведомственных, как Вам известно, отнюдь не Министерству здравоохранения СССР. Меня, да и не только меня, конечно же, куда более интересует авторитетная оценка советского психиатра, занимающего достаточно ответственное (и перед историей тоже) положение, А.В.Снежневского, который, безусловно, знаком с положением дел во всех психиатрических учреждениях Советского Союза.

Будучи уверенным в этом, я и позволяю себе обратиться к Вам со следующими вопросами:

Писатель Виктор Некрасов

– знакомились ли вы с историями болезней тех людей, которые в статье именуются «обоймой»?

– согласны ли Вы с выводами и диагнозами этих историй болезней?

– встречались ли Вы с этими людьми, исследовали ли их?

(В противном случае, не преждевременно ли говорить о диком вымысле?)

Я позволяю себе задать Вам эти три вопроса, т.к. со своей стороны хорошо знаю друзей и родственников кое-кого из этой «обоймы» (П.Григоренко и В.Буковского, в частности) и у меня нет никакого основания не доверять их утверждению, что и тот, и другой психически совершенно здоровы.

Содержание в психбольницах здоровых людей – акт антигуманный и противозаконный. Вы утверждаете, что таких случаев в нашей стране нет. Более того, Вы позволяете цитировать ваши высказывания некоему К.Брянцеву, журналисту, о компетентности которого в вопросах психиатрии говорить не буду, а о порядочности сужу по всему стилю статьи, по манере излагать факты, по нежеланию называть конкретные имена.

Но, в конце концов, Бог с ним, с Брянцевым, с него взятки гладки, Вы же – признанный специалист, академик, и пост, занимаемый Вами сейчас, ко многому вас обязывает, и в первую очередь, как мне кажется, – бороться за правду, за истину, за то, чтоб в нашей стране не могло повториться происшедшее в свое время с П.Чаадаевым, чтобы среди наших психиатров не встречались профессора, подобные Сикорскому, опозорившему себя в деле Бейлиса.

Впрочем, разве можно сравнить положение Чаадаева с участью Григоренко и Буковского? Чаадаев был «по высочайшему повелению объявлен сумасшедшим», но жил у себя дома, встречался с людьми и мог работать. Григоренко же, вся «вина» которого – в его честности и бескомпромиссности, одними врачами был признан здоровым, другими – больным, а сейчас находится в одиночке психбольницы Министерства внутренних дел, от всех изолирован и лишен какой-либо возможности работать, а значит, и по-человечески существовать. Не стоит ли подумать над всем этим? Над тем, что волнует сейчас многих людей, в том числе и меня.

Академик А.В. Снежневский

Позволю себе в заключение напомнить Вам одну фразу из «Факкультетского обещания», которое давалось в свое время врачами при получении диплома:

«Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачить чести сословия, в которое ныне вступаю».

С уважением,
Виктор Некрасов,
писатель. Окт. 1971

Москва, 12 ноября 1971

*Глубокоуважаемый
Виктор Платонович!*

Включенное в статью Брянцева (далеко не совершенную – согласен с Вами) мое интервью преследовало одну цель – защиту от клеветы на отечественных психиатров, а вместе с ними и нашу страну. За все 46 лет моей психиатрической работы я не встретил ни одного случая заведомо неправильного помещения в психиатрическую больницу здорового человека.

Мне известны истории болезни всех лиц, о которых так много пишут в газетах Англии, Франции, США, заполняют ими передачи, и о которых пишете и Вы в своем письме.

Но прежде чем изложить обстоятельства и результаты их психиатрического исследования, необходимо еще раз подчеркнуть важность точного разделения юридически-правовой и клинической психиатрической сторон вопроса. Они совершенно невольно и несознательно так часто смешиваются.

Все лица, о которых идет речь, вместе с другими были привлечены к судебной ответственности и должны были понести по существующим законам наказание. Но в процессе судебного следствия возникло подозрение в отношении упомянутых лиц относительно наличия у них психического заболевания. В связи с чем они и были направлены для судебно-психиатрической экспертизы в Институт судебной экспертизы им. Сербского для стационарного исследования. Последнее должно было установить наличие или отсутствие у них психического заболевания и высказать свое мнение о вменяемости (ответственности за совершенное).

Клиническое исследование проводили опытные психиатры в продолжение 1–2 месяцев. По окончании исследования вопрос об их психическом состоянии и вменяемости решался экспертной комиссией в составе нескольких судебных психиатров – профессоров этого Института. Названная комиссия и вынесла, на основании результатов стационарного исследования и личного изучения каждого испытуемого (все это было в разное время) заключение о наличии у них психического заболевания и их невменяемости.

Многие из них в прошлом (задолго до привлечения к ответственности) обращались по поводу своего заболевания к психиатрам. Отдельные лица лечились еще в детстве.

Суд с мнением экспертов согласился, и тюремное заключение всем лицам, о которых идет речь, было заменено, согласно существующему положению, медицинской мерой защиты – лечением в специальной психиатрической больнице. Все эти лица по особенности своего заболевания нуждаются в лечении. Быть под наблюдением врачей и получать необходимое им лечение, пусть даже в еще несовершенной больнице с закрытыми дверями, несопоставимо гуманнее, чем находиться в заключении в тюрьме, при наличии болезни.

Все психиатрические больницы во всех странах мира нуждаются в непрерывном улучшении. То же относится и к психиатрическим больницам Министерства внутренних дел. Для этого необходимы очень большие средства, хорошо подготовленный, преданный своему делу персонал. Улучшение психиатрического дела осуществляется из года в год, в том числе и в специальных больницах. Наблюдение за ними постоянно ведут психиатры Института им. Сербского.

Пребывание в психиатрических больницах – не бессрочное. По существующему положению, при наличии продолжительной болезни необходимость дальнейшего лечения устанавливается специальной комиссией каждые 6 месяцев. При улучшении состояния – в любой срок до 6 месяцев.

П. Григоренко несколько раз помещался в больницу, выписывался из нее. Вновь привлекался (за новые нарушения) к судебной ответственности, опять назначалась судебная экспертиза и больничное лечение. Я его видел в 1963 г., позвольте не согласиться с Вами, у него паранойя с достаточно явными изменениями личности.

Буковский несколько лет назад, задолго до привлечения его к судебной ответственности, осматривался по просьбе родственников мною. В то время у него был тяжелый психоз. Но его особенности позволяли предполагать наступление очень постепенного выздоровления, но со значительными стойкими остаточными изменениями

В. Буковский

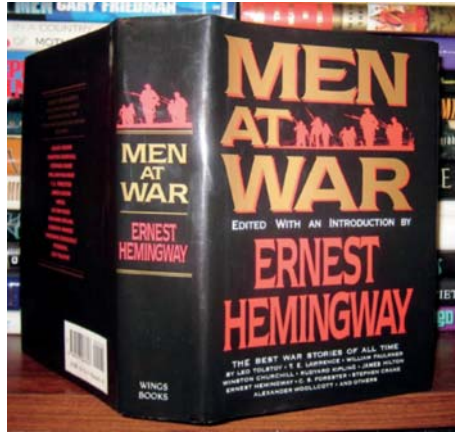
склада личности. В то время особенности его заболевания были включены в диссертацию одного из сотрудников нашего Института. Через какое-то время он был привлечен к суду, но тогда был признан невменяемым. В дальнейшем он снова привлекался к суду и в связи с окончанием приступа психоза признавался уже вменяемым и отбывал наказание. В последнее время он вновь был на экспертизе в Институте им. Сербского. В этот раз экспертиза признала его ответственным – судя по теперешнему его состоянию. Согласится ли с этим суд – еще неизвестно. В случае несогласия суда назначается новое исследование и новая экспертиза, с

другим составом экспертов.

Простите, Радио Франции вчера передало сообщение о его осуждении и, как следовало ожидать, снабдило это сообщение вымыслом. В сообщении добавлялось, что он был помещен в психиатрическую больницу для лечения, но благодаря протесту общественных деятелей и жены переведен в концлагерь. Так извращенно трактовалась стационарная экспертиза. Стационарная экспертиза – мера необходимая. Она преследует интересы больных и только их. Стационарная экспертиза проводится Институтом врачебно-трудовой экспертизы при решении сложных вопросов определения степени инвалидности, в том числе и при психических заболеваниях. Так же осуществляется и военная экспертиза в специальных отделениях клинических психиатрических больниц. Вернусь к Буковскому. Насколько тяжелый след в складе личности оставил перенесенный им психоз, я сказать не могу. Его я в последние годы не видел. Но в признании вменяемости такого рода лиц, перенесших психоз, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Неизвестно, как отражается тюремное заключение на такого рода лицах, страдающих стойким психическим недугом, своего рода рубцом психики. В этот раз Буковского смотрела очень квалифицированная экспертная комиссия, и она единогласно пришла к заключению о его вменяемости.

Состояние такого рода лиц, страдающих изменением склада личности, возникшим после психоза, относится к пограничным между здоровьем и болезнью, действительно стойким психическим недугом. Они невыносимы для семьи, общества, а часто и для самих себя,

для психиатрической больницы – они достаточно здоровы, а для тюрьмы – значительно больны. В случае любых общественных коллизий они проявляют активность значительно большую, чем здоровые, и в результате снижения у них отражения смысла (сути) реального бытия и готовности к сверхценным образованиям (идеям) – они приносят в конечном итоге вред обществу. Лечение их, трудоустройство для психиатров всех стран составляет наиболее трудную проблему. Вот в кратком изложении основание моего интервью. Будьте здоровы!

Э. Хемингуэй. «Люди на войне». Антология

Глубоко уважающий автора книги «В окопах Сталинграда». Если бы Хемингуэй составлял свою «Антологию войны» позднее, он, несомненно, включил бы Ваш шедевр в нее.

АСн

См. об.

От руки:

P.S. Сведения о болезни Григоренко и Буковского я сообщаю только Вам – они относятся к врачебной тайне.

P.S.S. Извините за помарки в письме и слог – не то семинарский, не то канцелярский. Я писал уставший и без черновика. АС

Москва

109240 Котельническая наб., дом 1/15 корпус В. Кв. 66.

Тел 227-46-59

Эта переписка, поминаемая, в частности, А.Д.Сахаровым в его воспоминаниях, была опубликована в общественно-политическом еженедельнике «Киевский телеграф» от 27 мая – 2 июня 2005 г. №21 (263) в статье «Цена разбитого блюда».

ЭКСПЕРТИЗА ДЕМОКРИТА ГИППОКРАТОМ

Демокрит

Согласно легенде, граждане Абдер пригласили Гиппократа для лечения знаменитого древнегреческого философа Демокрита, посчитав того умалишённым. Демокрит без видимой причины разражался смехом, настолько смешными казались ему человеческие дела на фоне великого мирового порядка. Гиппократ встретился с философом, но постановил, что Демокрит абсолютно здоров как физически, так и психически, и помимо этого заявил, что тот является одним из умнейших людей, с которыми ему приходилось общаться. Эта история является первым упоминанием, когда общество потребовало подвергнуть медицинскому освидетельствованию на предмет «ненормальности».

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХИАТРИИ «СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП (б) ТОВ. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Дневник психиатра. 2013; 02: 30.

В соответствии с решением Секретариата ЦК ВКП (б) проведена проверка фактов, изложенных в письме (без подписи) на Ваше имя, о беспорядках в нервно-психиатрических учреждениях г. Москвы. <...> Приведенные в письме факты при проверке подтвердились. Действительно, в руководстве всех психиатрических учреждений г. Москвы, за исключением одного института, стоят врачи еврейской национальности. Состав научных работников и врачей по отдельным институтам и лечебным учреждениям следующий: в Центральном институте психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР (директор тов. Посвянский) 65 научных сотрудников, из них евреев – 43 <...>, в клинике нервных болезней 1-го Московского медицинского института из 10 человек научных работников – 8 евреев. Прием врачей на работу в нервно-психиатрические учреждения столицы происходит главным образом из лиц еврейской национально-

А.С. Шмарьян

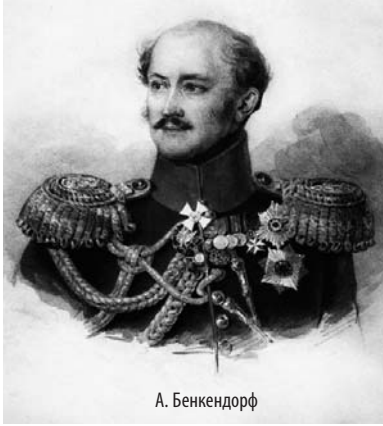
сти. Так, например, в Центральный научно-исследовательский институт психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР в 1947–1949 гг. принято на работу 14 научных сотрудников, из них 11 человек еврейской национальности; в больнице им. Кащенко за тот же период времени принято на работу 12 врачей, из них 9 человек евреи. <...> Имеют место факты, когда из нервно-психиатрических учреждений под всякими предлогами увольняются врачи нееврейской национальности. <...> Правильным является утверждение автора письма о том, что возглавляют психиатрическую помощь по Министерству здравоохранения СССР, Министерству здравоохранения РСФСР и Мособлздравотделу также лица еврейской национальности. Правильно также утверждение о том, что рост и формирование в ученых степенях научных работников по нервно-психиатрическим болезням происходит в большинстве своем за счет лиц еврейской национальности. Так, во 2-м Московском медицинском институте за последние 10 лет по кафедрам психиатрии и нервных болезней на степень доктора медицинских наук защитили диссертацию 18 человек, из них 12 человек еврейской национальности <...>. В целях оздоровления создавшейся обстановки <...> Министерство здравоохранения СССР в ходе нашей проверки провело ряд мер. Так, например, в Центральном институте психиатрии Министерства здравоохранения СССР освобождена от должности заместителя директора по научной части Симсон Т.П. и вместо нее назначен доцент Банщикова В.М. Освобожден также от должности главного психиатра Министерства здравоохранения Шмарьян А.С. Вместе с этим Министерством здравоохранения СССР решается вопрос о переводе группы специалистов-психиатров из Москвы на работу в периферийные вузы и научно-исследовательские учреждения психиатрии: проф. Эдельштейн А.Р., проф. Рохлин Л.Л., проф. Чалисов М.А., д-р мед. наук Лукомский И.И. и др. Это мероприятие позволит укрепить кадры психиатров на периферии, а также разрядит создавшуюся нездоровую обстановку в нервно-психиатрических учреждениях г. Москвы».

Г.М. Маленков

Из записки отделов ЦК ВКП (б) Г.М.Маленкову, 1950 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА БЕНКЕНДОРФА

А. Бенкендорф

*А. Х. Бенкендорф
Докладная записка о стихотворении Лермонтова «Смерть поэта»
С резолюцией Николая I*

Я уже имел честь сообщить вашему императорскому величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермонтова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи, и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать.

А. Бенкендорф

Резолюция Николая I

Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону.

*А. Бенкендорф.
Докладная записка о стихотворении Лермонтова
"Смерть поэта"*

Николай I

ЭЛЕКТРОШОК

Э. Хемингуэй

Эти врачи, что делали мне электрошок, писателей не понимают... Пусть бы все психиатры поучились писать художественные произведения, чтобы понять, что значит быть писателем... какой был смысл в том, чтобы разрушать мой мозг и стирать мою память, которая представляет собой мой капитал, и выбрасывать меня на обочину жизни?

Эрнест Хемингуэй

Е.И. ЧАЗОВ. РОК

Дневник психиатра. 2013; 03: 30

АВТОР: Е.И. Чазов

Надо было что-то предпринимать. Я обратился за помощью к известному психиатру, которого считал лучшим по тем временам специалистом в этой области, члену-корреспонденту АМН Р.А.Наджарову. Состоялся консилиум, на котором у Ельцина была констатирована не только появившаяся зависимость от алкоголя и обезболивающих средств, но и некоторые особенности психики. Сейчас мало кто остался из состава того консилиума: Р.А.Наджаров внезапно

скончался от инфаркта миокарда, доктор Д.Нечаев, который стал лечащим врачом В.Черномырдина, был убит. В период проведения операции Б.Ельцину в 1996 г. мы попросили предоставить нам его старые истории болезни, чтобы уточнить некоторые параметры функции сердечно-сосудистой системы в то время, однако его лечащий врач А.И.Григорьев сказал, что все истории болезни Ельцина до 1993 г. были изъяты начальником его охраны Коржаковым. Наши рекомендации после консилиума о необходимости прекратить прием алкоголя и седативных препаратов Ельцин встретил в штыки, заявив, что он совершенно здоров и в нравоучениях не нуждается (с. 218). Ситуация с Б.Ельциным развивалась по сценарию, который я предвидел. Как мне рассказывали, в конце 1998-го – начале 1999-го года у него стали возникать срывы, связанные с особенностями нервно-психического статуса. В лечение включились специалисты во главе с академиком АМН А.Тигановым. Кстати, о такой возможности, как я уже упоминал, говорил еще в 1987 г. Р.А.Наджаров, обсуждая будущее Бориса Николаевича в случае, если он не прислушается к рекомендациям врачей. На первых порах врачам, к счастью, удавалось довольно быстро купировать подобные состояния. «Гриппы», о которых начала сообщать пресс-служба президента, стали протекать тяжелее и продолжительнее (с. 276).

ОБ АНАТОМИИ

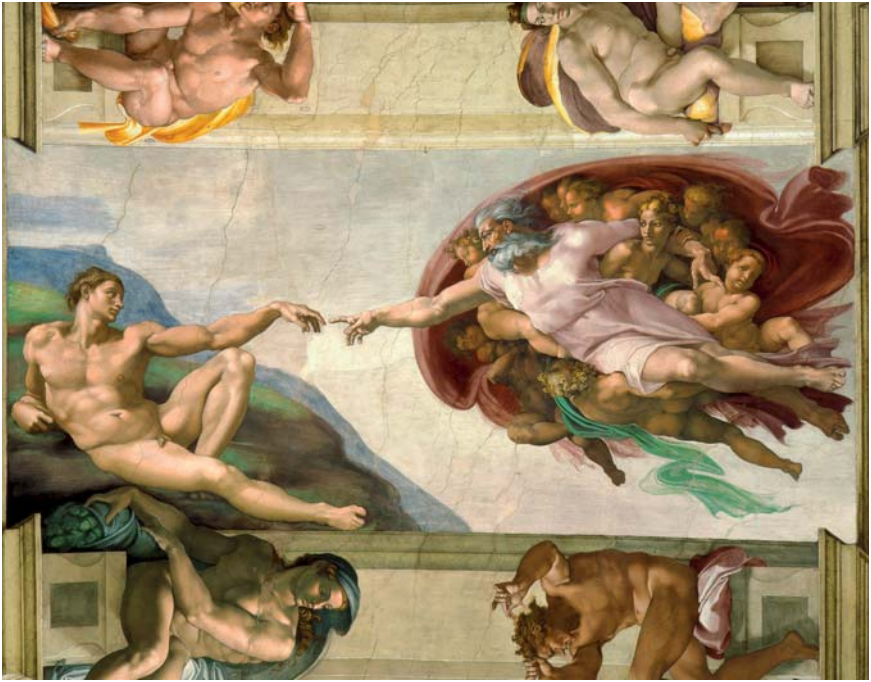
П.В. МОРОЗОВ. ШОКИРУЮЩАЯ ТАЙНА СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛЫ

Дневник психиатра. 2013; 04: 19-20

Микеланджело по праву считается одним из величайших художников и скульпторов итальянского Возрождения, чье имя знакомо практически каждому человеку. В то же время немногим известно, что, как и Леонардо да Винчи, Микеланджело интересовалась анатомия. Имеются исторические свидетельства того, что он подкупил флорентийского настоятеля, дабы тот позволил ему изучать человеческие тела в больнице при церкви. Тем не менее позже художник уничтожил практически все анатомические наброски и записи.

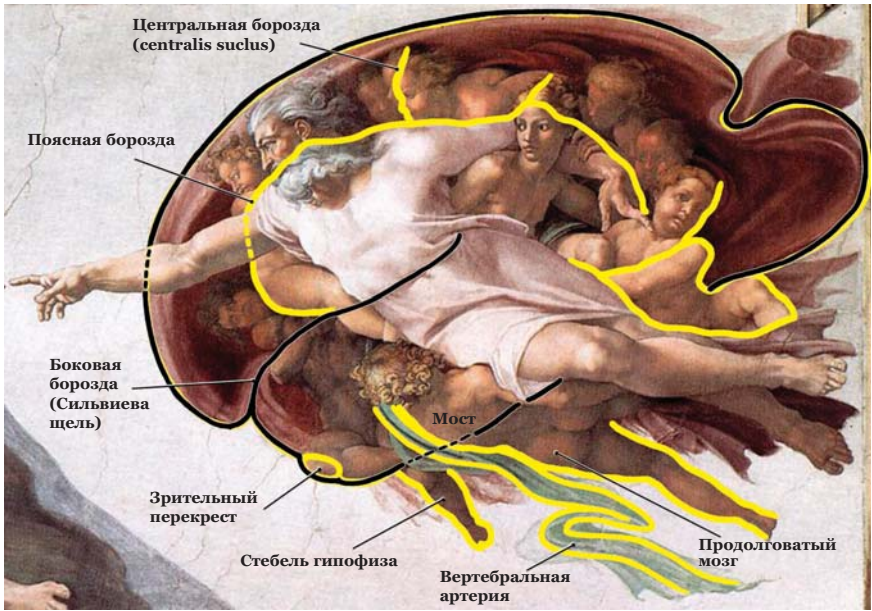
Микеланджело занимался росписью Сикстинской капеллы с 1508 по 1512 г. Секция росписи, на которой было замечено «скрытое послание», отмечена на представленном изображении. Недавно двум

Микеланджело. «Сотворение Адама». Фреска плафона Сикстинской капеллы. 1511 г.

американским специалистам по нейроанатомии Йену Саку (Ian Suk) и Рафаэлю Тамарго (Rafael Tamargo) удалось найти доказательства того, что мастер все же мог оставить некоторые материалы, спрятав их в одной из наиболее известных своих работ – росписи Сикстинской капеллы. Йен Сак и Рафаэль Тамарго являются учеными из Школы медицины при Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Они утверждают, что спрятанное изображение представляет собой анатомический рисунок позвоночника со спинным мозгом, а также стволовой частью мозга. Спрятанное изображение было найдено в очертаниях Бога, разделяющего свет и тьму и изображенного на самой дальней западной секции. Рассматривая творение Микеланджело, специалисты заметили на шее и груди Бога очень явные анатомические несоответствия. Странным им показался тот факт, что на других фигурах, изображенных на фреске, ничего подобного не было. Кроме того, в то время как на всех фигурах освещение исходило слева по диагонали, шея Бога была подсвечена под прямым углом. Понимая, что художник не мог допустить подобной оплошности, работая над ключевой фигурой росписи, Сак и Тамарго пришли

Сравнение фрагмента фрески «Сотворение Адама» с изображением головного мозга человека.

к выводу, что искажение пропорций было намеренным. Позже, поняв, что подобные очертания они уже видели на одной из фотографий в университете, они сравнили фрагмент росписи со снимком человеческого мозга. Впоследствии оказалось, что изображение шеи Бога совпало с фотографией человеческого мозга. Сак и Тамарго также отметили, что странный изгиб ткани, идущий по центру торса, может скрывать в себе намек на человеческий позвоночник. Новости о находке были представлены в научном журнале «Neurosurgery». В своей статье эксперты предположили, что при помощи скрытого изображения художник хотел что-то выразить. Тем не менее они решили не заходить далеко в своих предположениях. Впрочем, их нежелание углубляться в интерпретацию поступка Микеланджело не помешало другим заняться этой темой. В частности, согласно доктору Дугласу Филдсу (Douglas Fields) из Университета Мэриленда сам акт разделения света и тьмы на картине говорит о расколе между художником и церковными кругами.

Собственно, о том, что отношения Микеланджело и католической церкви были несколько напряженными, знают многие. Например, известно, что представители духовенства обвинили Микеланджело в

клевете после того, как тот закончил работу над секцией с изображением Страшного суда. Возможно ли, что скрытое изображение стало попыткой художника заявить о своем недоверии к церкви? Стоит отметить, существует большая вероятность того, что увиденные Саком и Тамарго очертания человеческого мозга могут быть чем-то наподобие пятен в тесте Роршаха. По крайней мере это объяснило бы, почему очертания мозга увидели именно эксперты по нейроанатомии. Однако стоит также принять во внимание тот факт, что ученые были не первыми, кто заметил скрытые анатомические элементы в росписи. В частности, в 1990 г. врач Фрэнк Мешбергер (Frank Meshberger) заявлял о том, что на центральной секции со сценой создания Адама можно видеть изображение человеческого мозга в разрезе. Итак, что же скрывал Микеланджело, когда расписывал потолок Сикстинской капеллы? Одной из лучших фресок плафона капеллы является «Сотворение Адама». Облокотившись на правую руку, на земле полулежит молодое и красивое, но еще не одухотворенное тело первого человека. Летящий в окружении сонма бескрылых ангелов Творец Саваоф протягивает свою десницу к левой руке Адама. Еще мгновение – их пальцы соприкоснутся, тело Адама оживет, обретя душу. Описывая эту фреску, искусствоведы обычно отмечают, что Саваоф и ангелы, объединенные в единое целое, очень удачно вписываются в картину, уравновешивая левую часть фрески. И все.

Однако взглядевшись внимательнее в то, что создал художник, вдруг понимаешь, что Адама оживляет Господь, изображенный не только в виде бородатого старца, окруженного ангелами, но и в образе огромного мозга, повторяющего в деталях строение головного мозга человека. Это должен понять любой биолог или врач, знающий азы анатомии. Но проходил век за веком, и только через полтысячелетия замысел Микеланджело нам открылся. Мастер зашифровал в этой фреске мысль о том, что одухотворение было совершено Высшим разумом. Почему же Микеланджело при жизни даже не намекнул своим современникам, что он на самом деле изобразил? Объяснение напрашивается само собой. Строение мозга художник мог изучить, только вскрывая трупы. А за надругательство над мертвым телом во времена Микеланджело полагалась смертная казнь. И если бы 17-летнего Буонарроти поймали, когда он изучал анатомию, тайно вскрывая трупы в покойницкой монастыря Санто-Спирито во Флоренции, то уже на следующий день его собственный труп висел бы в проеме окна на третьем этаже дворца Синьории и мир никогда не увидел бы будущих шедевров Микеланджело. С тех памя-

Микеланджело. «Кумская Сивилла». Фреска на плафоне Сикстинской капеллы. 1510 г.

ных дней 1492 г., когда, препарируя мертвецов и делая анатомические рисунки, художник изучал строение человеческого тела, до создания фрески «Сотворение Адама» на плафоне Сикстинской капеллы (1511 г.) прошло почти 20 лет. Но несмотря на такой большой срок, поражает правильность, с которой Микеланджело изобразил извилины и борозды головного мозга человека. Впервые сходство фрески «Сотворение Адама» с головным мозгом человека заметил американский врач Фрэнк Мешбергер в 1990 г. Но он пришел к вы-

воду, что великий мастер изобразил внутреннее строение мозга. Позднее ученым удалось обнаружить, что Микеланджело показал на фреске наружную поверхность мозга и с большой точностью отобразил извилины и борозды. Легко угадывается боковая борозда, отделяющая лобную долю мозга от височной. Верхняя и нижняя височные борозды отграничивают среднюю височную извилину.

Правое плечо Саваофа – это средняя лобная извилина. Профиль одного из ангелов повторяет центральную, или роландову, борозду, являющуюся границей между лобной и теменной долями мозга. И наконец, головы двух ангелов за спиной Создателя – это не что иное, как надкраевая и угловая извилины. Кроме того, понятно, почему Микеланджело не изобразил мозжечок. Дело в том, что художник не знал о существовании выроста твердой мозговой оболочки (так называемого намета мозжечка), который вклинивается между большим мозгом и мозжечком. Поэтому, когда при вскрытии Микеланджело вынимал мозг из черепной коробки, он разрушал мозжечок. Эту же ошибку часто совершают студенты-медики при первых своих вскрытиях трупов. Слишком много совпадений в деталях фрески с извилинами и бороздами мозга не могут быть объяснены простыми случайностями. Но и это еще не все. Микеланджело очень любил изображать обнаженную человеческую натуру. При этом он отдавал явное предпочтение красоте мужского тела. Американский писатель Ирвинг Стоун, написавший замечательный биографический роман о Микеланджело, вкладывает в его уста такие слова: «Я считаю, что вся красота, вся телесная мощь заключена в мужчине. Погляди на него, когда он в движении, когда он прыгает, борется, кидает копье, пашет, вздымает ношу: вся мускулатура, все сочленения, принимающие на себя натуру и тяжесть, распределены у него с необыкновенной соразмерностью. А что касается женщины, то, на мой взгляд, она может быть прекрасной и волнующей только в состоянии абсолютного покоя». Когда художник изображает женщин, он и у них часто рисует мужскую мускулатуру. Достаточно взглянуть хотя бы на Кумскую сивиллу в Сикстинской капелле.

О БАЛЕТЕ

О. УСТИМЕНКО. ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЙ ОТДЫХ ФАВНА. БАЛЕТ И БОЛЕЗНЬ ВАЦЛАВА НИЖИНСКОГО.

Дневник психиатра. 2012; 04: 25-29

*«Я хочу танцевать, рисовать, играть на рояле, писать стихи.
Я хочу всех любить – вот цель моей жизни.
Я люблю всех. Я не хочу ни войн, ни границы.
Мой дом везде, где существует мир.
Я хочу любить, любить. Я человек, Бог во мне, а я в Нем.
Я зову Его, я ищу Его. Я искатель, ибо я чувствую Бога.
Бог ищет меня, и поэтому мы найдем друг друга».*

Вацлав Нижинский

Вацлав
Нижинский

Вацлав Нижинский – выдающийся танцовщик и хореограф польского происхождения, прославивший русский балет начала XX столетия и приковавший своим мастерством внимание культурной среды к мужскому танцу. Он был первым, кто осмелился индивидуализировать мужские балетные партии, ведь до этого танцовщиков в балете называли не иначе как «костылями» для поддержки прим. Новаторская хореография его скромного балетного наследия вызывала воинственные споры среди театральных критиков, а его владение телом, пластичность и, самое главное, неподражаемые по высоте и длине прыжки, благодаря которым Нижинского называли человеком-птицей, принесли ему славу танцовщика с феноменальными физическими данными и талантом, которому не было равных. Вацлав Нижинский был кумиром всей Европы – им восхищались Огюст Роден, Федор Шаляпин, Айседора Дункан, Чарли Чаплин и другие его современники. Творческая биография Вацлава невелика – он успел создать всего четыре постановки, а свой последний танец станцевал в неполных тридцать лет, будучи уже тяжело больным человеком. Психиче-

ская болезнь разделила его жизнь почти на две равные части – тридцать лет сценической славы и тридцать лет забытья, проведенных в различных психиатрических клиниках Европы. Вацлав Фомич Нижинский (1889–1950) родился в Киеве, в семье гастролирующих польских танцовщиков Томаша Нижинского и Элеоноры Береды. Двое из троих детей в творческой семье пошли по стопам родителей – Вацлав и его сестра Бронислава, а старшему, Станиславу, помешали заниматься танцами с детства проявившиеся проблемы с психическим здоровьем. Согласно семейной легенде, созданной Элеоно-

рой, Станислав в шестилетнем возрасте выпал из окна, после чего нарушилось его психическое развитие. О жизни брата Нижинского неизвестно практически ничего, кроме того, что до 1918 г. он содержался в одной из петербургских психиатрических больниц, вероятно, с диагнозом «шизофрения». Когда в России произошла революция, он вместе с другими пациентами оказался на улице, после чего его след затерялся (по некоторым данным, он покончил жизнь самоубийством). Кроме того факта, что родной брат Нижинского с детства болел шизофренией, известно, что его бабушка по материнской линии страдала хронической депрессией, которая привела к отказу от пищи, вследствие чего она и умерла. Когда Вацлаву было 9 лет, отец семьи ушел к молодой любовнице, а Элеонора вместе с детьми переехала в Петербург в поисках возможностей заработать на лечение старшего сына и учебу младших детей в Императорской балетной школе. Вацлав еще в детстве проявлял черты шизоидного характера. Был замкнутым, молчаливым. Дети в училище дразнили его «япончиком» за слегка раскосые глаза, он обижался и избегал общения с ними, считая, что они ему просто завидуют. Плохо учился, проявляя избирательный интерес лишь к танцам. На уроках

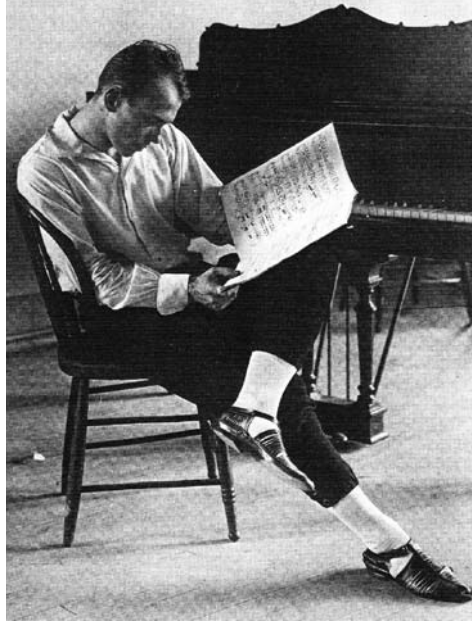
сидел с отсутствующим выражением лица и полукрытым ртом, а домашние задания за него делала сестра. Низкая обучаемость, тем не менее, не помешала успешному старту карьеры – в 1907 г., сразу после окончания училища, Нижинского принимают в труппу Мариинского театра, где он практически сразу же становится премьером. Вацлав танцевал с такими примами русского балета, как Матильда Кшесинская, Анна Павлова, Тамара Карсавина. Однако уже в 1911 г. Нижинского увольняют из театра из-за неприятного инцидента, случившегося во время представления балета «Жизель» – он вышел на сцену не в привычных для

глаз тогдашней публики шароварах, а в обтягивающем трико по эскизу Бенуа. Кому-то из представителей царской семьи, присутствовавшей в зале, наряд показался чересчур откровенным, и танцора обвинили в развратном поведении. Позднее, когда Нижинский исполнял роль Фавна в поставленном им самим спектакле, подобные обвинения снова посыплются на него – эротизированными, сходными с процессом мастурбации покажутся зрителям и критикам его движения на сцене, когда он упоенно припадает к накидке, оставленной Нимфой на берегу реки. Возможно, опережавшими время, в котором царили отголоски Викторианской эпохи, казались постановки Вацлава Нижинского. Однако следует признать, что тема сексуальности сыграла большую роль в становлении и клинической картине психического расстройства артиста. Не секрет, что Вацлав Нижинский имел интимные связи с мужчинами. Первые гомосексуальные отношения с известным в светских кругах любителем искусства князем Павлом Львовым произошли с полного одобрения и поощрения матери молодого танцора, которая считала, что подобные связи помогут ему укрепиться в богемной среде. Князь Львов был богатым человеком и не только ввел Нижинского в театральные круги,

но и практически содержал Вацлава, даря ему дорогие подарки и такая его прихотям. Параллельно с гомосексуальными отношениями Нижинский поддерживал связи и с женщинами, периодически посещая публичные дома. Вполне вероятно, что именно от своей бисексуальности, отчасти навязанной ему матерью и творческим окружением, Нижинский «бежал в болезнь», да и саму двойственную полороловую идентичность танцора можно рассматривать как расщепление «схизис». Вскоре после увольнения из театра Вацлав поступил в труппу к Сергею Павловичу Дягилеву, известному импресарию, который взорвал публику выступлениями своего коллектива, гастролировавшего по Европе с «Русскими сезонами». Короткий период взаимодействия с «Русскими сезонами» – наиболее плодотворный в творческом развитии танцовщика. Сам Дягилев имел огромное влияние на становление Нижинского как танцовщика, однако отношения с ним были двойственными – Вацлав имел свободу творчества и финансовую поддержку, но практически полностью от него зависел, в том числе и сексуально. Дягилев защищал своего протеже от нападков критиков, оплачивал его покупки, практически одевал и кормил Нижинского, который был абсолютно неприспособленным к самостоятельной жизни в обществе, так же как и в детстве производя на других впечатление инопланетного существа своей нелюдимостью, обособленностью, не всегда адекватной эмоциональностью (например, он мог с неожиданно свирепым взглядом оглянуться на обычный оклик своей партнерши или улыбнуться, когда ему рассказали какую-то грустную новость). Дягилев водил его по музеям и художественным выставкам, знакомил с известными представителями современной интеллигенции и мира искусства, формировал его художественный вкус. Однако он запрещал Нижинскому встречаться с женщинами, был властным и ревнивым, стремился контролировать все его действия. Вацлав Нижинский был куда менее уверенным хореографом, чем танцором, – он долго и мучительно придумывал движения, постоянно требовал поддержки у Дягилева, неуверенно спрашивая его одобрение чуть ли не на каждое па, очень долго репетировал. Особенности личности и зарождающегося заболевания не могли не отразиться на характере творчества Нижинского. Его самая известная самостоятельная постановка – «Послеполуденный отдых Фавна» на музыку Дебюсси, которую Вацлав поставил в 1912 г. В необычно угловатых, «кубических» движениях Фавна, замирающих профильных позах, заимствованных из сюжетов древнегреческих ваз, просматривается символика кататонического застывания. Лишь один прыжок присутство-

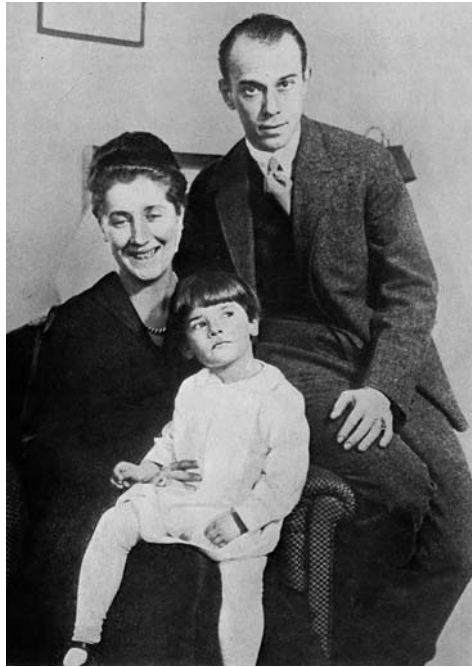
вал в балете – знаменитый взлет Нижинского, олицетворяющий пробуждение эротического чувства у юного создания, полуживотного-получеловека. Вторая современная постановка Нижинского – языческая «Весна священная», на музыку Стравинского, с эскизами костюмов и декораций, нарисованными Рерихом, была неоднозначно принята публикой. Нарочито грубая, заземленная хореография, с дикими плясками, небрежными прыжками и тяжелыми приземлениями сама по себе напоминала сценический психоз, бурю вырвавшихся на свободу инстинктов. Нижинский осо-

знавал свою зависимость от Дягилева, она тяготила его. Неудивительно, что рано или поздно последовал бунт. Отправившись на гастроли в Южную Америку вместе со своей труппой, но без наставника, который отказался от поездки, потому что боялся путешествовать по воде, Вацлав принимает неожиданное для всех решение жениться. Его избранницей стала непрофессиональная венгерская танцовщица Ромола Пульски. Ромола всячески старалась привлечь внимание актера и именно для этого приложила все усилия, чтобы устроиться в труппу Дягилева. В конце концов Вацлав сдался. Узнав о женитьбе протеже, оскорбленный наставник немедленно отреагировал письмом, в котором кратко написал, что труппа больше не нуждается в услугах Нижинского. Так, совершенно не знавший самостоятельной жизни, Вацлав в 24 года оказался перед обыденной необходимостью искать работу и содержать семью. Нижинский отверг все предложения о сотрудничестве и принял решение создать собственный коллектив и репертуар. Но талантливый танцовщик, лишенный коммерческой жилки прагматичного Сергея Дягилева, оказался бездарным менеджером, и его труппу постигла финансовая неудача. Вскоре началась Первая мировая война, которая помешала Нижинскому с семьей вернуться в Россию – к тому моменту они на-

ходились в Венгрии, где Вацлав, как подданный враждебного государства, был интернирован фактически на правах военнопленного. В том же 1914 г. Ромола родила Вацлаву первую дочь – Киру (вторая дочь, Тамара, родилась в 1920 г.). Такие существенные перемены, в том числе и отсутствие возможности танцевать, необходимость жить с родителями жены, которые проживали в Будапеште и не слишком благосклонно относились к выбору дочери, оказались слишком большим стрессом для танцора. Только в 1916 г. благодаря ходатайству друзей Нижинскому с семьей разрешили выехать из страны. Они перебрались во Францию, где отошедший от обид Дягилев предложил артисту поехать на гастроли в Америку. Вообще переезды не лучшим образом сказывались на психологическом самочувствии Вацлава – еще на гастролях в Германии в 1911 г. ему показалось, что все немцы – переодетые тайные агенты, которые следят за ним. А за год, проведенный на Американском континенте, окружающим ясно стали видны изменения в психическом состоянии Нижинского. Под влиянием некоторых артистов труппы он увлекся идеями толстовства, стал вегетарианцем, требовал от жены отказаться от мяса, мечтал переехать в глухую сибирскую деревню и вести «праведный» образ жизни, говоря о греховности актерской профессии. В 1917 г. он в последний раз вышел на театральную сцену. После окончания гастролей они с Ромолой перебрались в небольшой горный курорт Сен-Мориц в Швейцарии. Нижинский перестал танцевать, все время занимался проектами своих будущих балетов, тайно от жены начал вести дневник, в котором писал бессвязные мысли, переполненные стереотипными стихами без рифмы, описывал галлюцинаторные переживания, делал эскизные зарисовки, среди которых, помимо балетных декораций, встречались сферические мандалы и человеческие лица, искаженные ужасом. Много времени проводил в одиночестве, периодически уходя в горы и гуляя среди скал и обрывов, рискуя заблудиться или сорваться в пропасть. Одевал поверх одежды деревянный крест величиной с ладонь и в таком виде разгуливал по Сен-Морицу, рассказывая прохожим, что он Христос. В 1919 г. Нижинский решает выступить для постояльцев местной гостиницы, сказав жене, что его танец будет «венчанием с Богом». Когда приглашенные собрались, Вацлав долгое время стоял неподвижно, потом, наконец, развернул на полу белую и черную материю, расположив их друг поперек друга, создавая символический крест. Его дикий, иступленный танец скорее испугал зрителей. После выступления Нижинский в краткой речи пояснил, что изображал войну. Присутствовавший в зале писатель Морис Сандоз так

описывал представление: «И мы увидели Нижинского, под звуки похоронного марша, с лицом, перекошенным ужасом, идущего по полю битвы, переступая через разлагающийся труп, увертываясь от снаряда, защищая каждую пядь земли, залитой кровью, прилипающей к стопам; атакуя врага; убегая от несущейся повозки; возвращаясь вспять. И вот он ранен и умирает, раздирая руками на груди одежду, превратившуюся в рубище. Нижинский, едва прикрытый лохмотьями своей туники, хрипел и задыхался, гнетущее чувство овладело залом, оно росло, наполняло его, еще немного – и гости закричали бы: "Довольно!" Тело, каза-

С женой и дочерью. 1916 г. Нью Йорк

лось, изрешеченное пулями, в последний раз дернулось, и на счету у Великой Войны прибавился еще один мертвец». Это был его последний танец. Вечер Нижинский закончил словами: «Лошадка устала». Вацлав Нижинский частично осознал свою болезнь – среди наполненных паралогикой строк его дневника в записи, датированной 27 февраля 1919 г., можно прочесть: «Я не желаю, чтобы люди думали, что я великий писатель или что я великий художник, и даже что я великий человек. Я простой человек, который много страдал. Я верю, что страдал больше, чем Христос. Я люблю жизнь и хочу жить, плакать, но не могу – я чувствую такую боль в своей душе – боль, которая пугает меня. Моя душа больна. Моя душа, не мой мозг. Врачи не понимают мою болезнь. Я знаю, что нужно мне, чтобы выздороветь. Моя болезнь слишком велика, чтобы можно было от нее быстро избавиться. Я неизлечим. Каждый, кто читает эти строки, будет страдать – они поймут мои чувства. Я знаю, что нужно мне. Я сильный, а не слабый. Мое тело здорово – душа моя больна. Я страдаю, страдаю. Каждый почувствует и поймет. Я человек, а не зверь. Я люблю всех, у меня есть недостатки, я человек – не Бог.

Я хочу быть Богом и потому стараюсь совершенствоваться. Я хочу танцевать, рисовать, играть на фортепьяно, писать стихи, я хочу любить всех. Вот цель моей жизни». Нижинский страдает бессонницей, делится с женой идеями преследования, после чего, наконец, в марте 1919 г. Ромола едет с Вацлавом в Цюрих, где консультируется с психиатром, в том числе и с Блейлером, подтвердившим диагноз шизофрении, и принимает решение отправить мужа на лечение в клинику Бельвю. После шестимесячного пребывания в санатории у Нижинского внезапно обострились галлюцинации, он стал агрессивным, отказывался от пищи, позже начала нарастать дефицитарная симптоматика – Нижинский перестал интересоваться чем-либо вообще и большую часть времени сидел с отсутствующим выражением лица. Оставшиеся годы жизни Вацлав провел в различных клиниках Европы. В 1938 г. он подвергся инсулиновой шоковой терапии, тогда еще новому методу лечения. На краткое время его поведение стало более упорядоченным, он был в состоянии поддерживать разговор, однако вскоре апатия вернулась. В театральных кругах помнили и чттили Нижинского. Сам Дягилев в 1928 г. привез Вацлава в Парижскую Оперу на балет «Петрушка», в котором артист в свое время станцевал одну из лучших своих партий. Нижинский на предложение бывшего наставника вновь присоединиться к труппе разумно ответил: «Я не могу танцевать, я сумасшедший». Граф Кесслер в своих воспоминаниях делится впечатлением, которое произвел на него Нижинский в тот вечер: «Его лицо, оставшееся в памяти тысяч зрителей сияющим, как у молодого бога, теперь было серым, обвисшим... Только изредка отблеск бессмысленной улыбки блуждал по нему... Дягилев поддерживал его под руку, помогая преодолеть три лестничных марша, ведущих вниз... Тот, кто когда-то, казалось, мог беззаботно летать над крышами домов, теперь едва переступал со ступеньки на ступеньку обыкновенной лестницы. Взгляд, которым он мне ответил, был бессмысленным, но бесконечно трогательным, как у больного животного. После смерти Дягилева попытку вернуть Нижинского к танцу (что в случае танцора было равносильно понятию «вернуть к жизни») повторила Ромола. В 1939 г. она пригласила Сержа Лифаря, знаменитого земляка Нижинского, тоже родившегося в Киеве, потанцевать перед мужем. Вацлав никак не отреагировал на танец, но в конце представления он вдруг, неожиданно для всех присутствующих, взлетел ввысь в прыжке, а затем снова стал безразличным ко всему. Последний прыжок великого танцора успел запечатлеть фотограф Жан Манзон. Вацлав Фомич Нижинский умер 8 апреля 1950 г. в Лондоне. Через

три года после смерти его прах перевезли в Париж и похоронили на кладбище Монмартр. Рассматривая патогенез болезни Вацлава Нижинского, стоит отметить длительный преморбид – по крайней мере, уже со школьного возраста можно говорить о стойком преобладании шизоидных черт в структуре характера и о нарастающей шизоидизации вплоть до невозможности создать целостную идентичность – как личностную в целом, так и полоролевою, с чем и связана бисексуальность танцора, диссоциация «я» между мужской и женской самостью. Началом инициального периода можно считать 1911 г. Прямыми «предвестниками»

«Последний прыжок» Нижинского

болезни были возникшие на гастролях в Берлине идеи преследования, когда Вацлаву начало казаться, что немцы устроили за ним слежку (персекуторный бред), и лишенная критики эротизация с грубой деэстетизацией в его постановках «Послеполуденный отдых Фавна» (1912) и «Весна священная» (1913). Индуцированные участниками кружка толстовцев из труппы Дягилева отрывочные бредовые идеи кристаллизировались и окончательно систематизировались в 1917 г., когда Нижинский был на гастролях в Америке. И только после переезда в Швейцарию можно говорить о появлении у 28-летнего Вацлава выраженных симптомов психоза – бреда, слуховых галлюцинаций, структурных расстройств мышления – свидетельством всей картины заболевания выступает дневник танцора, где он описывает свои болезненные переживания. Через три года активной фазы заболевания, после 1920 г., происходит постепенный регресс бреда и нарастание дефицитарной симптоматики вплоть до уровня шизофренического слабоумия. По форме болезнь Вацлава Нижинского можно определить как параноидную шизофрению с непрерывно-прогредиентным типом течения и нарастающим дефек-

том. По тематике бреда в картине болезни преобладает бред религиозного содержания, с отдельными включенными в него идеями величия, греховности, отношения, преследования.

ЧТО ПОЧИТАТЬ

Вацлав Нижинский «Чувство»

Именно под таким названием в последнем издательстве увидели свет дневники Нижинского, написанные в 1919 г., в моменты острейшего психического состояния. Записи не имеют художественной ценности – Нижинский вряд ли обладал литературным дарованием, да и высокообразованным человеком его можно назвать едва ли, учитывая несистематичность обучения, что сказалось и на письменной речи Вацлава, изобилующей грамматическими и орфографическими ошибками и словами, заимствованными из польского языка. Дневник ценен прежде всего как уникальный патографический документ, который можно цитировать в курсе общей психопатологии в качестве иллюстраций к разделу нарушений мышления. Несмотря на наличие формальной структуры (сам автор разбил дневник на две части – «Жизнь» и «Смерть», объединив их под общим названием «Чувство»), большая часть текста алогична вследствие структурных нарушений мышления (разорванность, символизм, аутистичность и др.). Текст являет собой не что иное, как поток сознания Нижинского, включающего мысли о Боге и любви, жизни и смерти, танце и болезни, периодически увлекаемого отвлеченными ассоциациями на описание того, что он видит вокруг себя (к примеру, мысль может оборваться внезапным обращением взора автора на карандаш, лежащий рядом). Дневник изобилует персеверациями, повторами и тавтологиями, обращает на себя внимание количеством употребляемых местоимений «я», которые встречаются по несколько раз в каждом предложении. Нижинский как будто стремится идентифицировать себя со всеми окружающими его предметами, людьми, идеями, болезненно-напряженно ища собственное расколотое «я»: «Я – Бог и Бык. Я – Апис. Я – египтянин. Я – индус. Я – чужестранец и иностранец. Я – морская птица. Я – земная птица. Я – дерево Толстого. Я – корни Толстого». Дневник Нижинского имеет свою историю. Впервые он был опубликован в 1936 г. в переводе на английский язык под редакцией Ромолы Пульской, жены артиста, что само по себе уже вызывает много вопросов, так как Ромола русского языка, на котором писал Вацлав, не знала. Текст был до неузнаваемости искажен женой Нижинского, которая решила издать дневник из-за острой нужды в деньгах: были перепутаны ме-

стами части дневника, 40% текста вообще отсутствовало, остальное подвергнуто жесткой цензуре. Ромола, которой надо отдать должное за то, что не оставила супруга в годы болезни, всячески способствовала созданию мифа о гении Нижинского – поэтому тщательно сглаживала и скрывала наиболее острые места дневника, свидетельствующие о нелицеприятных фактах биографии. Части текста, содержащие нецензурные выражения, описание сексуальных переживаний, были вырезаны. Доступ к оригиналам записей, которые хранятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, был получен только в 1994 г.

Николай Надеждин «Вацлав Нижинский»

В книге представлена беллетризованная биография великого танцовщика Нижинского. Здесь повествуется о том, что всего половину своей жизни Нижинский блистал на сцене и дарил зрителям балета свое искусство. Вторая половина была прожита в психиатрических клиниках. Стремительный взлет к вершинам артистической славы и скандальная личная жизнь – в Нижинском умещалось все: и яркий природный дар, и поступки, совершенные им вопреки общепринятой морали. Биографические рассказы о Нижинском иллюстрированы фотографиями, сделанными в разные периоды его жизни.

ЧТО ПОСЕТИТЬ

В 1952 г. С.Лифарь, знаменитый артист и балетмейстер Гранд-опера, купил на кладбище Монмартр в Париже место в 22-м отделении, где покоятся выдающиеся деятели французской культуры. Полвека спустя после смерти великого танцовщика на его могиле, где раньше было только скромное надгробье с надписью на плите «Вацлаву Нижинскому – Серж Лифарь», теперь установлен великолепный памятник. Гений танца запечатлен в образе Петрушки из одноименного балета И.Стравинского. В Париже именами известных русских творческих личностей названы многие места: площадь Стравинского, сад Рахманинова, улицы Прокофьева, Чайковского, площадь Дягилева. Среди них также есть аллеи Римского-Корсакова и Нижинского.

*Материалы любезно предоставлены журналом «НЕЙРОNEWS», Украина
www.neuro.health-ua.com*

О ЖИВОПИСИ

О.Ф. ЕРЫШЕВ. МИКАЛОЮС ЧЮРЛЕНИС: ХУДОЖНИК, КОМПОЗИТОР, БЕДНЯК.

Дневник психиатра. 2015; 1: 17-19

М. Чюрленис

Туристическую поездку по Литве, в частности по Каунасу, предпринимала весьма большая часть населения бывшего Советского Союза, в особенности интеллигенция, и экскурсии по Каунасу всегда начинались с музея Чюрлёниса. Этот художник и композитор (редкое сочетание!) – гордость маленькой Литвы. Музей Чюрлёниса был прекрасно, идеально приспособлен для осмотра. Залы с широкими проходами, мягкие полы, тишина, которую нарушает лишь негромкая музыка того же Чюрлёниса. Картины великолепно обзрываются,

хоть свет и не ярок: для живописи яркий свет противопоказан, вреден для красок, да и эстетическое впечатление теряется. Произведения особенные, таких не увидишь у других модернистов, да и краски иные – художник предпочитает темперу, тушь, пастель, иногда карандаш. Люди нашего времени, даже среднего возраста, не говоря о молодежи, мало знают о художнике и композиторе Чюрлёнисе, поэтому приводим вкратце основные этапы его жизненного пути. Микалоюс Константинас Чюрлёнис родился в 1875 г. в местечке Варена, на юге Литвы, в семье сельского органиста. Мать его была из немецкой семьи евангелистов. С трех лет мальчик жил в Друскининкае. В семье было пять братьев и четыре сестры, Микалоюс – старший. Две сестры и брат оставили о нем воспоминания. В другом небольшом городке – Плунге – М.К.Чюрлёнис учится в музыкальной школе. Ее содержит князь Огиньский, потомок создателя знаменитого «Полонеза». В годы учения в Плунге Чюрлёнис начинает сочинять музыку и рисовать. В 1894 году он поступает в Варшавский му-

зыкальный институт. Таким образом, ранний Чюрлёнис в большей степени все-таки музыкант и композитор. В Варшаве – первая неудача в личной жизни. В 1899 г. Микалоюс Чюрлёнис влюбился в сестру своего друга – Марию Моравскую. Это была глубокая романтическая любовь. Однако отец невесты резко запретил ей даже думать о будущем, связанном с молодым и совершенно материально не устроенным композитором: «Не позволю, чтоб моя дочь стирала белье где-нибудь на шестом этаже» (из книги Витауса Ландсбергиса). Наступает депрессия, которую Чюрлёнис преодолевает с помощью своего друга, Эугениша Моравского. В этот период он создает исполненные печали «Ноктюрн» и «Прелюд». На рубеже веков в журнале «Меломан» впервые были опубликованы его музыкальные пьесы. Безденежье вмешалось и в попытку получить второе музыкальное образование в Лейпцигской консерватории. Чюрлёнис был исключен оттуда за неуплату ученических взносов, правда временно, однако испытал сильнейшее унижение. Его жизнь в Лейпциге – беготня за учениками; для экономии он питается лишь растительной пищей, иногда голодает. С 1901 г. Чюрлёнис придает живописи не меньшее значение, чем музыке. Пишет он и стихи. В 1904 г. поступает в школу изящных искусств в Варшаве. С 1905 г. его живописные произведения экспонируются на художественных выставках в Варшаве, Петербурге, Вильнюсе. Но доходов нет. Осенью того же года с рекомендательным письмом М.Антокольского он едет в Петербург и вступает в тесное общение с членами будущего объединения «Мир искусства» – Добужинским, Бенуа, Рерихом, Билибиным и др. Чюрлёниса приглашают участвовать в выставке «Союза русских художников». Ему обещают признание и материальное благополучие, но... в будущем.

В 1908 г. у Чюрлёниса возникает сильная любовь к молодой студентке-филологу, позже писательнице, Софии Киманайте. 1 января 1909 г. – бракосочетание в Литве, затем оба переезжают в Петербург, где муж безуспешно мечется по городу в поисках учеников; участие в выставках денег не приносит. Спустя некоторое время София живет в Литве и ждет ребенка. Микалоюс Чюрлёнис в одиночестве снова возвращается в Петербург, находит одного (!) ученика. Дальше – болезнь, о которой поговорим более подробно. Прежде чем повествовать о болезни, мы должны остановиться на двух моментах. Первое – своеобразие творчества Чюрлёниса, послужившее поводом для предположений о болезни литовского гения. Второе – личность Чюрлёниса. Любой квалифицированный психиатр, рассматривая историю болезни человека, собирает сведения о его характере до бо-

лезни. Иногда особенности личности являются одним из факторов, способствующих возникновению заблуждения.

При жизни творчество Микалоюса Чюрлёниса, особенно живопись, удостоилось высочайших похвал его соратников по «Миру искусства» и «Союзу русских художников». После смерти признание росло. Максим Горький указывал на фантазию и романтизм Чюрлёниса, противопоставляя их «фотографизму» некоторых советских художников. Наиболее высокой, даже ошеломляюще высо-

кой, была оценка его творчества Роменом Ролланом: «Это новый духовный континент, и его Христофором Колумбом несомненно останется Чюрлёнис». В то же время мнение широкой публики при жизни Чюрлёниса было в основном осуждающим и насмешливым. Картины и музыку называли странными и непонятными. Многие художники относили его исключительно к музыкантам, а последние, в свою очередь, – к художникам. Сам Чюрлёнис воспринимал подобные отзывы спокойно-снисходительно. Однако он был человеком скрытным, и, кто знает, может быть, под внешним равнодушием скрывалась душевная боль. Да, его картины и музыка своеобразны, самобытны. Чюрлёнис нетрадиционен, ни в коем случае не может быть втиснут в рамки реалистического искусства. Сейчас мы поняли и приняли ряд модернистских течений в живописи, и картины Чюрлёниса не кажутся странными и шокирующими. (Живопись Дали, Кандинского, Пикассо представляет куда больше загадок). Вспомните прекрасные картины «Покой», «Дружба», «Летит черная беда». Это символические выражения того или иного явления или состояния, создающие у зрителя определенное настроение, вызывающие эмоциональный отклик. Воздействие образами художник усиливал сочиняемой для определенных картин музыкой. Макси-

мум впечатления творения Чюрлёниса производят при рассмотрении его картин в звуках сочиненной им музыки. Художник с удивительным вкусом и фантазией в своеобразных, но конкретных образах изображал абстрактные вещи. Блестящим примером этому может служить цикл «Знаки зодиака». «Овен» – силуэт животного, гордо стоящего на остром пике скалы; «Дева» – неподвижная задумчивая девушка, смотрящая на небо; «Стрелец» – фигура на вершине горы с напряженно натянутым луком и стрелой, нацеленной в зенит, в грудь птицы, закрывающей своими крыльями созвездия. Основное стремление Микалоюса Чюрлёниса – взаимопроникновение искусств. Он добивался музыкальности в живописных образах и фантастической образности в музыкальных звуках. К такому же синтезу стремился и Скрябин. Из воспоминаний жены М.Чюрлёниса: «Он... говаривал, что нет рубежей между искусствами. Музыка объединяет в себе поэзию и живопись и имеет свою архитектуру. Живопись также может иметь такую же архитектуру, как и музыка, и в красках выражать звуки. В поэзии слово должно быть музыкой. Объединение слова и мысли должно рождать новые образы». Живописное творчество Чюрлёниса называли «музыкой на мольберте». Известный художник Остроумова-Лебедева вспоминала: «Мне они (картины Чюрлёниса. – Авт.) казались музыкой, прикрепленной к холсту красками и лаками». Интересно, что восприятие М.Чюрлёниса обладало свойствами синестезии. Это возбуждение двух систем при раздражении лишь одной наблюдалось у ряда творческих личностей, например у всей семьи Набоковых. У Чюрлёниса воспринимаемый им музыкальный фон имел цветовые оттенки. Однако весь синтез живописи и музыки, создаваемый им, нельзя выводить из синестезии. Последняя считается психологическим, а не психиатрическим феноменом.

Названия произведений Чюрлёниса соответствуют его стремлению к синтезу искусств. Это симфонические поэмы «В лесу», «Море», фортепьянная пьеса «Осень» – все подразумевает визуализацию. Еще в большей степени музыкальный компонент содержат названия и циклы картин: «Фуга», «Соната весны», «Соната звезд», «Соната солнца», «Соната пирамид», «Прелюд». В циклах картин сохраняются традиционные названия частей сонат: аллегро, анданте, скерцо, финал. Существуют параллельно симфоническая поэма «В лесу» и картина «Музыка леса». Цикл картин «Соната моря» дополняет симфоническая поэма «Море». Фортепьянную пьесу «Осень» Чюрлёнис пишет одновременно со стихотворной поэмой «Соната», посвященной осени. Он замыслил оперу «Юрате»,

по-литовски – «Море», где синтез музыкальных и художественных идей был бы воплощен с наибольшей полнотой. Чюрлёнис никогда надолго не оставлял ни музыку, ни живопись, ни стихи. Каковы же были основные черты личности Чюрлёниса?

«В этом человеке было что-то необычайно достойное, никакой позы, в общении был доброжелателен и тонок... Рядом с Чюрлёнисом нельзя быть плохим человеком», – вспоминала его ученица Галина Вольман. Но он был общителен избирательно. В семье, в компании близких друзей благодаря высокому интеллекту он занимал лидирующее положение. В то же время с незнакомыми людьми или с теми, с кем только что познакомился, чувствовал себя неуверенно. В Петербурге он ощущал себя особенно одиноким, избегал общества (по воспоминаниям Добужинского). В письме жене жаловался на «одиночество в двухмиллионной каше». «Чужих людей не люблю и боюсь их, жить среди них не умею», – писал брату. Как правило, он был внешне спокойным. Любимым выражением было: «Не сердитесь!» В то же время признавался в письмах, что слишком близко все принимает к сердцу. Чюрлёнис с детства был гордым человеком, не терпел насилия над собой, в таких случаях убегал из дома. В период учебы в Плунге он был уличен князем Огиньским в ловле карпов из его пруда и жестоко изруган. На следующий день он снова поймал карпов и швырнул их князю на стол: «Вот, ешьте вашу рыбу сами!» (Феликс Розинер). Позже из гордости Чюрлёнис не пошел просить помощи у директора Петербургской консерватории Глазунова, будучи невысокого мнения о руководимом им учреждении. Обращает на себя внимание его противоречивое отношение к собственному творчеству. В некоторых письмах он жалуется, что ничего не умеет. Однако цены на свои картины назначает непомерно высокие, мечтая о помещении их в будущем в созданном «Вильнюсском национальном дворце». Здесь мы переходим к житейской непрактичности Чюрлёниса. Он два раза отказывался от предлагаемых ему должностей, обеспечивающих безбедное существование. Первый раз – от должности директора музыкальной школы в Люблине (Польша), второй – от места преподавателя Варшавского музыкального училища. И это в те годы, когда на иждивении у него были трое младших братьев, а ученики доставались с трудом. Но Чюрлёнис не хотел отвлекаться от живописи. Письмо к другу, Э.Моравскому: «...получу какое-нибудь место. Буду получать жалованье, приобрету приличную одежду, квартиру, соответственно сытый обед. Посещения знакомых, спокойные разговоры о текущих событиях. Как это смешно, глупо, даже противно... Может, не это называется жизнью?» Чюрлё-

нис был совершенно не приспособлен к жизни и постоянно находился в плену фантазий. Он грезил путешествиями в Африку, Мексику, Америку, на Амазонку, на Цейлон; разрабатывал планы поездок. В последние годы жизни мечтания усиливаются.

Остановимся наконец на многообразных интересах Микалоюса Чюрлёниса. Он увлекался шахматами, математикой, историей. Составлял таблицы исторических дат, геологических периодов, химических элементов земной

коры. Интересовался языками, особенно «мертвыми»: халдейским, ассирийским, финикийским. Составил и свой собственный алфавит, и на некоторых картинах видны таинственные письмена. Поражаясь широте его интересов, нельзя не отметить их житейскую бесполезность, а иногда и странность. Мог ли такой непрактичный и вместе с тем гордый человек, теряющийся среди чужих и преодолевающий отвращение к деньгам, рассчитывать на успех и материальное благополучие? А оно было необходимо для поддержания большой семьи – уволенного с места органиста отца, Софии и будущего ребенка. Вот он, источник эмоционального стресса – первого шага к болезни. Итак, мы вплотную подошли к болезни, начавшейся за год с небольшим до его смерти. Легкая депрессия, случившаяся 10 лет назад, после вынужденного расставания с Марией Моравской, пришла и ушла, и к наступившей в 1909 году болезни не может иметь отношения. Однако Чюрлёнис еще в 1907 году писал брату: «За последний год я много пережил, нервы истрепаны вконец, но это пустяки. Одно меня утешает – не гаснет во мне желание работать. С нового года написал 50 картин...» Письмо жене (которой никогда и ни на что не жаловался): «Пишу по 8–10 часов подряд. Если бы ты знала, как приятно так упорно и беспамятно, без передышки писать». К началу 1910 года он писал еще больше, «сжигая себя в творческой горячке» (В. Ландсбергис). И постоянно мучился своей беспомощностью в

стремлении помочь семье, особенно жене и будущему ребенку. Незадолго до начала явных признаков душевного расстройства он написал несколько полотен в минорных тонах. Это «Кладбище» – солнце ушло, на желтом небе силуэты крестов, часовенки, деревья. Сходный сюжет во втором произведении: «Жемантийское кладбище». Он рисует набросок самой жуткой по настроению картины: «Баллада о черном солнце», некоторые именуют ее проще – «Черное солнце». Эскиз сделан по мотивам фантастической повести одного из любимых авторов Микалоюса Чюрлёниса – французского астронома и писателя К. Фламариона. Солнце превращается в черный шар. А земля – обледеневшее кладбище – странствует в бесконечной ночи. На этом фоне – замок, деревья, раскинувшая крылья птица.

А затем наступила страшная развязка. В самом конце 1909 г. его застали за вычерчиванием пальцами кружочков на поверхности находящихся в комнате предметов. Он не прекращал рисование виньеток и орнаментов ночами. Больное состояние Чюрлёниса первым обнаружил Добужинский, который дал знать об этом жене Чюрлёниса в Литву и его другу в Петербурге, Ч.Саснаускасу. Когда Софья приехала в Петербург, Микалоюс заказал ей в магазинах роскошные подарки; о возможности оплатить их смешно было говорить, и Софья, объяснив продавцам, что заказы сделал человек с расстроенными нервами, увезла мужа в Друскининкай. Спустя непродолжительное время становится ясно, что его нужно содержать в лечебнице. Микалоюса Чюрлёниса увозят в Варшаву, затем в близлежащие Пустельники, в частную клинику для душевнобольных. Как раз в это время его принимают в члены общества «Мир искусства», от Василия Кандинского поступает приглашение участвовать в выставке в Мюнхене, появляются долгожданные покупатели. Но слава, как это случается с большинством гениев, запаздывает. Весной 1910 года Чюрлёнису становится чуть лучше, ему даже разрешают немного рисовать. Но вскоре возобновляются ночные бдения, и бумагу у него отбирают, а он в гневе уничтожает все свои недавние творения. Проводит вторую зиму в лечебнице. В 1911 г. художник вышел посмотреть на свою любимую весну, и изнуренный организм не выдержал весенней прохлады. 10 апреля он умирает от воспаления легких. Какова была природа болезни Микалоюса Чюрлёниса? Естественно, задним числом точный диагноз поставить затруднительно, тем более случай спорный. В 2003 году в газете «Совершенно секретно» появилась статья обозревателя Елены Светловой «Прекрасное безумие», в которой автор утверждает, что Чюрлёниса посещали приступы шизофрении и именно они давали ему новые впечатления

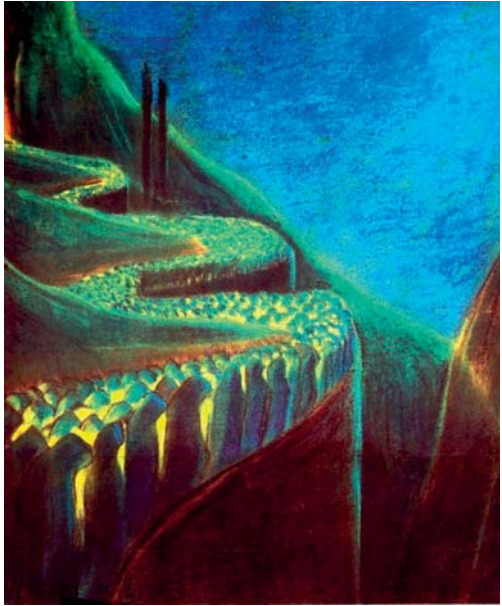
и образы. «Разве нормальное состояние может сотворить шедевры... Чюрлёниса? – вопрошает автор. – Но шизофрения может подарить художнику такие впечатления, которые способны невероятно расширить границы мира». Можно возразить Е. Светловой. Во-первых, никаких «приступов шизофрении» до конца 1909 года ни один биограф Чюрлёниса не отмечает. Во-вторых, как мы уже писали, считать нетрадиционную модернистскую живопись порожденной ненормальным воображением – значит становиться на весьма скользкий путь. Вспомним печальные времена вколачивания социалистического реализма, погромы выставок художников-авангардистов. В-третьих, утверждение, что «шизофрения расширяет границы мира», способно вызвать лишь насмешку у психиатров. В то же время Микалоюс Чюрлёнис был личностью весьма своеобразной. Он был интровертом, трудно сходилась с людьми, предпочитал уединение, был склонен к нереальным фантазиям, проявлял странные интересы. Он в чем-то напоминал Ф.Кафку; плохо вписывался в окружающую действительность. Тип расстройства личности был также шизоидным, правда, менее отчетливым, чем у Кафки. Люди с любым расстройством личности, в частности шизоидным, весьма тяжело реагируют на стрессы и неудачи. Так как же можно объяснить

начальные проявления болезни Чюрлёниса?

Скорее всего, они были психогенного происхождения, то есть вызваны неблагоприятным воздействием среды. Возьмем болезненный эпизод с заказами дорогих подарков жене. Не приходит ли на память рассказ Чехова о мелком чиновнике, мучимом бедностью, нашедшем кошелек с тремя рублями и тут же вообразившем себя миллионером и впавшем в душевную болезнь?

В психиатрии такое называется диссоциативной амнезией, то есть вытеснением из памяти событий, вызывающих тревогу и стресс. Так произошло и с упомянутым выше чиновником, и с Чюрлёнисом, «забывшим» о бедности. Другой основной начальный симптом болезни – непрерывное, в том числе ночное, рисование. Он также может относиться к диссоциативным расстройствам на фоне крайнего нервного истощения и преобладания отрицательных эмоций. Скорее всего, Микалоюс Чюрлёнис испытывал чувство вины перед близкими и непрерывным изнуряющим творчеством бессознательно надеялся компенсировать неудачи, не понимая, что это угрожает его душевному здоровью.

В то же время упомянутые диссоциативные расстройства обычно не продолжаются столь долго. Документированной истории болезни в своем распоряжении мы не имеем, однако большинство психиатров рассматривают болезнь М.Чюрлёниса как шизофрению (исходя из особенностей личности и творчества). Каково же соотношение болезни и творчества в случае Чюрлёниса? Скорее всего, его можно представить как возникновение болезни вследствие изнуряющего творчества-самосожжения на фоне мощного, не прекращающегося неблагоприятного стрессового воздействия.

Л.И. ДВОРЕЦКИЙ. «ВЕЧНО ЮНЫЙ РОМАНТИК ТЕОДОР ЖЕРИКО»

Дневник психиатра. 2014; 01:

...Но примешь ты смерть
от коня своего...

А.С.Пушкин. Песнь о вещем Олеге

25 августа 1819 г., в День святого Людовика в Париже открылся художественный Салон, на котором была представлена картина Теодора Жерико «Плот “Медузы”», ставшая сразу же сенсацией. О картине писали все газеты, появились отдельные брошюры, поэты славали о ней стихи. Однако французское правительство не захотело приобрести картину, которая, как посчитали, была идейно направлена против него. К тому же в некоторых откликах слишком много говорилось о политическом резонансе картины и очень мало – о ее художественных достоинствах.

Такое положение сильно задевало самолюбие художника и очень угнетало Жерико, замкнувшегося в своем художественном ателье, но, к счастью, вскоре последовало приглашение показать нашумевшую картину в Англии. Жерико полагал, что в стране моряков и тонких ценителей живописи поймут его замысел. И он решает отправиться в путь со своим творением. Картина показывалась в разных городах Англии, и везде ее принимали с триумфом. Гибель «Медузы» воспринималась чопорными и сдержанными англичанами не как отдельный эпизод, а как художественный эпос, вырастающий в единую, скульптурно изваянную группу. В картине Жерико, написанной в прочных классических традициях, критики усмотрели черты будущих романтических произведений. Недаром через 5 лет после смерти художника именно к этой картине был применен термин «романтизм», а Жерико стал «отцом-основателем» романтизма во французской живописи. Это было отмечено уже в некрологах, называвших ушедшего «вечно юным романтиком».

Попытка написания «Плота “Медузы”» могла объясняться стремлением Жерико, обуреваемого всегда великими замыслами, создать монументальное полотно на значительную тему с художественной реконструкцией известных трагических событий. Иной замысел был заложен художником в серии последующих работ, которые, каза-

лось бы, не ассоциировались с его художественной концепцией и стали предметом различных спекуляций биографов и знатоков творчества художника.

Речь идет о серии портретов душевнобольных, написанных Жерико в последние 2 года своей жизни (1822–1824). Некоторые исследователи считают, что эти произведения написаны в то же время, что и «Плот “Медузы”». Однако эта точка зрения не может считаться доказанной.

По возвращении из Англии в 1822 г. Жерико наблюдает в психиатрической клинике Сальпетриер, в которой работал его друг, психиатр Жорже, больных, портреты которых были в последующем созданы художником. Известно пять портретов: портрет сумасшедшей старухи, называемый «Гиена Сальпетриера», «Умалишенный, воображающий себя полководцем», «Клептоман», «Сумасшедшая, страдающая пристрастием к азартным играм», «Похититель детей». Иногда в эту серию включают также работу «Вандеец». В то же время первый биограф Жерико Ш.Клеман сообщает, что портретов было десять, однако остальные портреты не дошли до нас.

Мотивы создания этих портретов так и остаются неизвестными. Возможно, что такая мысль родилась у художника в связи с тем, что

восприимчивость к человеческим несчастьям и чувство глубокой симпатии к страдающим всегда отличали натуру Жерико.

К тому же романтикам вообще были свойственны интерес к людям с обостренной психикой и стремление изобразить трагедию сломленной души. В то же время написание целой серии «тематических» портретов с тщательной подготовкой к их исполнению наводит на мысль о намерении создать некое «художественное пособие» к соответствующей медицинской теме из области психиатрии.

Возможно, врач-психиатр Этьен Жорже, друг художника, попросил Жерико иллюстрировать вышедший в 1820 г. свой трактат «О безумии» с помощью изображения пациентов, страдающих тем или иным психическим заболеванием. Жорже предполагал использовать портреты этой серии в качестве наглядных пособий для своих студентов. Жерико согласился на заказ своего друга написать портреты душевнобольных, поскольку испытывал интерес к миру внутренних переживаний, эмоциональному состоянию человека, особенно пациента с психическими нарушениями.

Во всяком случае, можно строить разные предположения, но очевидно одно: Жерико увидел перед собой не столько пациентов, сколько индивидуально неповторимых людей, пусть больных, изолированных от общества, но требующих к себе, как и любой больной человек, внимания и заботы. Художник смотрел на свои модели без предвзятости, без всякого оттенка нездорового любопытства, с пониманием и состраданием к обитателям психиатрической клиники. В этом проявился его истинный гуманизм как художника.

Поскольку Жерико работал с натуры, его портреты в итоге превратились в документальные изображения. Вместе с тем вышедшие из-под кисти такого большого художника, они являются как бы олицетворением человеческих судеб. В их трагически острой характеристике ощущается горькое сочувствие самого художника.

В серии портретов душевнобольных отчетливо просматривается дальнейшая эволюция Жерико-портретиста. Эта серия гораздо менее романтична, чем портреты военных, окруженных ореолом исключительности и эмоциональной приподнятости.

Однако дело здесь не только в тематике (интерес к безумцам, людям с потрясенной психикой весьма характерен для романтиков), а в подходе к образу, в том тщательном и глубоком анализе, которому подвергает Жерико каждое лицо душевнобольного.

«Гиена Сальпетриера» – это старая седая женщина в белом чепце и больничном халате. Мутные, слезящиеся глаза с покрасневшими веками смотрят настороженно и подозрительно. Возможно, у боль-

ной имеются какие-то бредовые нарушения, свойственные пациентам старческого возраста. Почему художник назвал изображенную на портрете «гиеной Сальпетриера»? Гиена – слово греческого происхождения. С полосатой гиеной у древних греков было связано много легенд и суеверий. В древних мифах гиене приписывали способность менять пол, подражать человеческому голосу, гипнотизировать взглядом, вступать в связь с волками, грабить могилы, видеть ночью. Гиена означает образ безымянного порока, нечистоты, непостоянства, нестабильности, двуличного человека. Невольно возникает вопрос,

на который дать однозначный ответ затруднительно: возможна ли ассоциация душевнобольного с мифическим образом гиены?

На портрете «Умалишенный, воображающий себя полководцем», изображен жалкий старик, мнящий себя военачальником. Казалось бы, такого рода изображение должно восприниматься как своеобразная пародия на блестящее военное прошлое. Однако ничего отталкивающего, карикатурного нет в образе больного старика. Напротив, он внушает симпатию и вызывает сочувствие. С точки зрения психиатра, можно предполагать, что у больного имеется бред величия, одно из характерных проявлений нейросифилиса – прогрессирующего паралича. Больной пытается себя приукрасить экстравагантным головным убором, какой-то накидкой поверх больничного белья, т.е. пытается придать себе внешние черты военачальника.

Еще один любопытный портрет душевнобольной старухи, страдающей пристрастием к азартным играм. Игровая страсть сродни патологическому состоянию с тягой к игровой интриге. Вся жизнь изображенной прошла под знаком игорного азарта, финансовых по-

терь и человеческих утрат и заканчивается в сумасшедшем доме, заменившем ей теперь игорный дом. В облике безумной старухи нет ни настороженности, ни недоверия, а во взгляде читаются лишь тоска и усталость. В угасшем взгляде былая страсть к игре, радостные и горькие воспоминания, на которые накладываются, по-видимому, психические расстройства. Старуха обременена целым рядом болезней, с трудом передвигается, о чем свидетельствует костыль в ее руках.

Все портреты душевнобольных выдержаны в темной гамме, в которой преобладают коричневые, рыжие, желтоватые тона, сочетающиеся с малиновыми, темно-зелеными, зелено-синими. Гамма эта очень насыщенная, богатая, цвет превращает убогие больничные халаты, чепцы, колпаки в великолепные фрагменты живописи, приобретающие смысловое значение.

Жерико не только запечатлел различные виды психических нарушений, но и написал замечательные по выразительности портреты, которые захватывают зрителя своей необычайной силой. Художник дал не только внешние приметы болезней, но и раскрыл в напряженных чертах лица трагедию сломленной человеческой души, создав по-своему скорбные образы. Психиатры получили уникальную возможность осуществлять визуальную клиническую разгадку психических нарушений, которыми обременены изображенные Жерико пациенты.

Имея за плечами опыт, накопленный в процессе работы над таким серьезным полотном, как «Плот «Медузы»», в частности исполненные с натуры для этой картины этюды больных, мертвых, исхудавших людей, Жерико снова заглядывает в лицо, а точнее в душу чело-

веческих страданий, но уже в аспекте психического нездоровья, выраженного в отдельном портрете. Подобного показа душевного неблагополучия французское искусство еще не знало. Такое было доступно разве что гениальному Веласкесу в серии портретов карликов и шутов. Не знало французское искусство и подобного совмещения в одном образе агрессивности и ранимости, такой психологической обостренности. Ведь пройдут целые десятилетия, прежде чем в мир искусства явится с этой миссией Ван Гог.

Жизнь Теодора Жерико оказалась трагически короткой, причем роковую роль в этом сыграла... лошадь. Было несколько неудачных падений с лошади, одно из которых привело, к несчастью, к травматическому повреждению позвоночника. По свидетельству биографов художника, именно после этого падения Жерико провел последний год своей жизни в постели, что позволяет предполагать наличие у него повреждения спинного мозга с развитием паралича нижних конечностей. В то же время движения в руках художника были сохранены в полном объеме, что позволило ему продолжить заниматься живописью. Свои знаменитые портреты душевнобольных Жерико заканчивал уже прикованным к постели. До нас дошли воспоминания Эжена Делакруа, посетившего больного Жерико в декабре 1823 г.

В своем дневнике Э.Делакруа записал: «Сегодня вечером я был у Жерико. Какой печальный вечер! Он умирает, его худоба ужасна; его бедра стали толщиной с мои руки, его голова – голова умирающего старика... Какое ужасное изменение! Возвратился домой полный энтузиазма перед его живописью. В особенности эту голову карабинера! Помнить о нем. Это указующая вежа. Прекрасные этюды! Какая крепость! Какое превосходство!

И умирать рядом со всеми этими работами, созданными во всей силе и страсти молодости, когда не можешь повернуться ни на палец в своей кровати без чужой помощи!»

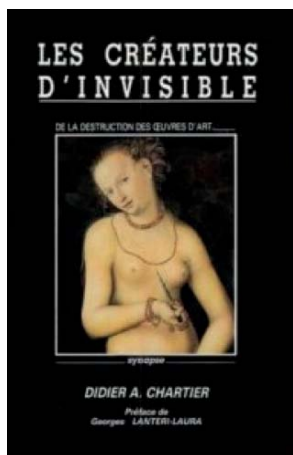
Вместе с тем нельзя исключить, что травма явилась толчком к развитию туберкулеза позвонков, о чем упоминается в отдельных биографических сведениях о художнике, правда, без убедительных доказательств и, естественно, при отсутствии каких-либо ссылок на эти источники. Дело в том, что туберкулезный процесс в позвонках приводит к образованию так называемых туберкулезных натечников (холодных абсцессов), вызывающих сдавление спинного мозга с развитием двигательных параличей конечностей и нарушением чувствительности.

Из-за отсутствия эффективных хирургических и лекарственных методов лечения туберкулеза позвоночника в начале XIX в. движения, как правило, не восстанавливались. Однако по воспоминаниям Александра Дюма, посетившего художника за несколько дней до смерти, Жерико была сделана операция на позвоночнике, возможно, с целью устранить или уменьшить сдавление спинного мозга. Дюма был потрясен видом Жерико, который лежал подобно мумии, страшный своей худобой, и рисовал. Вследствие длительного отсутствия движений у таких больных развивалась выраженная атрофия мышц конечностей, о чем упоминает в своих дневниках Делакруа: «его бедра стали толщиной с мои руки...». Больные погибали от прогрессирования туберкулезного процесса и присоединившейся вторичной инфекции дыхательных или мочевыводящих путей. На последнем автопортрете Жерико отчетливо видны черты болезни – худое, изможденное лицо, бледно-желтушный оттенок кожи и пресловутый «румянец на щеках» – классический маркер активного туберкулезного процесса. Кроме того, на этом автопортрете художник выглядит значительно старше, о чем также упомянул Э.Делакруа в своих дневниках, написав, что «его голова – голова умирающего старика...».

Таким образом, имеющиеся сведения о клинической симптоматике и течении болезни, развившейся после травмы позвоночника, позволяют предполагать у Жерико заболевание позвоночника вследствие травматического повреждения или туберкулезного воспаления со сдавлением спинного мозга и развитием паралича нижних конечностей (параплегией). К несчастью, серьезная болезнь не позволила художнику реализовать все свои таланты. Остался нереализованным замысел громадного полотна «Отступление французов из России в 1812 г.». Жерико умер, не дожив до 33 лет, слишком рано присоединившись к великим вечным обитателям Пер-Лашеза. Могила Жерико находится в так называемом историческом участке кладбища, где в памяти оживает так много из того, что было во Франции великого и замечательного в науке, искусстве, политике, военном деле. Оживает вместе с другими и трагический образ Жерико с его художественными творениями, приумножившими славу французской и мировой живописи.

П.В.МОРОЗОВ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д.ШАРТЬЕ «СОЗДАТЕЛИ НЕВИДИМОГО».

Дневник психиатра. 2013; 01: 29-30

Так называется монография известного французского психиатра Дидье Шартье. «Джоконда» Леонардо да Винчи. «Пьета» Микеланджело, «Даная» и «Ночной дозор» Рембрандта, портреты Филиппа IV и герцога Альберта Рубенса и Mater Dolorosa Дюрера, Золотой павильон в Киото, «Герника» Пикассо – все эти произведения искусства объединяет в частности и тот факт, что они явились жертвами атак душевнобольных с целью их уничтожения или повреждения. Данный феномен известен психиатрам давно и получил название иконоклазма, а того, кто совершает данный акт, называют иконокластами. Книга

состоит из предисловия, одиннадцати глав, библиографии и оглавления. В начале монографии автор высказывает ряд общих соображений об иконоклазме, о его месте в ряду сходных феноменов, о взаимоотношении с явлением вандализма. Интересно, что последний термин появился в 1794 г. и был использован впервые аббатом Грегуаром, чтобы защитить от уничтожения романские надписи на древних колоннах. Грегуар говорил: «Я ввел это слово, чтобы уничтожить явление». Социолог Гамбони, изучавший проблему эстетического вандализма, дает следующее определение иконоклазма: «Добровольное насилие индивидуумов или слабоорганизованных групп против объектов, являющихся произведениями искусства, и имеющее теоретическое или стратегическое объяснение своих действий». В 60-е годы в Европе было отмечено два случая массового иконоклазма, произошедшего в крупнейших музеях. Так, в Лувре в 1962 г., в течение 2 нед было повреждено 13 полотен, среди которых три принадлежали кисти Коро, а одна – Фрагонара. В 1965 г. в галерее Уффици во Флоренции были нанесены порезы и царапины 23 полотнам, созданным Дадди, Мемлингом, ван Клеве, Лоренцо Лотто

и другими. Отмечая достаточную распространенность иконоклазма, автор пытается классифицировать данное явление по ряду признаков, принимая во внимание как медицинские, психологические, так и социальные, культурные и иные параметры. Шартье выделяет религиозный (духовный), художественный, воинствующий, стыдливый и экономический иконоклазмы, подменяя данными понятиями более направленный психопатологический анализ мотивации поступков. Отдельно обсуждается юридическая сторона дела с точки зрения французского законодательства. В специальной таблице приводится подробная столетняя биография иконоклазма, начиная с нападения в Омахе (США) на картину Бургеро «Весна» 15 декабря 1890 г. и кончая агрессией против трех полотен Дюрера в мюнхенской Пинакотеке 21 апреля 1988 г. Автор приводит следующую статистику иконоклазма: по поводу 51 зарегистрированного случая было задержано 38 человек; 12 нападений, согласно автору, было совершено по бредовым мотивам, в 6 случаях больные страдали галлюцинациями, в 3 наблюдениях нападавшими «управлял Бог», в 6 случаях эти действия были совершены из желания прославиться («синдром Герострата»), в остальных наблюдениях нападением даны не удовлетворяющие нас психологические объяснения («моральные соображения», «чувство мести» и т.д.). Большинство иконоклов были мужчинами (25), причем среди них было 4 художника. Далее автор дает психологические портреты наиболее известных иконоклов, таких как Герострат, Лорензаччо и Полиэвкт, пытаясь выявить связь между их личностными особенностями и мотивацией их поступков. В последующих главах подробнейшим образом анализируется история наиболее известных случаев иконоклазма: «Весна» Бургеро, «Джоконда» Леонардо, «Пьета» Микеланджело, «Ангел» Милле, Золотой павильон в Киото. Особняком стоит трагическая история больного И., который с марта по октябрь 1977 г. нанес катастрофический ущерб мировой культуре, облив серной кислотой в 19 музеях ФРГ более 30 произведений искусства, среди которых находились полотна Кранаха, Рембрандта, Рубенса. Клиническая оценка данного наблюдения дана автором с позиций психоанализа. Одиннадцать лет спустя этот же больной подобным же образом уничтожил три полотна Дюрера. Д.Шартье проделал огромную работу, собрав большой материал. Автор побывал в большинстве музеев, лично беседовал с директорами, искусствоведами, служителями, подробно анализировал прессу. В книге приведен ряд бесед психиатров с иконокловыми после совершения ими своих дей-

ствий, что безусловно дает представление о психическом состоянии больных. Вместе с тем, наряду с подробной интерпретацией случаев с психоаналитических позиций, на страницах книги не нашлось места для элементарных анамнестических данных пациентов, что безусловно, на наш взгляд, снижает ее научную ценность. Книга богато иллюстрирована, написана хорошим языком, читается с большим интересом. Надеюсь, что данная краткая рецензия пробудит у читателей «Дневника психиатра» желание поближе познакомиться с ее содержанием.

ОБ ИСТОРИИ

П.В.МОРОЗОВ. «ЗАГАДКА ЧИТАЮЩЕЙ МАДОННЫ» (ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). ЧАСТЬ I

Дневник психиатра.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленьё
В сердце врезалось ему.
Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию Деву,
Матерь Господа Христа.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Александр Пушкин.

Жил на свете рыцарь бедный

Есть в Москве церковь. Сооружена она в 1701 г. и была построена на том месте за Калужскими воротами, где послы иранского шаха Аббаса I передали царю Михаилу Федоровичу и его отцу – патриарху Филарету – Ризу Господню, похищенную персами в православной Грузии. На том памятном месте на Донской улице до сих пор обелиск стоит. Тогда и был учрежден нашей церковью праздник Положения Ризы Господней [празднуется 10 (23) июля, в день коронации царя Михаила]. Строил церковь знаменитый Яков Бухвостов – гений нарышкинского барокко.

В память о том, что в создании храма Ризоположения принимали участие царственные особы (сын Петра I – царевич Алексей Петрович и первая супруга – царица Евдокия Федоровна Лопухина), крест на главной церкви увенчан короной-венцом. Строился храм трудно, более 15 лет, ведь в те далекие годы шла Северная война, возводился Санкт-Петербург, царь Петр запретил каменное строительство в иных местах. Да и сама царица впала в немилость, была насильно пострижена в монахини и отправлена в Суздальский Покровский

монастырь. Долго скиталась несчастная царица, пока не была освобождена своим внуком Петром II. Сохранилось ее изображение той нелегкой поры в одеянии игуменьи.

Интересно, что частица Ризы сберегалась в семье Пушкиных, переходя к старшему в роде. По преданию, она досталась Пушкиным от святого Алексия, митрополита Московского, которому она в свою очередь могла быть подарена в бытность его в Константинополе. По словам Натальи Николаевны, А.С.Пушкин 10 июля, в день празднования Положения Ризы Господней, обычно ходил в церковь или же приглашал священника к себе домой.

За всю свою историю храм никогда не закрывался, в нем отпевали графа Алексея Григорьевича Орлова – знаменитого Алехана, почитателя княжны Таракановой, победителя турок в Чесменском сражении, убийцу императора Петра III, создателя породы орловских рысаков. В северной части храма находится большая икона с изображением святой Нины, покровительницы Грузии. Рискну предположить, что это знак особого уважения к стране, где много веков хранили Ризу Господню. Интересно, что живший неподалеку в Нескучном дворце Алексей Орлов называл свою единственную – и весьма набожную – дочь Анну «Нинушей». Видимо, та часто молилась перед этим образом. В новейшее время в храме отпевали св. Матрону Московскую, здесь находится икона с частицей ее мощей. В 1951 г. в церковь вернулась и частица Ризы Господней. Есть в храме и другие почитаемые православные святыни и образа.

«Один меня влечет всех больше»

С думой новой всегда остановлюсь пред ним –
и не свожу с него моих очей.

Александр Пушкин

В южном, Екатерининском приделе храма, в киоте, мое внимание привлекает образ молодой женщины с книгой, похожий больше на картину итальянского Возрождения, чем на православную икону. Ее

Богоматерь Калужская

тонкое, поразительной красоты лицо напоминает флорентийских мадонн кисти Пинтуриккио или даже самого Рафаэля Санти. Мадонна сидит вполоборота, глаза полуопущены и обращены в книгу. К сожалению, картина плохо освещена, мешают блики стекла, к тому же она сильно почернела и, по всей видимости, никогда не реставрировалась. Надпись славянской вязью не вводит в заблуждение – очевидно, что текст появился на картине позже. Тем загадочнее она выглядит. Кто ее автор, как она попала в православную церковь, наконец, кто на ней изображен? Выражение лица Девы Марии напомнило мне образы, созданные современниками

Леонардо, но еще одна ассоциация неотступно преследовала меня. Где я видел этот образ инокини в черном? И память не подвела: конечно же, это акварель молодого М.Ю.Лермонтова, изображающая его возлюбленную Варвару Лопухину в виде испанской монахини.

Я приходил сюда вновь и вновь, замороженный читающей Мадонной, и долго стеснялся спросить священников о происхождении этого образа. Наконец подходящий момент настал. И я обратился к одному из них с вопросом, кто изображен на картине. Он внимательно посмотрел на меня, как бы оценивая характер моего интереса, а затем просто и честно сказал: «Я не знаю». Я извинился, но остался перед иконой, где и стоял. Через некоторое время он снова подошел ко мне и сказал: «Это образ Калужской Божией Матери».

Не множеством картин старинных мастеров

Украсить я всегда желал свою обитель.

Александр Пушкин. Мадонна

В наш век – век Интернета – любопытство удовлетворяется быстро, и через два часа я уже знал об этой иконе практически все. История ее обретения такова. Явление чудотворной иконы случилось в 1748 г. в доме помещика Василия Кондратьевича Хитрово в селе Тинькове (ныне Ферзиковский район Калужской области). Во время

уборки на чердаке служанки обнаружили большой сверток холста, на котором была изображена женщина в темном одеянии с книгой в руках. Одна девушка приняла его за изображение монахини и показала второй, Евдокии, пригрозив ей гневом игуменьи за нерадивость и сквернословие, на что та, плюнув на образ, сказала: «Вот как я боюсь твоей игуменьи!» – и тотчас же упала, разбитая параличом, не в силах пошевелиться. Служанка рассказала обо всем помещику, который приказал перенести Евдокию в родительский дом и положить под иконы. В ту ночь родителям девушки явилась Богородица и сообщила, что они должны помолиться перед поруганной иконой. Родители сделали так, как велела Матерь Божия, и Евдокия исцелилась, принеся покаяние. Икона была вставлена в раму и помещена на почетное место в барском доме.

После многих других чудодейственных событий икона с почестями была перенесена в приходской храм в честь Рождества Богородицы в селе Калужке, а затем – и в кафедральный собор Калуги. В 1771 г. в воспоминание чудесного избавления города от чумы установлено празднование Калужской иконе 2 (15) сентября. В этот день ежегодно устраивается крестный ход по городу с иконой Калужской Богоматери.

В 1812 г., во время нашествия французов, Калужская икона была перенесена для большей ее безопасности в город Ефремов Тульской губернии. Видевшие ее здесь пленные французы признавались, что в Калуге и под Малоярославцем они неоднократно видели эту икону стоящую на воздухе и окруженную светоносными мужами в то самое время, как терпели поражение от русских войск.

Интересно, что голову Калужской Богородицы увенчивает трехглавая корона, по форме напоминающая корону Российской империи Петровской эпохи (да и корону на кресте московского храма). Примечательно, что с начала XIX в. корона как обязательный элемент по неизвестным причинам в основном исчезает с большинства изображений иконы Калужской Божией Матери, и они приобретают современный вид. Как утверждают калужские краеведы, «корона символизирует Царство, Богоматерь – Царица Небесная, и ее царское достоинство основано исключительно на материнстве, на том, что она стала матерью Спасителя. Но что могла символизировать корона, увенчивающая женщину (без младенца на руках), в образе которой явилась Божия Матерь? Только одно – близость к царской семье, что, вероятно, и послужило впоследствии проведению неоднократных ревизий описания явления иконы и корректировки ее изображения» (И.Горолевич).

Ужасен вид поруганной царицы.

Уильям Шекспир. Гамлет

Заметим, что, исследуя родословные связи рода Хитрово конца XVII – начала XVIII вв., можно выявить наличие связи этого рода с родом Лопухиных. Так, сын брата Евдокии Лопухиной генерал-аншеф Василий Авраамович Лопухин, владелец родовой усадьбы неподалеку от Тинькова, был женат на дочери Анны Федоровны Хитрово. Кстати, и упомянутый ранее граф Алексей Орлов был женат на Евдокии Николаевне Лопухиной, чья мать, Анна Алексеевна, овдовев, вышла замуж за Якова Лукича Хитрово. Подтвердим попутно, что набожная Евдокия Николаевна Орлова была родственницей своей опальной царственной тезки.

Сохранилось изображение насильно постриженной царицы в период ее пребывания в Покровском монастыре Суздаля. Она в одеянии игуменьи и... читает книгу! По мнению краеведа И.Горолевича, «эта женщина, вероятно, уроженка Калужской провинции («...на месте явления своего, в селении Калужке, Калужской губернии»), состояла в родстве с «боярином Василием Кондратьевичем Хитрово», занимала высокопоставленное положение, но во времена Петра I была пострижена в монахини и занимала привилегированное положение игуменьи. Императорская корона свидетельствует о том, что женщина (после провозглашения России в 1721 г. империей) имела определенное отношение к Дому Романовых.

Логическая цепь выстраивается сама собой: эпоха Петра I – боярин В.К.Хитрово – женщина, вероятно, уроженка Калужской провинции, стоявшая на вершине власти (увенчана короной), стала игуменьей и ушла из жизни в почете...

Женщиной, удовлетворяющей всем указанным параметрам, могла быть с большой долей вероятности Прасковья Илларионовна (в замужестве за Петром I – Евдокия Федоровна) Лопухина, в монашестве – Елена, закончившая свой жизненный путь в Вознесенском монастыре Кремля в 1731 г. в статусе бабушки императора Петра II Алексеевича. После преждевременной смерти внука ее рассматривали в качестве законного кандидата на престол Российской империи, но она отказалась от этой чести» (И.Горолевич). «На этой иконе Богоматерь соблаговолила предстать в облике, поразительно схожем с прижизненным портретом царицы Евдокии в монашеских одеждах с раскрытой книгой, написанном во время ее пребывания в Покровском монастыре почти за 40 лет до обретения сей святыни», – гласит другое свидетельство. Возможно, «сам факт явления чудотворной

иконы в 1748 г. был приурочен 50-летию ее пострижения в монахини в 1698 г. под именем Елены». Выдвинувший в 2013 г. данную гипотезу И.Горолевич свидетельствует: «Подтверждением... может служить сохранившаяся до нашего времени с давних времен легенда, бытовавшая в старинном русском городе Мещовске Калужской области, о том, что в Георгиевском соборе города Калуги была икона Калужской Божьей Матери. Этот образ необычен, он не похож на традиционное изображение Богоматери. На Калужской иконе изображена молодая женщина в монашеском одеянии с книгой в руках. По легенде это вовсе не икона, а портрет (sic! – П.М.) или, как его тогда называли, «парсуна» первой жены императора Петра I Евдокии Федоровны Лопухиной». Почему Мещовск? Да потому, что это – родина царицы, она здесь росла, имение ее отца было поблизости от города. Кстати говоря, маленький Мещовск является родиной и другой русской царицы, тоже Евдокии, но Стрешневой, жены первого русского царя из рода Романовых – Михаила Федоровича, получавшего из рук персов Ризу Господнюю. Она была бабкой Петра Великого.

ОБ ИКОНОГРАФИИ БОГОМАТЕРИ КАЛУЖСКОЙ

Отметим, что русские мастера стали пользоваться основами из холста лишь в XVII в., в так называемой парсунной (портретной) живописи; итальянцы начали пользоваться холстами много раньше, но на досках (в основном из тополя) продолжали писать вплоть до конца XVII в.

«Многие ревнители старины на Руси, в числе которых были и мещовские купцы, считали Петра I воплощением антихриста и переживали за свою землячку царицу Евдокию. По преданию, именно они заказали ее портрет. Долго берегли его как святыню. Однако вскоре правительству стало известно о крамольном портрете, и его стала искать Тайная канцелярия. Владельцы вынуждены были прятать свое сокровище, передавая из рук в руки, храня в тайных убежищах. Случайно портрет был обнаружен в тайнике, а малообразованные люди, нашедшие его, приняли изображение Евдокии за икону» (И.Горолевич).

Легенда очень красива, а гипотеза привлекательна. Но могли ли купцы заказать картину итальянскому мастеру живописи? Все возможно. Ведь итальянские архитекторы и мастера издревле работали на Руси (Фиораванти, Салари, Алевиз и др.), а в XVIII в. творили веронец Пьетро Антонио Ротари, болонец Стефано Торелли, венецианцы Франческо Фонтенассо и Пьетро Градици. Недавно их про-

Калужская икона Божьей матери

изведения, а также портреты кисти Сальваторе Тончи и Алессандро Молinari, работы Винченцо Бриоски и Антонио Виги были представлены на выставке в Санкт-Петербурге.

Однако мне представляется, что все было проще. Видимо, под Калугой нашли картину безымянного русского мастера (или, точнее, копию ее московского оригинала), которая после сотворенных ею чудес обросла легендами о прообразе – несправедливо гонимой царице, их землячке. Эту копию и могли ранее заказать мещовские купцы.

Однако легенда о Лопухиной прочно вошла в обиход и утвердилась, хотя трудно найти сходство между портретом «старницы Елены»

и молодым образом на иконе. Правда, можно предположить, что картина писалась с молодой Евдокии, которая лишь собиралась подарить царю наследника. В этом случае легенда приобретает особый смысл. К сожалению, портретов молодой Евдокии не сохранилось, кроме владимирского, однако есть изображения ее молодого сына Алексея, и здесь мы неожиданно видим знакомые утонченные черты удлиненного благородного лица... Внимательно рассматривая образ Калужской Богородицы в храме на Донской, мы замечаем наличие на портрете почти черного платка – мафория и туники синего цвета, и темного широкого пояса, и трех золотых звезд. Видны также расходящиеся от образа лучи, и, что очень важно, проглядываются стертые временем (?) контуры той самой трехглавой короны, столь характерной для Петровской эпохи и представленной на оригинале. Возможно, что лучи, корона и славянская надпись, идентифицирующая московский портрет как икону Калужской Богородицы, дописаны на итальянский оригинал чуть позже, когда «парсуна» в Калуге начала творить чудеса и стала особо почитаемой. В любом случае, полагаю, что московский образ первичен, оригинален, все остальные являются копиями.

Существует много реплик чудотворной иконы, однако с веками на них исчезают значимые первоначальные детали облика, образ становится более традиционным, русским, менее «западным». В из-

вестных копиях, за исключением восстановленного по старой черно-белой фотографии оригинала, правда, скрытого серебрянным окладом, и еще одной иконы неустановленного местонахождения, мы не находим и следов влияния итальянской школы живописи. Тем мне кажется ценнее московская находка. Подчеркну, что и сам портрет Е. Лопухиной в монастыре эстетически никак не связан с «мадонным» образом в церкви на Донской, который написан, на мой взгляд, в традициях итальянского Возрождения. Богородица с книгой и без младенца Христа – сюжет уникальный для русской иконописи, между тем мы находим его в картинах мастеров Возрождения. Мадонна Аннунциата встречается в работах Фра Анжелико, Андреа ди Бартоло, Антонелло да Мессина, Витторе Карпаччо, Франческо ди Джорджо Мартини. Как часть диптиха «Благовещение» мы найдем ее, в частности, у Сандро Боттичелли.

Андреа ди Бартоло. Аннунциата

«Однако прямых аналогов позы Богородицы, когда она, читая, держит книгу в правой руке, а левую молитвенно прижимает к груди, в сцене «Благовещение» не обнаружены», – утверждает Э. Шевченко.

Напомним, что итальянские живописцы часто писали свои образы с живых лиц (Рафаэль – с Форнарины, Боттичелли – с Симонетты Веспуччи, Филиппо Липпи – с Лукреции Бути и т.д.).

Полагаю, что на картине была изображена Мадонна Аннунциата – «Мадонна читающая» – это условное название Мадонны с книгой в руках. Рядом обычно изображают голубя – символ Святого Духа и Благовещения. В византийском искусстве термин «Аннунциата» означал «возвешение, объявление», т.е. евангельский сюжет: Благовещение Девы Марии. Образ Богородицы, читающей книгу, опирается на сюжет из апокрифического Евангелия псевдо-Матфея. В нем среди занятий Богородицы в Иерусалимском храме названо чтение книг. Во время явления архангела Гавриила Мария читала книгу пророчеств Исайи: «Се, Дева примет во чреве и родит сына» (Исайя, 7:14). В эпоху Возрождения сложился новый тип композиции, более

Пинтуриккио. Аннуциата

светский по настроению и представляющий Мадонну с раскрытой книгой. Немецкое название таких композиций (Verkündigung), как и итальянских (Annunciate), означает «Благовещение» и «Мадонна внимающая, читающая, оповещенная».

НЕПРОСТАЯ СУДЬБА ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ

Далее сведения о судьбе чудотворной иконы противоречивы. Есть указания на то, что «6 октября 1923 г. из-за отсутствия у храма в с. Калужка договора с советскими властями о пользовании церковным зданием Калужскую икону в целях безопасности перенесли в Троицкий

собор. После закрытия собора в 1926 г. икона оказалась в Успенском храме Калуги. 9 июля 1940 г. она была передана на хранение в Калужский краеведческий музей. В 40-х гг. XX в. икону вернули Церкви и поставили в храме Св. Георгия «за верхом», приобретшем в советское время статус кафедрального собора». (В.Легостаев.) В настоящее время в Георгиевском соборе у левого клироса в киоте находится Калужская икона (не исследована). По размерам она близка к чудотворной иконе. Не закрытые ризой сильно потемневшие участки живописи плохо различимы. Характерные прикрытые крупные веки, аккуратные припухлые губы и мягкий рисунок носа с объемным кончиком позволяют предположить, что икона могла быть написана не позднее 2-й половины XVIII в. (Э.Шевченко).

По другим данным, «оригинал образа чудотворной иконы Калужской Божией Матери исчез в 1918 г. По одной из версий, он попал вместе с другой дорогой церковной утварью в «золотой обоз» Савинкова, шедший в Москву для поддержки контрреволюционного восстания» (И.Горолевич). Дорога на Москву в те годы шла как раз мимо церкви Ризоположения, что на Донской...

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

И тут возникает ряд вопросов.

Случайно ли нахождение образа Калужской Богородицы в храме, построенном на средства и при покровительстве Евдокии Лопухи-

ной? Полагаю, что нет, как не случайно наличие в церкви списка Донской Богоматери и иконы святой Нины, покровительницы Грузии.

Почему среди многочисленных и подробнейших описаний храма Ризоположения на Донской улице нет ни малейшего упоминания об этой иконе? Вполне возможно, что и потому, что единственное подробное описание истории храма протоиереем И.Миловским (основной источник) сохранилось без шести последних страниц. Не нашлось места для упоминания этой иконы и в юбилейном, выпущенном к 300-летию храма, издании Московской патриархии. При этом в нем очень подробно рассказывалось о работе художников-реставраторов в последние годы. Даже официальный виртуальный видеотур церкви обходит стороной этот образ.

Почему этот вариант иконы нигде не воспроизведен, несмотря на его очевидную художественную ценность? Ведь, по-видимому, не одно поколение Лопухиных – потомков опальной царицы – молилось перед образом Мадонны Аннунциаты (Богоматери Оповещенной).

Ну, и, наконец, почему даже священник в храме не сразу ответил на мой вопрос об иконе?

Возможно потому, что в стране традиционного тоталитаризма верующие люди умели хранить свои тайны. Вспомните, как прятали святыни в годы лихолетья, как сотрудники Эрмитажа сознательно фальсифицировали записи о полученных ими на временное хранение иконах и мощах святых. Напомню, что царица была заключена в монастырь в 1698 г., за три года до начала строительства Ризоположенской церкви. Закончили строительство в 1717 г., накануне казни царевича Алексея, и, несмотря на это, память об их покровительстве храму увековечили в веках золотой короной на кресте церкви. А может быть, и исчезнувший в революцию портрет покровительницы храма – оригинал образа Калужской Богоматери – припрятали здесь, подальше от чужих глаз (а заодно и от православных калужан)? Ведь и Ризу не вернули грузинской церкви. Возможно, что

Евдокия Лопухина, жена Петра I

тайну иконы унес в могилу настоятель храма о. А.Хотовицкий, расстрелянный в 1937 г. и причисленный к лику святых... Или же протоиерей И.Миловский, оставивший исторический очерк к 200-летию храма. Он говорит об иконах «стиля “западного”», находящихся в храме: Богородицы, сидящей на воинских знаменах и оружии, и о картине «Снятие с креста» с надписью «№35 Cristo deposto della Croce di Luca» – «редчайшей копии (? – П.М.) с произведения знаменитого Луки Джордано». Замечу, что художник умер в 1705 г. Значит, были западноевропейские полотна в храме... Конца очерка нет – страницы вырваны чей-то рукой. Почему? Существует, правда, печатный вариант этого рассказа об истории храма, изданный в 1916 г., однако и там нет упоминания о читающей Мадонне. А это значит, что картина появилась (вернулась?) в храме позже (в 1918 г.?). Либо по иной причине.

ГИПОТЕЗЫ

И кто б, ее увидев, молвил: нет! –
 Кто прелести небес иль даже след
 Небесного, рассеянный лучами
 В улыбке уст, в движенье черных глаз...

Михаил Лермонтов. Измаил-бей

Думаю, что ответил бы на все эти вопросы, если бы не одно «но»: икона на Донской написана, судя по всему, на доске, а не на холсте, как знаменитая чудотворная икона Калужской Божией Матери.

Поэтому пришлось начинать все сначала: с помощью художника Э.Шадзевского мы компьютерным способом сопоставили фотографию иконы, сделанную в XIX в., с самим образом в церкви Положения Ризы в Москве. Было отмечено, что при значительном совпадении обоих изображений московский образ оказался безусловно первичен, наполнен жизнью, написан с натуры, чего нельзя сказать о калужской копии.

Калужская Божья Матерь, фото 1830-х годов

Конечно, бывают и редкие исключения из правил: в одном из московских антикварных салонов была обнаружена итальянская картина той же эпохи, переведенная позже с холста на дерево. Вскоре выяснилось, что и согласно акту о передаче подлинной Калужской иконы местному краеведческому музею в июле 1940 года она была наклеена на древесину, так как была в крайне ветхом состоянии. Отмечу, что размер картины на Донской удивительным образом совпадает со старыми измерениями калужской святыни (1 аршин и 12 вершков на 1 аршин и 6 вершков, т.е. 125х97 см), что, видимо, говорит об особой тщательности при копировании образа на Донской на холст «парсуны». И еще об одном поразительном совпадении: только на двух известных нам иконах есть такой широкий пояс у Богоматери: картине на Донской и на старом фото оригинала чудотворной иконы.

Предполагаю, что «парсуна» с изображением Евдокии Лопухиной заказывалась мещовскими купцами в Москве, где связывали итальянскую картину в храме на Донской с именем опальной царицы. Были ли это первоначально портрет молодой Лопухиной в виде Аннунциаты или же он был пожалован ею для храма, который она опекала, я не знаю, но каким-то образом этот лик безусловно связан с ее именем. Когда же копия стала знаменита своими чудодейственными свойствами, деликатную ситуацию исправили, добавив на московский образ надпись, корону и лучи.

ЕВДОКИЯ И ВАРВАРА

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,

Чистейшей прелести чистейший образец.

Александр Пушкин. Мадонна

И еще об одной догадке, связанной уже с психологией творчества. Не исключаю, что молодой и влюбленный в Вареньку Лопухину М.Ю.Лермонтов романтизировал ее в образе инокини, придав ему черты Мадонны с портрета ее знаменитой родственницы – опальной царицы. И это уже вызов наши литературо-

Варвара Лопухина, акварель М.Ю.Лермонтова

ведам... Ведь сердечную привязанность к ней поэт хранил всю жизнь. Образ Вареньки Лопухиной нашел воплощение в романах «Герой нашего времени», «Вадим», ей было посвящено множество стихотворений, в том числе «Измаил-бей», «Демон». Сохранилось несколько ее портретов, сделанных рукой М.Ю. Лермонтова, но лишь один похож на Мадонну Аннунциату.

Кстати, по прихоти судьбы Варвара Лопухина (Бахметева) похоронена на той же тихой улице, совсем неподалеку, в Малом соборе Донского монастыря.

Я же по-прежнему возвращался к загадочному образу читающей Мадонны в храме Положения Ризы Господней, что стоит на Донской в Москве... Загадка до конца не разгадана.

Она снова влекла меня.

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он;
Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:
Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство Вечно
Паладина своего.

Александр Пушкин

(Окончание следует)

30 декабря 2016

П.В.МОРОЗОВ. «ЗАГАДКА ЧИТАЮЩЕЙ МАДОННЫ» (ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). ЧАСТЬ 2

Дневник психиатра.

Что в имени тебе моем?

Но черный блеск бездонных глаз
Пронзит на улицах Севильи,
И в вороненых прядях-крыльях
Тебя я вижу каждый раз.

«Видение», П.Т.

Вена – прекрасный город. Я люблю бывать в нем еще с тех времен, когда долго работал в Женеве, во Всемирной организации здравоохранения, и по делам службы часто навещал австрийскую столицу. И всегда заглядывал в местные музеи. Вот и сейчас, изголодавшись по путешествиям, приехал я в этот город и сразу направился в Музей истории искусств. Времени было немного, поэтому тотчас устремился в центральные залы итальянской живописи – к Рафаэлю и Перуджино. Посмотрев заодно венецианцев: Тициана и Тинторетто, я свернул в боковые галереи, чтобы идти к выходу, слегка ускоряя шаги. Когда проходил мимо одной из картин, показалось, что передо мной мелькнул знакомый образ. Внутренне усмехнулся: «Даже здесь все думаешь о своей Мадонне, везде она тебе мерещится» – так часто в молодости бывает, когда влюблен. Но я все же остановился... Сомнений быть не могло: это она, «Мадонна с Донской»! Те же нежные черты лица, тот же взгляд, тот же изящный поворот головы, правда, она не одна, рядом дети: Иисус и Иоанн Креститель. Но в руках она держит открытую книгу! Карло Маратта! Маратта? Что я знаю о нем? Скорее к книгам, справочникам, Интернету. Прохожу немного вперед, и вдруг новая встреча с тем же ликом – «Мадонна с Младенцем». И снова Маратта!

Очевидно, что у художника была одна и та же модель и что он очень любил творчество Рафаэля.

Мадонна с Христом и Иоанном Крестителем. Вена

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Много пришлось просмотреть, и вот что удалось узнать. Карло Маратта (1625–1715) писал свои полотна в академической традиции своего учителя Сакки, берущей свое начало еще в творчестве Рафаэля.

Карло Маратта (1625–1715). Благовещение

В начале XVIII века Маратта и Сакки были признанными ведущими римскими живописцами, он может быть назван четвертым в ряду выдающихся представителей римской школы того столетия после Караваджо, Аннибале Карраччи и Пьетро да Кортоне. Кроме алтарных полотен для церквей, мастер писал также портреты, фрески, создавал скульптуры. Наиболее интересен он как портретист. Его работы любили Людовик XIV, целый ряд понтификов. В настоящее время картины К.Маратта можно увидеть в музеях Парижа (Лувр), Рима, Берлина, Флоренции, Санкт-Петербурга, Лондона, Мадрида, Бостона, Вены, Брюсселя, Мюнхена и даже во Владивостоке (в 1930-е годы Эрмитаж передал туда последнюю работу художника). Похоронен мастер в римской церкви Санта-Мария-дельи-Анжели-э-деи-Мартини (базилика Св. Марии, Ангелов и Мучеников). Маратта очень любил творчество своего гениального соотечественника Рафаэля. Однажды он так выразил свое восхищение его работами: «Если бы мне показали картину Рафаэля, и я не знал бы ничего о нем самом, если бы мне при этом сказали, что это создание ангела, я бы этому поверил». Современникам особенно нравились его милостивые мадонны, доставившие ему прозвище Карло, или Карлуччо делле-Мадонне. Вне Италии он наиболее полно представлен как живописец в Императорском Эрмитаже, где имеются 11 его несомненных картин, в том числе превосходный портрет папы Климента IX. Он был зрелым мастером, с великолепным умением соединять элементы стилистики барокко и римской традиции классицизма. В облагороженных образах святых часто угадываются реминисценции из произведений Рафаэля и Сакки. Уже в эти годы Маратта получил прозвище Апеллес Рима. Прекрасный знаток античности, живописи Рафаэля, а также искусный реставратор, Маратта был приглашен в годы понтификата Ин-

нокентия XI (1700–1721) реставрировать с учениками Лоджии Рафаэля (рафаэлевские фрески в «Станцах» Ватиканского дворца). В академических кругах эта работа была признана неудачной и в начале XVIII в. вызвала широкую полемику о правомочности реставрации. Стиль Маратты оказал большое влияние на мастеров молодого поколения. В Риме его последователями стали С.Конка, Ф.Треви-зани, Ф.Имперали, Б.Лути, К.Джакуинто, Дж.Кьяри. В частности, в одной из известных нам работ любимого ученика Маратты – Франческо Тревизани мы также находим знакомый образ читающей Мадонны. В Италии получили широкое распространение рамы *maratta* (по имени художника). Они стали популярны и в России, где также были распространены рамы с динамичной композицией, прихотливой резьбой, сложной проработкой левкаса, создающими дополнительный объем на поверхности.

Карло Маратта. Мадонна, чтение. Эрмитаж

МАДОННЫ С КНИГАМИ

Как упоминалось выше, в Эрмитаже находится самая большая зарубежная коллекция картин Маратта – 11 полотен. Однако главный сюрприз ждал меня впереди – одним из любимых сюжетов Карло Маратта были мадонны с книгами! Я насчитал более 15 таких полотен в разных музеях мира, причем одна из них – «Мадонна, чтение» – находится в Санкт-Петербурге. Но и это еще не все: на этой картине руки расположены так же, как на иконе Калужской Божьей Матери: одна молитвенно прижата к груди, а другая держит открытую книгу. А ведь раньше утверждалось, что подобных поз на картинах, изображающих Деву Марию, выявлено не было. Ту же позу наблюдаем и у читающей Марии Магдалены на картине одного из учеников Маратты. И еще: на многих работах автора, изображающих Богоматерь, мы много раз встречаемся со знакомым лицом, напоминающем мадонн кисти Рафаэля – несомненно, прототип у многих картин Маратты был один. Интересно, что художник предпочитает изображать свою модель в три четверти, в полуобороте, когда же это правило нарушается, то сразу обращает внимание чуть удлиненный и заострен-

ный нос прототипа – черта весьма приметная. Единственное, что немного смущало меня в выдвинутой гипотезе, это то, почему картина в храме на Донской улице в Москве так почернела – ведь Маратта как реставратор владел всеми тайнами сохранения полотен. Но и этому нашлось неожиданное объяснение. Сохранились свидетельство того, что Маратта из зависти (будем называть все своими именами) к таланту одного из своих учеников посоветовал ему покрыть картину рекомендованным им составом лака. Как результат, полотно довольно быстро потемнело. Из песни слова не выкинешь. Но если икона из церкви Ризоположения принадлежит кисти пока еще безымянного ученика из круга Маратта, то это подтверждает, что она представляет несомненную художественную ценность – ведь сам Маратта таким бесчестным образом признавал талант своего последователя.

ЕЩЕ РАЗ С САМОГО НАЧАЛА...

Теперь попробуем суммировать то, что удалось узнать и что можно предположить. Картина итальянского художника попадает в московский храм изначально, вместе с другими работами западноевропейских живописцев.

В те годы итальянские мастера активно работали в России, в частности, расположенный на той же тихой Донской улице (а в те времена это было предместьем столицы) Малый собор Донского монастыря, построенный в то же время, был расписан живописцем Клаудио с Аппенинского полуострова. Аннунциата каким-то образом связана с именем Евдокии Лопухиной, последней царицы русского происхождения, первой жены Петра Великого. Возможно, это вклад царицы в храм, на кресте которого расположена золотая корона петровской эпохи в знак ее покровительства строящейся церкви, возможно, она истово молилась перед ней в ожидании наследника – обратим внимание на широкий пояс Богородицы на картине. Когда Евдокию жестоким образом принудительно отлучают от престола, сына, и насильно постригают в монахини, ее преданные земляки мещовские купцы тайно заказывают русскому художнику ее портрет – «парсуну». Тот берет за основу любимый образ Евдокии, перед которым она молилась – Мадонну Аннунциату (Оповещенную) и привозит холст с изображением одетой во все черное инокини на родину опальной царицы. Ее чело подчеркнуто украшено императорской короной. Парсуна точно воспроизводит московский оригинал и по размерам, и по деталям (широкий пояс Богородицы, в частности, известен лишь на одной из поздних копий чудотворной иконы – Донской).

Возможно, что все было еще проще – любимый портрет читающей Богородицы кисти Маратты забирают из храма на Донской и отвозят на родину царицы. Крамольный портрет царицы с книгой в руке в монашеском одеянии и с короной хранится в имении Лопухиных, а когда на его след выходит Тайная канцелярия, то он передается в семью родственников – Хитрово. Те от греха подальше прячут его на чердаке, пока холст «случайно» не находят как раз в год 50-летия пострига Евдокии Лопухиной. Когда парсуна начинает творить чудеса, калужане говорят о том, что Богородица явилась к ним в образе царицы Евдокии.

Слух о чудесах, совершенных иконой Калужской Божьей Матери, доходит до Москвы, там знают о прототипе чудотворной иконы и решают мягко подправить ситуацию – так на московской копии, по видимому, появляется та же корона, лучи и надпись. Возможно, поэтому поколения священнослужителей храма старались не привлекать к ней особого внимания. «Парсуна», или исчезнувший оригинал кисти Маратта, явились прототипом известного портрета Лопухиной в Покровском монастыре в Суздале. Теперь уже невозможно было представить образ царицы без книги в руках, и не в той же позе, что и на чудотворной иконе.

Предположение о том, что автором прообраза иконы в церкви Ризоположения является Карло Маратта (или кто-то из его последователей) основано на следующем:

- Лик Мадонны удивительно совпадает с другими аналогичными образами в произведениях К.Маратта и его учеников.
- Его работы выполнены под большим влиянием Рафаэля, что и бросается в глаза при знакомстве с картиной и с восстановленным по фотографии оригиналом чудотворной иконы.
- В храме на Донской были (да и есть) и другие итальянские работы того же времени.
- Одним из любимых сюжетов Маратта была Мадонна с книгой (более 15 известных нам полотен).
- На некоторых из них мы видим абсолютно ту же позу Мадонны, более нигде не встречающуюся: одна рука молитвенно прижата к груди, другая держит раскрытую книгу.
- В России было много произведений этого художника.
- Возможно, картину написал один из талантливых учеников Маратта... Картину в московском храме никогда, судя по всему, не исследовали и не реставрировали. Возможно, под слоем лака найдется такое, что позволит подтвердить или опровергнуть ход моих догадок. Но одно очевидно – икона достойно того, что ее исследовали.

К ДЕЛУ ПРИСТУПАЕТ РЕСТАВРАЦИЯ

Однако и эту столь заманчивую гипотезу пришлось отбросить: реставратор, с которой меня самым неожиданным и счастливым образом свела судьба, а точнее Провидение, рассказала мне удивительные вещи. Во-первых, икона оказалось не почерневшей, а лишь плохо освещенной. Часть потемневшего лака можно удалить, и образ вновь засияет всеми своими красками. Во-вторых, подтвердилось наше впечатление о том, что икона была написана на доске, но, увы, ее датировка относится к XIX в., скорее всего, к его второй половине, тем годам, когда создавался и киот для нее.

Так неужели все мои догадки и поиски были напрасными?

Реставратор иконы Галина Лозовская самым терпеливым образом выслушала все мои сомнения на этот счет, с интересом ознакомилась с «лопухинской» линией моего исследования и подтвердила мое предположение о большом сходстве оригинала с фотографией чудотворной иконы (судя по старому снимку). Эти два образа наиболее близки друг другу из всех известных существующих икон Калужской Божьей Матери. К тому же они весьма совпадают и по размерам. Но, как мы отметили ранее, образ на Донской видимо, более ценен с художественной точки зрения, хотя он, как оказалось, и более поздний. И наконец, а как же быть с Карло Маратта?

Видимо, прообразом и для «донского» и для «парсунного» образа Калужской Богородицы была картина итальянского мастера Карло Маратта, перед которым молилась молодая царица Евдокия, ожидавшая своего первенца.

Образ Калужской Божьей Матери в храме на Донской улице. Москва

ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

Обратим теперь наше внимание на пояс Богородицы на исследуемой иконе. Подчеркнутая ширина коричневого пояса (деталь крайне редкая на иконах, обычно обозначается лишь узкий поясок) выделяет данную деталь образа. Реставратор картины Галина Лозовская говорит о несовершенной технике исполнителя московской копии чудотворной иконы Калужской Богородицы: складки туники Богоро-

дицы неточно передают контуры ее тела. И тут в голову приходит неожиданная догадка, возникающая еще при знакомстве с современной чудотворной иконой, находящейся в кафедральном соборе Калуги: очертания тела Божьей Матери говорят... о ее беременности. Возможно ли такое? Не противоречит ли это христианским канонам, учению церкви? Оказывается, нет, не противоречат, и иконы с изображением беременной Богородицы, с младенцем в чреве, существуют. Известно, что народно-христианские представления наделяли пояс Богородицы свойствами сильнейшего оберега при родах.

Так, английская королева Елизавета Йоркская заплатила немалые деньги некоему монаху за использование «пояса Богородицы» при родах. Хорваты опоясывали роженицу, которая долго не могла разродиться, «поясом Богородицы» (хорв. *Gospin pasac*), принесенным из церкви. В Сербии женщину на сносях заранее опоясывали веревкой, которая всю ночь провисела в церкви у иконы Богородицы. Словенцы Каринтии считали, что роды облегчает двухметровая лента *velikost Marije*, продаваемая в церквях. У македонских греков матери, несчастливые в детях, незадолго до родов старались раздобыть у побывавших в Фокие паломниц «пояс Богородицы» (греч.) из выделанной кожи. Согласно преданию, пояс из верблюжьей шерсти Богородица сплела себе сама, он был на ней во время беременности. В честь чудотворного Пояса Пресвятой Богородицы была написана икона, известная в России под именем «Пояс Пресвятой Богородицы». В Греции ее называют «Агия Зони», что дословно обозначает «Святой пояс». Образ этот также прославился многочисленными чудотворениями – исцелениями от бесплодия. Пояс Пресвятой Богородицы указывает на аскетизм ее жизни. Это символ внимания и воздержания, потому что в античности и в отеческой традиции «перетянуть пояс» значило наложить на себя строгий пост. Таким образом, еще в древности Пояс Божией Матери почитался не только как святыня первой величины, но и как символ аскетизма и чистоты. Не случайно Пояс Божией Матери хранится и почитается на Афоне среди аскетов – монахов и отшельников.

Лопухины и Лермонтов

Я не исключаю, что молодой М.Ю.Лермонтов, влюбленный в дальнюю родственницу царицы Евдокии, Варвару Лопухину, романтизировал ее образ, изобразив возлюбленную в виде испанской монахини на своей акварели. Варенька Лопухина (Бахметева), похороненная поблизости, на той же Донской улице, явилась прототипом многих героинь произведений великого поэта. Эта достаточно не-

ожиданная ассоциация возникла сразу, при первом же знакомстве с образом читающей Мадонны. История древнего рода дворян Лопухиных тесно переплетена и с Калужской землей, и с храмом на Донской и, видимо, с чудотворным образом Богоматери Оповещенной (Аннунциаты). Напомню, что калужская усадьба Лопухиных Себряно находилась близ Мецовска и была известна с XIII в. – там располагались 2 монастыря и 5 храмов. Двоюродный брат опальной царицы Александр Петрович Лопухин являлся дедом Евдокии Николаевны Орловой-Чесменской (Лопухиной), что была супругой могущественного графа Алексея Орлова.

Варвара Лопухина, художник Мартен (1833)

Супруги Орловы отпевались в храме Ризоположения на Донской, являлись его прихожанами и делали богатые вклады в эту церковь. Неподалеку от сестры Евдокии, в начале Калужской, обосновался и Дмитрий Николаевич Лопухин, который поручил архитектору Матвею Казакову выстроить свою усадьбу (ныне здание Горного института). Лопухины, безусловно, гордились родством с последней царицей русского происхождения и знали о ее почитании в храме на Донской. Не могла не знать этого и Варвара Лопухина. Ее акварельный портрет кисти юного Лермонтова, где она изображена в виде испанской инокини, поразительно напоминает икону с изображением Богоматери Аннунциаты. Варенька после отъезда Лермонтова в Петербург, поверив слухам о его увлечении другой женщиной, вышла замуж за Бахметева, однако продолжала любить поэта. После известия о смерти Лермонтова Варвара тяжело заболела, о чем прямо свидетельствует письмо ее сестры Марии («...отношу это расстройство к смерти Мишеля»). После долгих и многолетних попыток вылечить Лопухину (а она отказывалась от новых поездок на заграничные курорты) муж в 1846 г. решил построить в своем имении церковь с престолом, посвященным великомученице Варваре – небесной покровительнице его жены. Не по ее ли желанию храм позже получил название... Благовещения?!

Она молилась здесь еще пять лет, вплоть до своей кончины, и была похоронена не в родовой могиле Лопухиных (где положили и Евдокию Орлову, Лопухину в девичестве) в Спасо- Андрониковом монастыре, а на Донской, в малом монастырском соборе, ведь при Ризоположенской церкви кладбища не было.

Случайно ли это? Я не знаю, но уверен, что икона Калужской Божьей Матери оказалась в этом храме не случайно.

Если я, пусть по-дилетантски, привлеку к этой картине внимание специалистов, то буду считать, что выполнил свою задачу.

Но даже если этого не произойдет – я по-прежнему буду приходить сюда.

Она снова влечет меня.

Чей образ по утрам тревожит,
Волнует в сумраке ночей,
Прекрасный облик осторожно
Приходит в сплаве праздных дней.

Его черты неповторимы,
Тот образ вижу каждый час,
Казалось, взором много раз
В толпе ловил сей лик любимый.

И ноги вновь приводят сами
К иконе, что стоит во храме,
И сердце словно на ладони.

Я с преклоненной головой
Стою, исполненный мольбой
Моей читающей Мадонне.

(Аннунциата, П.Т.)

П.В. МОРОЗОВ.УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ТАТЬЯНА? (ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЯМИ)

Дневник психиатра.

Татьянин день... Всегда это был праздник в нашей семье-у нас было две Татьяны. Позже он стал для меня и днём студенчества, в этот день родились Высоцкий и Роберт Бернс. А совсем недавно я узнал, что это и праздник детских врачей-педиатров. Их покровительница – Св.Татьяна. Моя история связана и с этим именем. Всё рассказываю так, как и было.

Пристегните ремни.

Пиковая дама означает тайную недоброжелательность.

(А.С.Пушкин)

КТО ЖЕ В ЭТОМ ПРИЗНАЕТСЯ ПСИХИАТРУ?

Шел декабрь 2002 года, был последний день съемок программы «Консилиум», которую я вёл на канале «Культура» в течение шести лет. Мы решили посвятить её проблемам гипербарической оксигенации, для чего и приехали в Филатовскую больницу к моему старинному другу – профессору С.А. Байдину, видному специалисту в этой области. Сергей Аркадьевич принимал нас в самом старом корпусе больницы – ампирном особняке 18-го века. Пока ставили свет, проверяли звук, Сергей решил меня слегка развлечь, спросив, знаю ли я о том, что здесь издавна проживает привидение. На мои удивлённые расспросы он рассказал, что в больнице давно наблюдают призрак высокой стройной женщины, одетой во всё черное, с лицом, покрытом плотной чёрной вуалью, которая свободно проходит сквозь стены – её часто наблюдают пациенты и медперсонал. Я спросил, нельзя ли мне поговорить с очевидцами. После некоторого замешательства (понятное дело, кто же, находясь в здравом уме, добровольно пойдет к психиатру рассказывать о своих видениях?) ко мне привели смущавшуюся старшую сестру отделения, Татьяну Егоровну, которая и поведала мне о том, что произошло с ней совсем недавно, во время ночного дежурства.

Видела, да и слышала о призраке княгини Щербатовой, жившей в этом здании когда-то, женщина много раз, но непосредственно столкнутся с ним ей пришлось незадолго до нашего визита в боль-

ницу. Ведь дело доходило до того, что видевшие привидение, раздобыв портрет княгини, сравнивали его с увиденным воочию. Так вот, как-то на ночном дежурстве, уже под утро, уставшая, она решила прикорнуть на кушетке (чего никогда обычно не делала) на несколько минут. И в этот момент, находясь в полудреме, сестра увидела отделившуюся от стены женщину в черном, которая беззвучно по-

Филатовская больница, дом Щербатовой

дошла к ней, присела рядом и даже погладила по руке, спросив, хорошо ли она себя чувствует. Лица княгини под вуалью видно не было. Скованная противоречивыми чувствами и боясь вымолвить слова, сестра лишь кивнула ей, как бы подтверждая, что всё в порядке. Привидение встало и, также беззвучно отошло стене и исчезло. Я спросил о том было ли страшно и почему она не кричала – старшая сестра ответила, что в больнице все уже привыкли к призраку. На мой уточняющий (и чисто профессиональный) вопрос, куда проецировался увиденный ею образ, Татьяна Егоровна не задумываясь ответила: снаружи, видела его не внутренним взором.

Необычная история отложилась в моей памяти, хотя я и не знал, что с ней делать. Бывал я у Сергея в больнице много раз, но к рассказу о появлении княгини в чёрном ни разу не возвращался.

«Мы ленивы и не любопытны»

(А.С. Пушкин)

...Минуло более 15 лет, и вот, совсем недавно, я совершенно случайно наталкиваюсь на сообщение о том, что в одном провинциальном музее обнаружен портрет молодой женщины, незадолго до этого атрибутированный, как портрет княгини С.С.Щербатовой. Князей Щербатовых было много, и я решил уточнить, нет ли какой-либо связи лица, изображённого на портрете, с бывлой обитательницей старинного особняка на Садово-Кудринской улице в Москве.

И чем больше я узнавал – тем более удивлялся, что удваивало мои силы в поисках следов этой необыкновенной женщины.

УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ТАТЬЯНА?

Она родилась в 1798 г., за год до рождения А.С.Пушкина. Огромный дом её родителей – супругов Апраксиных в Москве на Знаменке

С.С. Апраксина в детстве

называли «школой просвещения», а домашний театр был едва ли не лучшим. В одной из опер среди сказочной роскоши сценического убранства разгуливали живые олени. Наряду с крепостными артистами выступали привлеченные огромными гонорами европейские знаменитости. На премьерах у Апраксиных бывали самые видные театральные люди: Гедеонов, Вяземский, дядя Пушкина, Василий Львович, писавший легкие «пиесы» для театра Апраксиных и часто сам декламировавший их со сцены. А на премьере «Сороки-Воробки» Россини у Апраксиных в 1827 году побывает и сам Александр Серге-

евич Пушкин. Воспитанием детей Екатерина Владимировна Апраксина занималась сама. Её дочери изучали языки и литературу, им преподавали музыку и искусство. Из двух дочерей она предпочитала старшую Наталью, которая имела с ней сходство ума и характера, Софию же она находила слишком серьезною, слишком не любящей большого света, слишком простой в жизни. София увлекалась живописью, рисуя пейзажи. Она много читала, притом книги разного содержания, от самых серьезных (любила Платона, Сенеку) до повестей и романов, была очень религиозна, но без ханжества.

Н.П. Голицына

Детство и молодость Софьи Апраксина провела в селе Ольгове, Дмитровского уезда Московской губернии, принадлежащем её бабушке – знаменитой Наталье Петровне Голицыной – «Пиковой даме», воспетой А.С. Пушкиным. Кстати говоря, старожилы усадьбы Ольгово утверждают, что дух Екатерины Владимировны, что была её дочерью и, соответственно, матерью Софьи, и поныне бродит здесь, среди развалин огромного древнего поместья.

В 19 лет, выйдя замуж за князя Алексея Григорьевича Щербатова (ге-

нерала от инфантерии, героя Отечественной войны 1812 года), Софья поселилась в Москве, где дом ее долгое время являлся центром всей старой столицы: родовой, светской и благотворительной. И, несмотря на огромную разницу в возрасте — почти в двадцать два года, супруги жили мирно и счастливо. Княгиня станет матерью шестерых детей и переживёт большинство из них.

Пока они путешествовали по Европе, где художник Орест Кипренский написал портрет Софьи Степановны, в России произошло восстание декабристов, в котором участвовали и родственники Щербатова. Но царский гнев миновал самого князя, так как он находился за границей. В Москву Щербатовы вернулись лишь в 1826 году.

Есть мнение, что Софья Апраксина являлась прототипом пушкинской Татьяны Лариной.

Очень умная и образованная, воспитанная в роскоши и богатстве, Щербатова, по свидетельству знавших ее, была олицетворением "grande dame", что не мешало ей, впрочем, всем смело говорить правду в глаза, любить во всем простоту, ненавидеть изнеженность и праздность. Альбом Софьи Степановны заполняли стихами, каламбурами, рисунками и прочими экспромтами знаменитые литераторы Пушкин, Жуковский, Вяземский, Гоголь, Мицкевич, Тютчев, историк Гизо, композиторы Лист, Россини, Мейербер, оперные певцы Рубини и Полина Виардо, художники Брюллов и Кипренский. Среди ее гостей встречалось немало и других знаменитостей.

Статс-дама княгиня Софья Степановна Щербатова и по роду, и по замужеству принадлежала к самым аристократическим семьям страны. Дед граф Степан Федорович Апраксин генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в Семилетней войне 1756–1763 годов. Отец граф Степан Степанович Апраксин — генерал от кавалерии, один из самых гостеприимных и богатых московских вельмож, мать — Екатерина Владимировна Голицына, «разгневанная Венера» по выражению парижского королевского двора (хотя сам Пушкин в «Пиковой даме» называл московской Венерой её мать), сестра московского военного генерал-губернатора Дмитрия

Мать Софьи — Екатерина Владимировна Голицына, «разгневанная Венера»

Владимировича Голицына. Екатерина Владимировна была очень хороша собой, небольшого роста, статная и стройная, с прекрасным профилем и большими тёмными глазами, но имела черты резкие и довольно суровое выражение лица, за что получила в Париже это прозвище – «la Venus en sougoux».

Муж – князь Алексей Григорьевич Щербатов (участвовал в 33 сражениях, несколько раз был тяжело ранен – «мой муж в сраженьях изувечен») занимал этот же пост вплоть до 1848 года. Сын князь Александр Алексеевич – первый гражданский (т.е. избранный) московский городской голова в 1863–1869 годах, да и другие её дети оставили след в истории.

Но прославилась она не родней, не богатством и не дружбой со жрецами искусства.

В 1843 году А.Г. Щербатов, сменив на посту московского генерал-губернатора Д.В. Голицына, дядю Софьи Степановны, сразу же возглавил комиссию по строительству храма Христа Спасителя. Однако за свой «либерализм» и доброту князь Алексей Григорьевич, как губернатор Москвы, не был в чести у императора Николая I. А тяжелая болезнь заставила его выйти в отставку уже в 1848 году. В декабре А.Г. Щербатов умер и был похоронен в Донском монастыре.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Тогда же княгиня решила продолжить дело своей предшественницы (жены её дяди – губернатора Д.В.Голицына) – Татьяны Васильевны Голицыной, которая занималась благотворительностью и основала первую детскую больницу на Малой Бронной (москвичи звали Голицыну «святой»). Уже в 1844 году С.С. Щербатова учредила Дамское попечительство о бедных в Москве, в ведении которого находились училища, школы, богадельни, убежища, больницы – всего общим числом 36. А еще через год княгиня создает под своим председательством Совет детских приютов Москвы; она ввела организованную благотворительность, положив конец «неосмысленному состраданию богатых к бедным». Благодаря инициативе и пожертвованиям Софьи Степановны возникли также городские приюты, в частности, первый приют для детей, страдающих слабоумием. Княгине Щербатовой обязано своим возникновением и Комиссаровское техническое училище. С её легкой руки основывались в Москве всё новые приюты для детей, богадельни для престарелых, дома для не имеющих крова; оживилась деятельность тюремных комитетов. В 1847 году около Новоспасского монастыря были созданы

благотворительные учреждения, — богадельня, лечебница, детский приют и церковь — носившие её имя.

Весной 1848 года, еще до смерти князя Щербатова, в Москве началась эпидемия холеры. По подсказке знаменитого доктора Ф.П. Гааза (его девизом служило выражение апостола Павла: «Спешите делать добро») и с помощью мужа Софья Щербатова основывает первую в Москве Никольскую общину сестер милосердия, которые ухаживали за больными в московских госпиталях. Никольская община стала первой сестрической общиной в Москве и второй в России. Сестры Никольской общины ухаживали за больными в 1-й городской и других больницах. В 1854 году, когда началась Крымская война, они первыми отправились на поля сражений оказывать помощь раненым, где и получили прозвище «сестер милосердия». Императрица Александра Федоровна выразила благодарность княгине Щербатовой и наградила ее и сестер медалями за оборону Севастополя.

До глубокой старости Софья Степановна лично руководила основанными и организованными ею благотворительными учреждениями, когда же эта сложная работа после 30-летних трудов стала ей не по силам, она передала её в другие надежные руки, но сама не переставала следить за своими заведениями, навещая их и придумывая для них разные нововведения и улучшения.

О.А. Кипренский. Портрет С.С. Щербатовой

С.С. Щербатова

Княгиня Щербатова прожила долгую жизнь. В 1852 году она купила себе дом на Садово-Кудринской и провела в нем свои вдовье годы. До кончины она оставалась в ясном уме. «К делам милосердия поздно обращаться в старости – писала С.С.Щербатова. Они должны стать стержнем всей жизни. Тогда с годами вы будете ощущать от них постоянный прилив сил». Почувствовав приближение смерти, послала за священником и 3 февраля 1885 года удостоилась тихой, мирной кончины. Упокоили Софью Щербатову рядом с мужем в Михайловской церкви Донского монастыря и неподалёку от своей знаменитой бабушки – «Пиковой дамы» и «святой» Татьяны Голицыной.

Императрица Мария Федоровна писала ее сыну, князю А.А. Щербатову: «Известясь о кончине матушки Вашей, не могу не выразить глубокой скорби моей об утрате, столь чувствительной для семьи покойной и для Москвы, которая лишилась в ней всеми чтимой и уважаемой благотворительницы». Усадьбу на Садово-Кудринской княгиня завещала детям. Тогда же князь А. А. Щербатов просил принять в дар городу это владение для размещения детской больницы, но с рядом условий: больницу назвать Софийской в память покойной княгини и домовую церковь освятить во имя святых Татианы и Софии. Это дало повод почитать святую Татиану и как возможную покровительницу детских врачей.

В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов

(Горе от ума)

Саратовская областная психиатрическая больница была построена в 1891 году также на пожертвования княгини Софьи Степановны Щербатовой, которая владела рядом имений в тех краях и нередко гостила на саратовской земле. Ранее земли сёл Усовка, Андреевка и деревни Студёновка принадлежали генералу от кавалерии Степану Степановичу Апраксину.

В начале XIX века сёла Усовка, Андреевка, Софьино перешли к князю А.Г. Щербатову, получившему их в приданое Софье Степановне, дочери С.С. Апраксина. Остальные сёла Усовской вотчины – ее сестре – Наталье Степановне, вышедшей замуж за Михаила Андреевича Голицына. На этой же земле, но уже в Зубриловке, проживала и дочь С.С.Щербатовой – Ольга, также породнившаяся с Голицынами. Ещё один сын княгини Владимир Алексеевич, дипломат, действительный статский советник, был саратовским губернским предводителем дворянства, а позднее стал саратовским губернатором.

Напомним, что в повести Пушкина «Пиковая дама» старая графиня владеет и саратовскими имениями.

В 1887 году к земству обратился князь Александр Щербатов. Его покойная мать, княгиня Софья Щербатова, оставила по духовному завещанию 24 тысячи рублей на призрение душевнобольных – капитал огромный по тем временам. Князь ставил условием создание за городом филиального отделения психлечебницы. Упоминалось вскользь, что один из детей княгини страдал душевным расстройством.... Часовня в честь Св.Софии возведена в больнице уже в наши дни.

«.. И призраки прошлого плавно поплыли...»

(Т-Т.)

Встречаясь с друзьями невольно перебираешь прошлое, а для врачей-музыкантов из «Камертона» – это, прежде всего, бывшие песни. Вспоминали и нашу, первую в стране, рок-оперу «Мир входящему», мне же пришло на память, как написал я её меньше, чем за месяц, находясь летом 1971 года в бывшем имении Щербатовых! (в те годы – санаторий им. Герцена).

В 1881 г. (еще при жизни Софии Степановны!) построил этот замок её сын, Григорий Алексеевич, в Васильевском, на правом берегу Москвы-реки, на Марьиной горе, существует он и ныне.

Пришлось вновь вернуться к этой теме – не отпускала она меня никак...

...И вот, историю эту я решил поведать недавно своим близким друзьям за неторопливым праздничным столом. Сергей Аркадьевич Байдин (когда-то наш басист), теперь уже пожилой профессор, занимающий пост заместителя главного врача детской больницы им. Филатова не спеша, делая паузы, вступил в беседу. «Тот старый корпус сейчас перестроили, обрушение случилось вскоре после вашего визита, больных теперь здесь нет – это сугубо административное здание. По вечерам в бывшем особняке никого не бывает, да никто там, видимо, больше и не появляется». Потом помолчал и добавил: «Да и старых очевидцев былых времен у нас в больнице осталось лишь два-три человека... Татьяна Егоровна здравствует, «иных уж нет, а те далече», кто и за границу уехал... А кто-то, – он посмотрел на меня, и вовсе, с ума сошёл...». «Как Германн!», – вырвалось у меня. Сергей сделал вид, что не заметил и неторопливо продолжил. «Но видели, ощущали ее присутствие многие... И я однажды...тоже...» Тут он осёкся. «Сережа, ну расскажи!» – просили гости со всех сторон. И вот теперь, почти через полвека, Сергей Аркадьевич наконец-то поведал нам, как од-

нажды, он с коллегой-хирургом, после очень трудного ночного дежурства в реанимации, зашли, уже под утро, отдохнуть в ординаторскую. «В ожидании смены прикорнули на стульях, был как в полудрёме» – рассказывал Сергей. «И вдруг резкий, властный стук прервал наш сон. Мы переглянулись – за дверью никого даже близко не должно было быть в это время. Показалось... Но стук повторился, настойчивый и сильный. Я встал и открыл дверь – никого в коридоре не было. Я прошёл в ближайшую палату – остановка сердца у больного! Тогда, к счастью, всё обошлось... Но мы были убеждены – это Она нам помогает спасти наших маленьких пациентов», – заключил свой рассказ профессор. «Так что ж ты молчал все эти годы? было возмущен я, – вот он ключ, вот объяснение ее появлений – она просто старалась вам помочь! Да и вся её земная жизнь говорит об этом».

«Да мы давно все об этом знали», – ответил медленно Сергей.

Но кто же будет рассказывать об этом психиатру?

P.S. Один мой близкий друг, человек сильный и суровый, прочитав рукопись, задумчиво вдруг сказал: «Знаешь, ведь я тоже в этой больнице в далеком детстве лежал, в хирургии. Помнится, было мне не столь больно, сколько обидно, что рядом не было мамы (в ту пору в палаты родителей не пускали), а оперировал меня известный доктор – Ворохобов, с тех пор фамилию я эту запомнил...» И потом добавил,

после паузы: «Плакал я тогда много и сестры, да и нянечки, все в белых халатах, меня за это стыдили – дескать большой уже, почти три года, а ноешь, как девчонка. И лишь одна меня пожалела: подошла, даже погладила будто, сказала, что мама придет скоро. Лица её я не помню, помню лишь ощущение дуновенья ветерка и то, что в отличие от других; была она во всем черном. Я тогда заснул и с тех пор больше не плакал».

Мы молча посмотрели друг на друга, и, ничего не сказав, разошлись.

Надгробье С.С.Щербатовой в Донском монастыре
с цитатой из Евангелия: «Я есмь воскресение и жизнь;
верующий в Меня, если и умрет, оживет»

О ВИРУСОЛОГИИ

ИНТЕРВЬЮ. ПО ВСЕМ ПРИЗНАКАМ - ЭТО ЗАБОЛЕВАНИЯ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ИНФЕКЦИОННУЮ ПРИЧИНУ.

Дневник психиатра. 2016; 02: 1-5

В.А.Зуев

П.В.Морозов: Мы беседуем с Виктором Абрамовичем Зуевым – почетным вице-президентом Российской академии естественных наук, окончившим 2-й Московский государственный медицинский институт в 1953 г. Виктор Абрамович – доктор медицинских наук, профессор. С 1960 г. работает в НИИ эпидемиологии и микробиологии Российской академии медицинских наук. С 1974 по 2008 г. возглавлял лабораторию микробиологии латентных инфекций в отделе медицинской микробиологии, которым руководил с 1997 по 2009 г. В 1990 г. – академик РАЕН, член президиума, академик-секретарь отделения вирусологии и прионных болезней биомедицинской секции РАЕН.

Член редколлегии журнала «Вопросы вирусологии», лауреат премии им. Д.И.Ивановского РАН 1989 г., удостоен серебряной медали им. П.Л.Капицы как автор научного открытия, золотой медали им. Петра I за заслуги в деле возрождения науки и экономики России, награжден Синим крестом РАЕН за заслуги.

Виктор Абрамович, Вы были одним из инициаторов изучения латентных инфекций и много писали в свое время о так называемых медленных вирусах.

У Вас очень много публикаций на эту тему, и я еще лет 40 тому назад читал во Всемирной организации здравоохранения Ваши книги и, можно сказать, воспитывался на них, потому что я очень интересовался этим вопросом со студенческих лет.

Насколько я знаю из Ваших публикаций, термин «медленные вирусы» предложил нобелевский лауреат К.Гайдушек, но теперь от него отказались. Что Вы можете сказать по этому поводу, почему

термин «медленные вирусы» сейчас уже не употребляется профессионалами?

В.А.Зуев: Все очень просто.

Дело в том, что Карлтон Гайдушек был одним из главных охотников за этиологией прионных болезней. Все указывало на то, что это вирусная этиология, поскольку возбудитель не размножался на искусственных питательных средах, проходил через бактериальные фильтры, в электронном микроскопе не был виден. А также имели место и другие качества, вирусные, т.е. эффект разведения, штаммовое различие – все было при этом возбудителе. И естественно, К.Гайдушек был уверен, что это вирус, что он ищет вирус. А так как этот возбудитель явно чем-то отличался от хорошо известных тогда вирусов, он и решил так обозначить этот гипотетический агент. Однако на самом деле действительно нет медленных или быстрых вирусов. Есть медленные формы инфекционного процесса. Их вообще несколько. Скрытая форма инфекционного процесса, хроническая форма инфекционного процесса, когда имеет место длительная персистенция вируса и вместе с тем наличествуют клинические симптомы заболевания. Есть острая форма инфекции – это болезнь. Наконец, была открыта медленная инфекция Бьорном Сигурдссоном в 1954 г., когда он изучал болезни овец.

Надо сказать, что, несмотря на это громадное открытие, оно не имело никакого отклика. Хотя Сигурдссон провел цикл лекций в Лондонском университете, но реакция на это была, так сказать, никакая. Почему? Да очень просто! Во-первых, это где-то в Исландии; во-вторых, это у овец; в-третьих, эти заболевания имели какие-то корявые названия скандинавские: «Скрепи», «Висна-Маеди». Однако, слава Богу, что через 3 года К.Гайдушек, находясь среди племени людоедов, совершенно в другом конце земного шара, опубликовал описание заболевания, которое точно соответствовало всем 4 признакам медленной инфекции. Вот тогда-то все, что называется, спохватились. И действительно, медленные инфекции обнаружили там, где их искали.

Помните, на древних этрусских изображениях у Януса было не 2, а целых 4 лика. Так вот же, они здесь: 1) острая (болезнь); 2) латентная; 3) хроническая; 4) медленная формы инфекционного процесса, о которых и шла речь... Прозорливости этрусов приходится только удивляться... Однако процесс познания поистине бесконечен, и можно не сомневаться, что будущее преподнесет нам еще немало сюрпризов.

П.В.: Мне очень важно, кажется, взаимодействие в этом плане вирусологов и людей, которые занимаются изучением нервной системы, психиатров в частности.

Я рос в семье: у меня дед – вирусолог, отец – психиатр, и с детства слышал об этой гипотезе – вирусной этиологии шизофрении в частности. У них были поисковые работы в этой области. Для меня это тоже какая-то сверхценная идея, говоря психиатрическим языком, или сквозной симптом. Как Вы, как один из видных вирусологов нашей страны, относитесь в целом к идее возможного вирусного происхождения психических заболеваний?

В.А.: Я к этому отношусь совершенно однозначно. Я отношусь к этому с огромным интересом.

С огромным! Почему? Поскольку как вирусолог я знаю, что в психиатрической и неврологической клиниках дремлет огромное количество нозологических форм еще не расшифрованной этиологии.

И по всем признакам это действительно заболевания, которые должны иметь инфекционную причину. Я понимаю, что *Ignorantia non est argumentum* – незнание не есть доказательство, но вместе с тем предположение, собственно, и движет поиском. Если просто идти по дороге науки, размахивая руками, то вы разбросаете на поверхности лежащие явно интересные факты, они будут отброшены. Ничем это не кончится. Нужно, конечно, вооружаться какой-то идеей, каким-то представлением. Еще Анатолий Франс говорил: понятней что – представить все. Вот надо представить себе, как это все. Тем более за последнее время накопилось громадное количество фактов общепризнанных, надо сказать, что мозговые белки, оказывается, имеют тенденцию к свертыванию. И вот это событие приводит, во-первых, к накоплению амилоида в головном мозге, а амилоид, накапливающийся в головном мозге, является грубейшей помехой для функции нейронов. Очень интересная роль здесь принадлежит, по-моему, глии. И сейчас все больше и больше к ней внимания.

За рубежом даже есть журнал «*Glia*». Мне особенно близка эта точка зрения. Достаточно крупными специалистами анализировался давно установленный факт удивительного патогистологического сходства между прионными болезнями и процессом нормального старения. В обоих случаях имеют место быть гибель нейронов и пролиферация клеток глии – глиоз. С точки зрения инфекциониста нам объясняли: тут удивительного ничего нет. Инфекционный агент вызывает гибель нейронов, (чего он только может не вызывать), а свято место пусто не бывает, нейроны гибнут, и в качестве замести-

тельной реакции начинается пролиферация глии. Однако это оказалось не совсем так. Это удобно, просто, поэтому оно и было предложено в начале. А впоследствии оказалось, что в процессе развертывания прионного заболевания гибели нейронов предшествует активная пролиферация глии. Значит, инфекционный прион, оказывается, обладает таким вот стимулирующим влиянием на пролиферацию глиальных клеток. Но, как мы помним, при старении нет инфекционного агента, но мы тоже наблюдаем гибель нейронов. Почему? Я рассуждал попросту. Старение является совершенно уникальным процессом. Абсолютно надежным! Равных ему нет. Есть очень точный процесс, тоже генетический. Однако сколько в нем много ошибок. Все эти «шестипалости», «заячья губа», «волчья пасть». А сколько сейчас мы по телевизору слышим – ребенок родился с таким дефектом, с эдаким дефектом. А все знаменитые сиамские близнецы? То они объединились плечиками, то ручками, то головками, то спинками. Почему это происходит? Ведь очень точный механизм – от ежа никогда слон не родится, а от карпа – рысь. Никогда! А почему в нем столько ошибок? Да потому что он многоступенчатый. А механизм старения должен быть простым. В биологическом смысле, чтобы не впасть в простоватость, – это означает НЕ многоступенчатость. Тогда точный механизм будет работать безукоризненно. Что он и делает.

Раз глия в какой-то степени оказывается вовлеченной и в инфекционный процесс, вызванный инфекционным прионным белком, то я допускал, что и в процессе старения нейрон сам по себе не может погибать от ничего. При старении все тоже должно начинаться с пролиферации глии – глиоза. Если вспомнить, что в отличие от всех клеток нашего организма нейроны связаны с мозговым капилляром не непосредственно, а благодаря посреднику – астроциту, то можно представить себе, что в случае начала размножения глиальных клеток в замкнутом пространстве связь нервной клетки с мозговым капилляром может быть легко нарушена, что и приведет нервную клетку к голодной смерти. Но в чем главная задача? Для начала пролиферации глии в мозговой ткани должен появиться какой-то фактор, который и будет вызывать эту пролиферацию. И мы нашли этот фактор в системе достаточно простых и наглядных экспериментов. Это оказался сравнительно маленький белок с молекулярной массой порядка 10 килодальтон, устойчивый ко многим ферментам и к повышенной температуре. Мы обозначили этот белок как «фактор старения», который начинает регистрироваться в организме человека после 25-летнего возраста. Это объясняется тем, что к данному воз-

расту, как известно, заканчивается программа роста и поэтому, как мы считаем, включается программа старения.

Теперь немного о долгожительстве. Мы же можем друг другу поклясться, что до 300 лет не доживем. Как ни печально, но это факт. Почему? Мы имеем такую условную границу – 100 лет. Все разговоры о том, что, ну как вот, мы будем жить 300 лет, а может, мы вообще будем бессмертны, – это все досужие разговоры, попросту говоря. Если уж совсем попросту – просто глупости. Они основаны просто на элементах желания, которые преобладают над здравым смыслом. Кто-то пытается некие такие наукообразности изобразить, ну а как же Мафусаил? Я говорю, почему вы не верите в мифы Древней Греции? Вы понимаете, что кентавров – человеко-коней не было; что эти все 12 подвигов Геракла – это красиво, но маловероятно. Вы не верите в эти мифы. А почему вы верите в мифы древних иудеев? Допускаете, что там в 90 лет Сара родила и т.д. Это все мифология. Единственный есть источник, единственный, который каким-то образом обрисовывает возможный предел жизни человека. И источник этот хорошо известен во всем мире. Это Библия. В Книге Бытия в 6-й главе стих 3 сказано буквально следующее:

«И сказал Иегова: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть, пусть дни их будут 120 лет».

Это добуквенно я вам процитировал. Вот эти 120 лет очень похожи на дело. Почему? Потому что мы знаем, есть люди, которые живут 100 лет и более. Однако простите, 180 лет – таких сведений у нас нет.

По-видимому, как Библия – есть результат сгустка человеческой мудрости за многие тысячелетия, также и это утверждение есть результат многолетних наблюдений за человеческой жизнью. Хотя жизнь древних была удивительно коротка. Ведь продолжительность жизни древних греков – 22 года. Практически любое ранение было абсолютно смертельным. Это неудивительно. Мне начинают говорить, – а как же Архимед или Гомер? Ну, так, популяция гетерогенна. Таких Гомеров и Архимедов были единицы, а миллионы погибали.

П.В.: Вы меня вдохновили. Значит, я могу более пространно говорить об этой гипотезе с Вами, если Вы ее в принципе принимаете.

Я вспомнил, как я вышел впервые на Стенли Прузинера. Я прочел небольшую заметку на первой странице «International Herald Tribune», это было в 1982 г. Там говорилось, что он изучал болезнь Альцгеймера и обратил внимание на скопление амилоида. И, по его мнению, амилоиды – это и есть прионы.

В этой связи я хотел бы с Вами поделиться одной достаточно известной идеей. Существует целый ряд эпидемиологических репре-

зентативных данных, по которым время рождения больных шизофренией и маниакально-депрессивным психозом приходится на холодные месяцы. Значит, почти достоверно известно, что они рождаются преимущественно в нашем Северном полушарии с ноября по март и, соответственно, в Южном, где все наоборот, – в противоположные месяцы.

В.А.: Я знаком с этой идеей.

П.В.: Это делает Вам честь – у нас многие психиатры об этом не знают. Одна из простейших гипотез связана с тем, что происходит так называемая сезонная активация какого-то агента типа Common Cold и т.д., в общем, связано с эпидемиями гриппа, всего чего угодно.

В.А.: Есть еще лучший пример – герпес.

П.В.: Ну, герпес да, это с рождения.

В.А.: Причем самые разные причины для активации вируса.

У меня была знакомая – очень крупный фтизиатр. Когда она приезжала отдыхать на юг, у нее всегда отдых на юге начинался с герпетической инфекции из-за повышенной солнечной активности. Может начинаться от чего угодно – от простуды и даже от депрессии.

П.В.: Я наблюдал это постоянно в Швейцарии: люди катаются на лыжах – активная инсоляция, у многих моментально появляется герпес.

Есть работы, которые утверждают, что существует связь между маниакально-депрессивным психозом и герпетической инфекцией. Следовательно, эта цикличность, опять-таки мы сейчас и о прионах будем говорить, она заложена где-то, как я понимаю.

В.А.: Да.

П.В.: Вы к этому тоже относитесь с абсолютным, как инфекционист, пониманием. Еще один вопрос в этой связи. Я возвращаюсь вот к чему. Еще совсем недавно считалось, что только 8% генома человека состоит из привнесенных ретровирусов. Теперь говорят что их гораздо больше.

И вообще я с ужасом понимаю, что наш геном – это чуть ли не шлакосборник, что называется.

И вот в этой связи, где-то 5 лет тому назад в «Nature» было два сообщения – две статьи, одна из университета г. Осака – Томагава, по моему, фамилия исследователя, который впервые показал, что не только ретровирусы находятся в геноме, но и РНК-вирус. И в частности, вирус болезни Борна. И в след за этим еще один исследователь из Техаса, его фамилия Фешот, пошел немного дальше. Он даже предположил, что данный вирус в силу целого ряда его особенно-

стей может быть одной из причин возбудителя шизофрении. Значит, попадая в геном человека и находясь там при определенных состояниях, он как бы запускает этот механизм. Мне интересно Ваше отношение к подобному исследованию, аналогичным гипотезам, поскольку я еще раз повторюсь, что я психиатр, а не вирусолог. Мне интересно, насколько пристально стоит следить за такого рода подходами.

В.А.: По-моему, за этим необходимо следить неотступно. Почему? Потому что на это нас подталкивает вся история вирусологии. Ведь сегодня мы с вами знаем, что гнотобиология может получить стерильный организм каких-то животных. Причем в начале это ведь было очень интересно. Знаете как? Специалисты спускались в бассейн с дезинфицирующими средствами, потом вылезали из них, передевались в стерильную одежду. Ну, это целая история была. Сейчас все упрощено, конечно. Дело все в том, что можно получить бактериологически стерильный организм, а вирусологически стерильный – невозможно. Почему? Потому что, как мы говорили выше, в нашем геноме находится генетический материал онковирусов. Однако если находятся онковирусы – почему они дремлют? Причем они могут себя никак не проявить. И так чаще это бывает. Поскольку иначе бы популяция человеческая исчезла, если бы они чаще себя проявляли. Следовательно, они проявляют себя в меньшинстве. А в большинстве остаются спящими от рождения до смерти. Почему нужно сделать исключение только для онкогенных вирусов, а не для, скажем, каких-то нейро-, психо- и т.д.? Вот тот самый случай, когда незнание не есть доказательство, что этого не может быть. Наоборот, это свидетельство о том, что мы не вправе возвышать так онкогенные вирусы, поскольку они являются настолько исключительными, будто только они посетили наш геном в какой-то момент.

П.В.: Я вспоминаю, будучи еще мальчишкой, говорил с академиком Михаилом Акимовичем Морозовым, известным вирусологом, – он был убежден в том, что онкологические заболевания имеют тоже вирусную природу. То, о чем он говорил, очень схоже с направлением, которое потом один из финских исследователей назвал «психовирусологией». Этот термин «psychovirology» я использую с 1980-х годов. Мне очень важно еще донести до нашей психиатрической аудитории, что вопрос онкогенных вирусов давно решен, хотя недавно это казалось фантастикой.

В.А.: Вы знаете, я хочу Вам сказать, что еще в советское время, кстати, один из психиатров, я не могу вспомнить его фамилию, только знаю, что это армянин, был такой молодой армянин...

П.В.: Вартамян?

В.А.: О! Вартамян, да! И у него работал мой одногруппник Григорий Дмитриевич Кобринский. Он был вирусологом, но специализировался по психиатрии. Я-то от всех них «откололся» благодаря моему шефу, академику Тимакову.

П.В.: Я ему экзамен сдавал.

В.А.: Так вот, Г.Д.Кобринский и М.Е.Вартамян занимались как раз поиском вируса, и они нашли там что-то, но М.Е.Вартамян не решился тогда это опубликовать. Это мне рассказывал сам Г.Д.Кобринский.

П.В.: М.Е.Вартамян был моим шефом долгое время.

В.А.: Ах вот оно что!

П.В.: Я еще ребенком помню, как академик А.В.Снежневский приезжал к нам домой встречаться с моим дедом-вирусологом М.А.Морозовым у моего отца-психиатра В.М.Морозова. Тогда они в 1954 г. опубликовали две работы в журнале им. С.С.Корсакова о «вирусоподобных тельцах при шизофрении». Морозовы ссылались на то, что родоначальником данной идеи является Г.Ю.Малис – профессор из Черновиц. У него даже книга вышла «К этиологии шизофрении» (1959 г.). Я также помню, когда в 1972 г. приехали американцы к нам из Национального института психического здоровья, первым делом они схватили эту книгу в библиотеке и понеслись в посольство ее копировать. Интересно, что за 13 лет ее никто не открывал.

В этой связи еще один вопрос. Эпигенетика – она появилась на моей памяти. Новая наука. Для меня она лично, опять-таки как для охваченного этой идеей, привлекательна тем, что сочетает в себе возможности инфекционной гипотезы и генетической. То есть они абсолютно совместимы. И я знаю, что ведь тут очень много эпигенетических вариантов такого развития: прионизация белков, интерференция РНК, метилирование ДНК и пр. Я расскажу в этой связи одну историю и прошу тоже ее как-то прокомментировать. История почти анекдотическая. Есть такой профессор Тимоти Кроу – очень известный психиатр, который работал вместе с известным британским вирусологом, профессором Тейлором. Он взял две группы обезьянок мармазеток, ввел одной из них спинномозговую жидкость больных ядерной шизофренией и стал наблюдать за потомством. Посадил приматологов с компьютером, которые смотрели за поведением двух групп обезьянок – «шизофренической» и контрольной. И меня пригласил, поскольку он знал, что я тоже интересуюсь. Я приехал, он говорит: «Знаешь, мне кажется, вроде бы в третьем поколении мармазетки-шизофреники становятся более вялыми, менее актив-

ными, условно говоря, больны простой формой шизофрении. Но понимаешь, что я не могу это опубликовать, ведь над нами смеяться будут! Вот, во-первых, посмотри, у шизофренической линии мармазеток – раннее заседание. Однако известно у старых авторов, что у шизофреников так бывает. Но это впечатление. Но самая ирония – ну как это объяснить – у этих мармазеток хвосты стали виться?!»

Это был 1984 г. Мы посмеялись. И каково же было мое удивление, когда несколько лет назад появились работы с фотографиями мышей с хвостами, которые растут чуть ли не под прямым углом, – влияние метилирования ДНК.

Я даже написал Т.Кроу об этом.

Значит, самые необыкновенные те проявления, которые психиатров-дилетантов удивляют. Как Вы такие вещи прокомментируете?

В.А.: Я хочу Вам сказать, что это все от нашего незнания. Предсмертные слова Лапласа помните? «Как мы мало знаем по сравнению с тем, чего мы не знаем». Дело все в том, вот Вы мне говорите, а у меня вертится мысль. Есть целый ряд очень сложных областей по части поиска причины недуга. Возьмите кариес, например. Ну уж казалось бы, да? Ничего неизвестно! Понимаете, есть целый ряд таких примеров.

С другой стороны, наоборот, исследователь публикует важнейшее открытие, результаты которого в корне противоречат устоявшимся представлениям. И что? Он сталкивается с полным непониманием. А возьмите открытие прионов.

Обнаруженный белок С.Прузинер назвал «инфекционный прионный белок», а термин «прион» – всего лишь анаграмма английских слов PRoteinaceous INfectious (particles) – белковая инфекционная (частица).

Термин «прион», по мнению С.Прузинера, как нельзя лучше подходит для обозначения инфекционной единицы – наподобие того, как употребляется вирион для обозначения одной вирусной частицы любого происхождения. Такой выбор всем понравился, и все трансмиссивные губкообразные энцефалопатии и человека, и животных после этого получили современное название «прионные болезни человека и животных». И термин «прион», или «инфекционный прионный белок», обозначаемый символом PrPSc (Prion Protein Scrapie), как и некоторые другие термины, с которыми мы сейчас познакомимся, уверенно разместился на страницах научной литературы.

О каких еще терминах идет речь?

Оказалось, что прионный белок, т.е. белок того же аминокислотного состава и той же самой молекулярной массы, что и инфекцион-

ный прионный белок, содержится в организме всех млекопитающих, включая, естественно, и человека. А его наивысшая концентрация обнаруживается в нервных клетках (нейронах). Как удалось выяснить, этот нормальный клеточный прионный белок (потому что вырабатывается в клетках), обозначенный символом PrP^c (Prion Protein Cell), выполняет разнообразные весьма важные для организма функции.

Он участвует в передаче нервных импульсов между окончаниями нервных волокон, в сохранении устойчивости нейронов и клеток глии (клетки глии выполняют защитную функцию по отношению к нейронам) к окислительному стрессу, вовлекается в процессы регуляции клеточного кальция (Ca²⁺) в нейронах, но самое главное – поддерживает так называемые циркадианные ритмы (от латинских слов «*circa*» – около и «*dies*» – день, т.е. околосуточные ритмы активности и покоя в клетках, тканях, органах и в организме в целом).

Как оказалось, в этом нетрудно убедиться: если искусственным образом (а такие способы есть) снизить или вовсе лишить, например, мышку способности вырабатывать в организме клеточный (нормальный) прионный белок, то в этом случае спустя некоторое время у мышки резко сократится период сна, а затем животное и вовсе погибнет от развившейся бессонницы.

В 1986 г. итальянский ученый Е.Лугарези и соавт. обнаружили и описали новую медленную инфекцию у людей: у них в организме вдруг начинал резко снижаться синтез клеточного прионного белка. Болезнь, всегда заканчивающаяся смертью, получила название «смертельная семейная бессонница». Наверное, комментарии здесь излишни...

Вот, оказывается, что такое клеточный прионный белок!

А ведь когда было С.Прузинером опубликовано, никто вообще ничего не понял. И все – вообще, о чем говорить! Мало ли что кому придет в голову – белок! А где нуклеиновые кислоты?

П.В.: Ведь в этом была сенсация.

В.А.: Конечно же, это казалось парадоксом. Потому что это разбило генетическую парадигму вдребезги. А, однако, вот на тебе!

Я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что причиной шизофрении является, может быть, даже и не белок. И почему белок может быть инфекционным, а скажем, какой-нибудь сложный углевод – не может? Ну, это я беру с потолка просто как возможность.

Моя любимая шутка (не шутка, а, в общем, это серьезно), когда на вопрос: «А это может быть?» – я говорю: «В жизни все может быть». И это, по-моему, правильно. Без этого допущения не может быть поиска.

Стенли Прузинер и П.В.Морозов-встреча спустя более четверти века
в Сан-Франциско

П.В.: Я вспоминаю рассказ моего отца, который любил патоанатомию и в студенческие годы считал, что он, может быть, будет патоанатомом. Он однажды вскрывал больного шизофренией вместе со знаменитым профессором Абрикосовым (отец Первый медицин-

ститут оканчивал). Они, в общем, все посмотрели, все внутренние органы – там ничего, никакой патологии. И вот тогда мой отец, тогда еще молодой студент, спрашивает Абрикосова: «От чего же он умер, профессор?» Тот ему очень серьезно отвечает: «Как от чего? От шизофрении». На него это произвело очень большое впечатление – просто иллюстрирую Ваш тезис.

Мы много говорим о С.Прузинере, и я рассказывал, как его нашел и вытащил на эту самую конференцию первый раз. Помню, какая была жесткая дискуссия у К.Гайдушека с ним. Они 40 минут пикировались, когда Прузинер в первый раз доложил о прионах перед психиатрической аудиторией. Это было в Монреале, был первый конгресс Международной ассоциации сравнительной вирусологии и в конце – пресс-конференция. Замечу – это франкоговорящая часть Канады. И когда Прузинер впервые заговорил о прионах, его спросили, знает ли он, что значит слово «прионы» по-французски. Он сказал, что не знает французского. Оказывается, прион – помолимся, от *prîer*, что Прузинера поразило. Я потом обыграл это через несколько лет, когда появилось коровье бешенство. Никто не мог понять, что делать, как спастись от этой напасти. Я написал в одном журнале: «Prions, помолимся, остается только молиться».

С.Прузинер у меня выступал в 1984 г. А он только в 1996 г. после истории с коровьим бешенством Нобелевскую премию получил. Потом с ним встретился на его лекции в Сан-Франциско, мы вспоминали минувшие дни... Я хочу вот о чем спросить, чтобы правильно понять, – про куру. Генез во многом был в том, что они поедали своих умерших родичей?

В.А.: Да, совершенно верно.

И заражались содержащимся в этих субстратах инфекционным прионным белком. Я Вам сейчас расскажу совершенно сумасшедшие новости про куру.

П.В.: Вот это очень интересно. Поскольку коровье бешенство – я понимаю, дело было в итоге в мясе, но из-за того, что добавляли в пищу специальные добавки из костной муки, которые сохраняли этот патоген. Однако в принципе механизм был один и тот же – поедания прионов, грубо говоря. Я правильно понял?

Что Вы хотели про куру рассказать, поразительные новости?

В.А.: Вы все правильно поняли. А про куру вот что: группа ученых исследовала генетические характеристики 3000 аборигенов Новой Гвинеи и выяснила неожиданные закономерности. Вы знаете, что самый большой инкубационный период при куру может достигать 50 лет, но, оказывается, не все эти аборигены одинаковые. Если в 127-й позиции глицин будет заменен на валин, то будешь есть, не будешь есть прионное мясо, куру у них не разовьется. Причем важно, чтобы эта замена была в обоих аллелях, т.е. чтобы была гомология. Однако это еще не самое важное. Оказалось, что и у обычных людей, но только в 129-м положении – заменить глицин тоже на валин (но здесь нужно, чтобы был только в одном аллеле). Тогда личность будет устойчива к заражению прионами. Можете представить такие чудеса?

П.В.: Однако это, в общем, генная инженерия. Она поразительна. В принципе это «оружие–антиоружие» – это всегда так было.

Все невероятно интересно, я за этим слежу с большим вниманием и надеюсь, что Вас немного разговорил на эту тему. Мне это очень важно, поскольку я всегда считал, что наша главная беда, как говорил Пушкин: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Я полагаю, что нам надо обязательно обмениваться какими-то новостями, мнениями, гипотезами.

В.А.: На этот счет я расскажу Вам маленькую историю, начало которой было положено около 40 лет назад. Я начал заниматься латентными вирусными инфекциями и вскоре очень заинтересовался процессом вирусной персистенции. Я быстро понял: чтобы быстрее двигаться вперед, надо чаще общаться в кругу специалистов, потому что это стимулирует появление новых идей. Значит, следует чаще собираться и говорить. Это крайне полезно.

Я взял инициативу на себя и собрал человек пять самых активных специалистов в этой области и предложил обсуждать персистенцию вирусов, потому что я считал, что на ней зиждется очень много непонятного и неизвестного, но очень интересного и важного. В соседнем

ларьке я купил 6 маленьких собачек (за 30 копеек каждую), сделанных из ниток, и под дружный смех всего сообщества раздал каждому со словами: «Чтобы мы при обсуждении не собачились друг с другом». Знаете, чем все закончилось? За 10 лет существования эта затея превратилась в Московский семинар по персистенции инфекционных агентов, на который собирались до 100 участников и труды которого были опубликованы в полностью укомплектованных 4 номерах «Вестника АМН СССР».

П.В.: Это очень важное дело – то, что называется «мозговой штурм».

В.А.: Да, Вы знаете, это было очень здорово, очень интересно. И тогда я стал интересоваться эффективностью обсуждения. Оказалось, что наиболее эффективно, если вы делите пополам аудиторию и одни будут говорить против, а вторая половина – за.

П.В.: Виктор Абрамович, мне очень хотелось бы немного рассказать нашим читателям о Вас лично. То, что Вы личность незаурядная, я это понял из Ваших книг, интервью, видеозаписей, фильмов и т.д. Однако мне еще хотелось, чтобы наши читатели знали, чем Вы интересуетесь помимо Вашей основной страсти – науки, вирусологии, эпидемиологии. А что еще составляет круг Ваших интересов, круг Вашего общения? Вы уже немного рассказали о себе, но, я думаю, это будет очень интересно нашей аудитории, особенно молодой. Я понимаю, что Вы человек скромный. Что Вы любите в этой жизни?

В.А.: Я жизнь люблю.

П.В.: Это я чувствую.

В.А.: До 85 лет я очень любил женщин.

П.В.: Об этом тоже можно догадаться. (Смеется)

В.А.: Когда меня начинают спрашивать, если я выступаю где-то в широкой аудитории по старению и болезням и т.д.: «А как, вам неужели 87-й год?» – приходится соглашаться.

П.В.: Виктор Абрамович, огромное спасибо Вам за Ваше время, уделенное «Дневнику психиатра», и за очень интересный рассказ. Надеюсь, что психиатры и вирусологи будут чаще встречаться.

ПОДВИЖНИКИ НАУКИ

И.П.ПАВЛОВ. САМОУБИЙСТВА – ВЕЛИКАЯ ПЕЧАЛЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Дневник психиатра. №04 2012

И.П. Павлов

Предлагаемый вниманию читателей материал – из хранящегося в архиве и личного фонда великого русского ученого И.П.Павлова. Лекция «О самоубийствах» была прочитана И.П.Павловым студентам Военно-медицинской академии 11 сентября 1913 г. и застенографирована по поручению одного из его учеников. В ней дано блестящее описание причин явления самоубийства, которое И.П.Павлов назвал «великой печалью русской жизни», а также впервые говорится об «инстинкте достижения цели», который впоследствии был переименован ученым в «рефлекс цели». Материал позаимствован из «Медицинской газеты» и подготовлен для печати д-ром мед. наук Н.Григорян.

П.В.Морозов

Первую лекцию я посвящаю обыкновенно предмету, далекому от моей специальности, по обычаю, принятому на Западе и вполне оправданному.

Сейчас я остановлю ваше внимание на общественном явлении, явлении, пожалуй, всей человеческой жизни, и в особенности русской, о котором нельзя не думать, о котором, естественно, подбираешь материал. Я говорю о самоубийствах. Явление это – великая печаль русской жизни. Вообще, замечается увеличение самоубийств и в Европе, но далеко не в той степени, как у нас. Я и поделюсь с вами теми мыслями, которые возникали у меня по этому вопросу. Как понять это странное явление – самоубийство? Инстинкт всего живого тянет жить, насколько возможно, а здесь мы видим как раз обратное. Для того чтобы понять это странное явление, прямая мысль обратиться к аналогичным случаям, объяснение которых более или менее установлено. Не встречались ли мы с этим явлением раньше или в истории, или в человеческом знании? Когда я с этой точки зрения посмотрю на дело, то мне приходят в голову два исконных случая. Это, во-первых, случай болезни нервной системы. Вы, быть может, слы-

шали, а психиатры это хорошо знают, что в домах умалишенных одна из забот – следить за тем, чтобы пациенты не прекратили свое существование. Это понятно. Самоубийство в таком случае есть одно из проявлений нервного расстройства. Значит, вот одна из не подлежащих сомнению причин самоубийств – болезнь нервной системы. Есть другая причина, которую мне в этом году пришлось хорошо исследовать благодаря встрече со специалистом. Я как-то давно уже читал, что в Китае можно нанять за себя человека на смертную казнь. Мне это представлялось сказочным. В нынешнем году я встретился со специалистом по Китаю. Оказалось, что такие факты существуют и до сих пор, можно десятками нанимать охотников на смертную казнь. Вот странное явление. Существует, значит, понижение интереса жизни как общенациональное явление. Страшная дешевка жизни! Человек сам истребляет себя!.. Я и уцепился за эти две причины и с ними в руках переходил к анализу таких печальных явлений, как самоубийства. Раз эти явления существуют постоянно, то, очевидно, есть постоянные причины. Я вернусь к первой причине: нервное расстройство, болезненное состояние. Общеизвестная мысль, которая встречается и в литературе, что наш век есть нервный век, что в нашей жизни нервность проявляется в большей степени, чем было прежде. Какие же основания для такой болезни нервной системы? Конечно, в этом отношении причиной является изменение норм жизни, усложнение их. В нашей русской жизни эти причины есть. Мы на протяжении новейшего времени испытали два больших изменения – отмену крепостного права и нашу революцию. Конечно, они должны были сказаться на нервной системе русских. Тем более что в то время, как в Западной Европе уже выработаны известные сопротивления против всяких изменений, у нас этого нет. У нас чрезвычайная разница с Европой по отсутствию правил, облегчающих жизнь, чтобы человек получил меньше толчков, потрясений. Я приведу пример. При культурной жизни можно иметь какие угодно мнения, убеждения, и это не является каким-нибудь источником злобных чувств. Люди всяких мыслей встречаются приятелями. А у нас человек других с нами убеждений – это наш враг. Это, конечно, ведет к тому, что лишний раз треплется у человека нервная система. И так в массе случаев. Все это ведет к тому, что наша жизнь очень тяжела. Поводов у нас в этом отношении было достаточно. Ясно, что наша революция многое изменила, взволновала людей, а приемов, чтобы это волнение могло улечься, не дала. И нервная система русского человека так и осталась во власти этих кризисов, ударов. Вот это дает хорошую почву для увеличения числа самоубийств,

потому что относительно этих господ, кончающих с собой, вы знаете, что они отличаются нервностью. Итак, вот причины: пережитые нами кризисы и отсутствие у нас регулирующих жизнь ежеминутных правил. Можно ли ждать, что это войдет в норму? Конечно, это большой процесс. Как скоро мы переживем кризисы, как скоро выработаем правила – сказать трудно. Но в этом отношении можно воспользоваться примером западноевропейской жизни, примером, который до некоторой степени в наших руках. Нельзя не заметить, что в культурной жизни Запада среди элементов жизни является совершенно серьезным элементом физический труд, спорт всех сортов. Там необходимость физического труда рассматривается наравне с питанием, хорошим воздухом. У нас, если и занимаются спортом, то это только прихоть или мода. Правда, в последнее время эта мода дает себя знать, но я боюсь, что это именно мода. А между тем это есть самая верная мера, бьющая прямо в цель. Мы говорим о расшатанности нервной системы, а нет никакого сомнения, что регулярная физическая работа есть вернейшее средство, чтобы расшатанную нервную систему опять вставить в рамки. Скажу несколько соображений. Истина, с которой едва ли можно спорить, в том, что мы с вами наследники огромной физиологической жизни. Нам предшествовала долгая история. Наши предки жили в других условиях. Их нервная деятельность выражалась в совершенно определенных деловых отношениях с внешней природой, с другими животными и всегда выражалась в работе мускульной системы. Им приходилось или бежать от врага, или бороться с ним и т.д. Следовательно, вам должно быть понятно, что в том маленьком слое животной жизни, который изображаем мы с вами в виде человечества, природным фундаментом должна быть мышечная система. И наша нервная деятельность без мышечной – это новость в зоологическом мире. Вы ведь знаете, что в низших классах, если только работа их не становится чрезмерной, нервных болезней почти нет. Это болезни высших классов. И имеется масса наблюдений, которые показывают, до какой степени возврат к мускульной, основной деятельности организма, ведет к урегулированию нервной деятельности. В этом отношении я всегда был приверженцем, любителем физической работы. И я на собственном примере знаю, до какой степени она хорошо действует. Я помню разные тяжелые жизненные положения и могу сказать с полной убежденностью, до какой степени меня выручила физическая работа там, когда я умственно и нервно совершенно терялся. И я думаю, что один из приемов, чтобы выйти из тяжелого нервного состояния – это утверждение в жизнь физической работы.

К сожалению, в русской жизни совершенно не осознано, что судьба жизни страшно зависит от маленьких житейских правил. Вторая причина – это потеря интереса к жизни. Что это действительно приложено к нашей жизни, видно из массы ежедневных газетных заметок о самоубийствах. Сплошь и рядом в них встречается фраза: «Разочаровался в жизни». Я не буду входить подробно в то, как происходит это обесценивание жизни. Можно представить массу случаев, как это наблюдается и в относительно здоровом организме. Отчего же происходит такое разочарование? Здесь играет, быть может, роль некоторая повышенная требовательность к жизни. Это в нашей русской жизни есть после революции. Человек как бы так рассуждает: «А, ты (жизнь) мне не даешь всего, так я уйду». Я для объяснения обращаюсь к корню явления. В этом случае опять поворачиваю к физиологии. Мне много приходилось думать, и я пришел к такой формулировке жизненных явлений. Я убежден, что в человеческом организме помимо известных инстинктов, например к жизни и т.д., существует еще стремление, плохо сформулированное, мало отмеченное, но в высшей степени важное. Это стремление, этот инстинкт я называю «инстинктом достижения цели». Животное, как и человека, что-то толкает достигать раз поставленную цель. Это такая же потребность, как потребность в еде, половых отношениях и т.д. Возьмите ничтожного муравья и против этого муравья поставьте кучу муравейника, которую он сделал. Что-то толкало его потратить грандиозную массу труда. Возьмите птицу, которая летит к югу через половину земного шара. Припомните гнезда птиц, страшно сложные. Для того чтобы все это сделать, надо, чтобы был инстинкт. Вот эти факты и приводят меня к убеждению, что в человеческом и животном организме имеется инстинкт достижения цели. Если вы обратитесь к русской жизни, то убедитесь, что можно видеть массу проявлений этого инстинкта. Вы заметьте, что каждый раз, когда у человека нет никакого дела, он испытывает состояние скуки, не интереса к жизни. И наоборот, как интересна жизнь, когда перед человеком имеется какая-нибудь цель. Если вы переберете жизнь, то вы увидите, до какой степени на каждом шагу дает себя знать этот инстинкт, как в маленьких вещах, так и в больших. Гениальный человек гоняется за истиной, которая ему долго не дается. Вы посмотрите, как он возбужден, когда идет к истине и как сразу падает интерес, когда эта цель достигнута. До какой степени длинен этот период возбуждения, когда он стремится к цели, и как падает интерес, когда он достигает цели. Пока цель не достигнута, человек готов умереть за нее, а затем делается к ней холодным. Это крупный пример. Возь-

мите теперь такие мелкие явления жизни, как коллекционерство. Вы знаете, что люди коллекционируют все что угодно: марки, перья. И если вы переберете факты своей жизни – вы поразитесь, как часто собирание таких пустяков связано с такими большими надеждами и радостями, печалью. Я знаю, как солидные люди из-за какой-нибудь марки забывали даже интерес семьи. Это есть иллюстрация инстинкта достижения цели. Возьмите опять коллекционерство. У вас есть бесконечная цель – собрать марки. Ни один миллионер не в состоянии собрать всех марок, цель всегда недостижима. А рядом с этим каждая марочка есть приближение к цели и доставляет удовольствие. И вот с этим коллекционированием я и вижу стремление к достижению цели. Возьмите свою работу. Вам всегда нужны этапы. Когда вы что-либо пишете, читаете, вы всегда дробите работу на части, чтобы скоро достигнуть цели, хотя и маленькой. Это обычное стремление – разделить работу на кусочки, чтобы достичь цели по частям. Итак, я прихожу к убеждению, что в человеческой натуре существует инстинкт достижения цели, и сознание этого инстинкта, правильная практика его есть одна из задач человеческой жизни и условий человеческого счастья. Вот в этом отношении мы, русские, поставлены сейчас плоховато. Ясно, что нации различаются по степени этого инстинкта. И мы, вероятно, не в первых рядах тех наций, у которых этот инстинкт хорошо развит. Возьмите англосаксонскую нацию или еврейскую. В них этот инстинкт невероятно бьет в глаза. Несколько лет тому назад я был поражен одной мыслью, которую случайно встретил в газете. Это была фраза какого-то агитатора христианских студенческих обществ, фраза, которую он сказал в Юрьевском университете. Он задал вопрос: «Какое условие успеха при достижении цели?» И дал такой ответ, который никогда мне в голову не пришел бы и, я уверен, не пришел бы в голову русского человека вообще. Он сказал: «Это существование препятствий». Мы ведь всегда говорим наоборот. Очевидно, понять этот ответ можно так. Если нет препятствий, то человек недостаточно раздражается, не получает толчков для работы. А это и есть доказательство инстинкта. Чем больше препятствий, тем больше действует инстинкт. Мы в этом отношении печально отличаемся от других наций, и на эту черту надо обратить серьезное внимание. Мы все откладываем на завтра. Нет сомнения, что у нас этот инстинкт очень слаб. А между тем ясно, что этим инстинктом определяется вся сила, вся краса жизни. Если вы достигаете целей, то жизнь приобретает для вас огромный интерес. И если человек стоит на практике «этого инстинкта», у него не может быть разочарования, он переходит от цели к цели. Мне пред-

ставляется, что если русский человек в целой массе осознает огромное значение этого инстинкта – он будет практиковать ценность жизни. Понятно, что этот инстинкт в силу различных исторических условий у нас не мог развиваться. Но теперь наша жизнь начинает образовываться. Крепостное право, слава Богу, уничтожено. Непременное опекание бюрократии тоже отходит в область предания. В этом отношении поразительную практику установили англичане. С одной стороны, там много норм жизни, которых никто не может преступить. А рядом с этим идет тут же строгая практика инстинкта достижения цели. Несколько лет тому назад мне пришлось познакомиться с устройством английской школы, с гимназическими порядками. Директор, показывая мне гимназию, говорил, что он автократ, самодержец. Что же оказалось? Есть, действительно, известные нормы, на которых он стоит до последней степени твердо. А рядом с этим у мальчиков есть такие права, которых он не может отменить... Удивительное сочетание, с одной стороны, принцип власти, порядка, а с другой – самостоятельность ученого. Маленький мальчик ставит себе задачу и должен ее достигнуть, и никто ему не может препятствовать. И это в официальном учреждении. Так вот, я нахожу, что если обратиться к корню вещей, то явления самоубийства представляются в виде падения инстинкта достижения цели. А это падение основано частью на исторических условиях, а частью на отсутствии мысли о том, что есть такой инстинкт, который надо сознавать и беречь, и тогда он страшно украсит жизнь как личную, так и коллективную. Я думаю, что если человек вечно будет с целью, которую надо достигать, то он не разочаруется в жизни. Если же человек живет бесцельно, вот у него минута, час, и он не знает, что ему делать, вот у него день, месяц, – а иные и всю жизнь свою не знают, за что взяты, – то, конечно, можно разочароваться. Жизнь может надоесть. Наоборот, если каждую минуту человек будет с задачей, целью, делом, то не только дни и месяцы, а и вся жизнь окажется малой для достижения тех целей, которые будет человек себе ставить. Тогда можно будет видеть людей, которые до конца дней своих горят своими целями. Сколько есть людей – политиков, практиков, людей науки, которые помирают в преклонных годах и перед смертью вспоминают о своих неоконченных целях.

СПбФ архив РАН. Ф.259. Оп.1. Д.79. Л.Л.1-12.

Публикуется с сокращениями

ПСИХИАТРИЮ НЕЛЬЗЯ ВЫДУМАТЬ ИЗ ГОЛОВЫ И ИЗ УЧЕБНИКОВ

ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ А.Б. СМУЛЕВИЧЕМ К 100-ЛЕТИЮ А.В.СНЕЖНЕВСКОГО

А.Б.Смулевич: Перед началом интервью я хотел бы отметить две вещи: во-первых, я бы не хотел говорить о А.В.Снежневском в бытовом плане, потому что я считаю, что о великих людях бытовые подробности не имеют большого значения; второй аспект – я бы не хотел говорить о его отношении ко мне. Объясню: во-первых, потому что на самом деле я этого не знаю до сих пор, единственное, о чем я могу догадаться, это то, что он меня терпел и я ему был полезен, поскольку 20 лет мы проработали вместе каждый день и, очевидно, какая-то нужда во мне была. Вот это такие предварительные соображения.

П.В.Морозов: Я с Вами согласен, я недавно на лекции цитировал Пушкина, который писал Вяземскому по поводу публикаций дневников Байрона; он говорил, что этого совершенно не надо было делать, бытовые подробности интересуют только обывателей. Анатолий Боле-славович, мне интересно, когда Вы впервые увидели Андрея Владимировича Снежневского и какие были Ваши первые впечатления?

А.С.: Это было так. Когда я окончил институт (это было в 1955 г.), я очень хотел к нему попасть, я был ориентирован в психиатрических делах, моя мать была психиатром, но не получилось сразу по целому ряду обстоятельств, и я уехал в больницу имени Яковенко под Москвой. Там я проработал 2 или 2,5 года, и когда у меня возникла возможность опять попробовать попасть к Снежневскому, я уже не помню, кто договаривался, я приехал на территорию больницы имени Ганнушкина.

Я помню, что мы с ним разговаривали во дворе, я ему сказал, что я хочу заниматься наукой, а он сказал мне, что не мешало бы подучиться прежде, и дал мне свой домашний телефон – «можете мне позвонить», это был такой жест доброй воли, и надо признаться, что я решил позвонить ему домой только через 20 лет.

П.М.: Впечатления у Вас были положительные?

А.С.: Безусловно, они не могли быть неположительными, потому что я к нему стремился попасть, это была одна единственная страсть. Я еще добавлю к этому: мое стремление к нему попасть поддерживали не только психиатры, которые, ну, скажем, были нейтральны, но даже

А.Б. Смулевич и А.В. Снежневский

те, кто находились к нему в оппозиции по целому ряду вопросов, они мне тоже советовали идти учиться к нему.

П.М.: То есть «побей, но выучи», так сказать. Это не обывательская деталь, но все говорят, что Андрей Владимирович в юности стремился быть артистом и даже занимался в театральном кружке, у него была к этому склонность, но это ведь не проявлялось очень отчетливо, что он играл?

А.С.: Петр Викторович, для понимающего человека это проявлялось очень отчетливо, во-первых, вот вам пример, как он читал лекции: у неопытного человека или курсанта создавалось впечатление, что все это он только что придумал, во всяком случае, что это только что у него в голове появилось. Это была замечательная история, меня впечатлило, потом я понял эту игру. Вот он читает симптоматические психозы при брюшном тифе, еще при чем-то, потом говорит курсантам: пожалуйста, спрашивайте меня про любую болезнь, и я расскажу психические проявления. Но для этого нужно было знать экзогенные типы реакций, чтобы понять, что там все одно и то же, никто же не знал, а это так впечатляло; потом он брался рукой за голову... Это одно, но тут много чего другого можно добавить в смысле театральном. Он очень любил театр, он разбирался в этом. Я помню, когда Американский драматический театр приехал впервые в Россию и мы

ему достали билет, он был совершенно счастлив и был в восторге. Так что это у него все было.

П.М.: Я помню, как в 1955 г., где-то в декабре месяце, приезжал английский театр и привозил «Гамлета» с Полом Скофилдом в главной роли. И он тоже ходил туда, как и к Высоцкому на Таганку. Но вернемся к основной профессии. Вы с ним провели ведь огромное количество времени, лет...

А.С.: Ну, считайте одну четверть своей жизни, если не больше.

П.М.: На амбулаторном приеме ведь это практически наедине, он приходил, насколько я помню, раньше 8 часов утра, и вы садились и смотрели многих, многих больных. Ну ведь это должно, во-первых, очень сильно сближать, и вы научились понимать, так сказать, друг друга, ведь так?

А.С.: Ну в общем да.

П.М.: ...И многому научились.

А.С.: Я-то работал, так сказать, магнитофоном.

П.М. (смеется): Получился качественный магнитофон, судя по всему, Вы все-таки академик. Но я вот хочу спросить: что наиболее запомнилось в его отношениях с больными, как он их разбирал, что на Вас производило наибольшее впечатление, может быть, какие-то вещи очень запомнились, все-таки что его отличало?

А.С.: Ну, во-первых, он не разбирал со мной больных на амбулаторном приеме, потому что за утро, за час с лишним он принимал около 20 больных. Во всяком случае за утро могло проскочить около 20 больных, были повторные или те, которых он уже где-то видел. Было много больных, и о разборе речи не было.

Это была работа, а не учебный процесс, но у него было удивительное свойство, у Андрея Владимировича: во-первых, он принимал больных без разбора, другое дело, что появлялись больные откуда-то с верхов и так далее, ну в принципе к нему мог подойти любой, и он лечил абсолютно безвозмездно, как я это видел. Больше того, ведь у нас же были лекарства для испытания, он всем давал, причем это могли быть диссиденты разные, которые лишились работы, он даже мог похлопотать за них по этому поводу, были люди, которые приезжали к нему и у которых когда-то он проводил экспертизу в институте Сербского. Вот я помню этого больного, у которого он установил (что потом подтвердилось) диагноз «шизофрения и галлюциноз», его экскульпировали, и тот к нему приезжал после этого много раз. Так что у него были больные, которые ходили к нему много раз, и я так понимаю, что это было абсолютно безвозмездно, бескорыстно, и он целиком этому отдавался, он делал для них все что мог. Еще насчет амбулаторного приема: о н,

конечно (теперь я понимаю с высоты лет, что это не чудо, но все-таки): он угадывал просто от дверной ручки состояние больного. Был такой эпизод, что пришел больной и у него была выписка на руках, но он попросил не читать ее, потому что ему было проще поговорить с больным.

П.М.: То есть такой высочайший клинический уровень. Ну вот, все-таки 20 лет бок о бок, как бы там ни было. Вы можете, если это возможно, конечно, сказать, что это был за человек, скажем так, по характеру, по пристрастиям, по особенностям каким-то личности?

А.С.: Это вопрос, на который я бы не взялся отвечать.

П.М.: Даже сейчас?

А.С.: Я об этом много думал: это был очень сложный человек, если говорить словами Кречмера – есть глубина, а есть поверхность, насчет глубины угадать это было очень сложно, и вообще с ним разговаривать было всегда сложно, потому что не поймешь, насколько он...

П.М.: ...искренен?

А.С.: Даже не в этом дело, ему было важно, насколько ты адекватно говоришь или неадекватно. Но иногда с ним в промежутки между больными и по дороге можно было обсуждать абсолютно сложные психопатологические вопросы. Вы знаете, есть немного психиатров, с которыми можно обсуждать психопатологию, вот с ним это было совершенное удовольствие.

П.М.: Анатолий Болеславович, вопрос, который меня лично волнует, потому что я работал какое-то время с Вами и видел, как он обсуждал вопросы почти экспертного характера. Скажем, я помню, как он говорил о так называемой двойной бухгалтерии, что, дескать, мы понимаем, что это больной шизофренией, но вот даже ради его реабилитации ему нельзя ставить МДП или ремиссию, или интермиссию, чтобы он мог поехать в какую-нибудь Венгрию на 2 недели. Меня это покорило тогда. Все-таки что в нем преобладало: жесткость непреодолимая по отношению к больным или, как Вы сказали, он был гуманен, старался реабилитировать пациентов и диссидентов среди них?

А.С.: С больными он был абсолютно гуманен, причем более того, если он замечал, что другой врач был не гуманен, это был бы крупный скандал и тот мог лишиться места.

П.М.: Даже так?

А.С.: Безусловно, так что какое-то небрежное отношение к больным у него вызывало резко негативную реакцию. Что касается двойной бухгалтерии, то могу сказать так, что Снежневский был истина в последней инстанции. Ведь тогда, чтобы поехать за границу, надо было иметь хорошие связи и с психиатрами, и так далее и тому под обное.

В те годы, когда мы работали под началом Андрея Владимировича.

Например, какой-нибудь дипкурьер напился и у него возник психоз, и его куда больше не пускают, он пробивается к Снежневскому, тот ему подписывает, и все нормально.

П.М.: Это преобладало, да?

А.С.: Это он делал, причем он брал ответственность на себя, он этого не боялся.

П.М.: То есть все-таки это доминировало?

А.С.: Да почти ничего такого не боялся, что связано с больными, я имею в виду.

П.М.: То есть для него это было все-таки самое такое главное...

А.С.: Нет, самым главным для него была наука и, проще говоря, шизофрения.

П.М.: Сейчас мы до этого дойдем.

А.С.: Но отношение с больными для него было очень важно.

П.М.: Такой вопрос, я это от Виктора Михайловича слышал: на беседе с Ильиным, который стрелял якобы в космонавтов, на самом деле в Брежнева, удивило, что он очень жестко говорил с ним, это была тоже такая поза для авторитета, для властей?

А.С.: Я понимаю, я был вне этих дел, ну вот одно могу сказать точно: он любил больных, но не любил параноиков.

П.М.: Параноиков не любил? Ага, вот это интересно.

А.С.: Среди его больных, которые к нему ходили, параноиков практически не было. Я для себя это отметил.

П.М.: Ну вот это мне тоже снимает некоторые вопросы прошлых лет. Может быть (частный, конечно, вопрос), я вот о чем хотел Вас спросить: Вы последователь учения Андрея Владимировича Снежневского, и вот сейчас почти 25 лет прошло, даже больше, чтобы оценить его значение, роль его в мировой психиатрии, что Вы бы главное выделили?

А.С.: Это выглядит таким образом, что, во-первых, он был ученый своего времени, своей эпохи, поэтому оценивать сейчас вот, что он тогда сделал, – это не совсем правильно, тогда это было совершенно передовое направление. Он изучал закономерности течения шизофрении, а поскольку он шизофрению понимал очень широко, то фактически это были закономерности течения почти всех эндогенных заболеваний. Это было совершенно оригинальное и серьезное направление, причем он задействовал эпидемиологию. Сейчас все немножко повернулось по-другому, вялотекущую шизофрению превратили в шизотипическое расстройство и т.д. Я думаю, это не конец его учения, потому что через некоторое время все вернется в свою колею, но это не будет простым повторением, а получит некое новое направление.

П.М.: Нельзя топтаться на одном месте, я понимаю.

А.С.: По этому поводу я должен сказать: есть такая Карен Хорни, если Вы слышали.

П.М.: Да.

А.С.: Она отошла от Фрейда и после этого уехала из Австрии в Чикаго. Она пишет в своей книге, что настоящий ученик и последователь не тот, который повторяет своего учителя, а который на этой основе идет дальше. Поэтому я думаю, что его учение будет, но оно будет выглядеть по-другому, но сам метод – он же остался.

П.М.: Я здесь разделяю с Вами мнение. Хорошо, тогда чуть-чуть вернемся назад. Вопрос: я знаю, что он очень был близок с другими психиатрами – С.В.Курашовым, О.В.Кербиковым...

А.С.: ...С.Г.Жислиным.

П.М.: С Курашовым они жили в одном доме, они решали практически все проблемы медицины, когда Курашов был министром.

А.С.: Медицины не знаю, но психиатрии...

П.М.: Психиатрии, да.

А.С.: В психиатрии очень многие, по-моему.

П.М.: Вот я тогда еще хочу Вас спросить: Вы действительно с ним четверть жизни проработали, можно ли говорить о какой-то эволюции научных взглядов Андрея Владимировича, предположим, в науке, может быть, даже в политике, потому что я знаю, что в конце

своей жизни он сожалел о том, что произошло на этой Павловской сессии и так далее... Насколько это было искренне?

А.С.: Насчет этого я Вам должен сказать – у нас с ним отношения были таковы, что мы не могли с ним обсуждать Павловскую сессию.

П.М.: Ну, скажем, научные отношения, политику тогда оставляем.

А.С.: Один раз мы с ним разговаривали о Гуревиче и о Шмарьяне, и то, что он себя в чем-то винил, я не почувствовал, ну а то, что он о них говорил с пониманием, это было.

П.М.: Я понял, ну вот некоторые такие его внешние проявления иногда удивляли. Скажем, известно его знаменитое появление в Академии медицинских наук после проведения экспертизы Ильина, когда он пришел на президиум со значком на лацкане «50 лет особым отделам КГБ», и, конечно, народ был крайне удивлен по меньшей мере... Это для него было характерно?

А.С. (удивленно): Абсолютно нет, я его вообще никогда ни разу не видел с орденами.

П.М.: Просто случайность?

А.С.: Я думаю, что это он просто забыл снять его (смеется).

П.М.: То есть это не был его жест такой, чтобы шокировать общественность?

А.С.: Нет.
П.М.: Ну ладно, мне просто любопытно Ваше мнение на эту тему.

А.С.: Он вообще не стремился к таким эффектам... Вот прочесть лекцию, вот там – да, или он мог сказать про одну психиатрессу, чтобы ее имя в его кабинете больше не произносить, это – да, он вообще своей одеждой не очень интересовался.

П.М.: Это да, я помню.

А.С.: Этого вообще не было при всей его артистичности, он этим не занимался.

П.М.: Анатолий Болеславович, как Вы считаете (Вы с ним очень тесно общались, разговаривали все-таки на многие темы), считаете ли Вы, что он был, скажем так, образованным человеком в широком понимании этого слова?

А.С.: Безусловно.

П.М.: Знал языки?

А.С.: Языки он знал пассивно, это было свойство его души, у него был психастенический радикал, если кто-то думает, что его не было, тот глубоко заблуждается, и поэтому начать говорить ему было трудно, но он немецкий знал, он мог посмотреть книжки на французском языке, он хорошо знал литературу.

П.М.: А что больше всего любил?

А.В.Снежневский и Н.Сарториус

А.С.: Чехова, Хемингуэя, портрет Хемингуэя у него висел.

П.М.: Да, я помню.

А.С.: Он знал литературу, причем не для фишки, а для себя, для души, это все у него было.

П.М.: Вы не помните, были ли у него какие-нибудь пристрастия к живописи или музыке?

А.С.: Ну, насчет музыки от него я точно никогда не слышал; что касается живописи, я, когда у него бывал, у него было несколько хороших картин, но не более того. Он с увлечением мне рассказывал, что там изображено и какие характеры там, это он понимал, но насчет музыки ничего сказать не могу, ни разу не слышал.

П.М.: Хорошо, такой вопрос сложный потому, что Вы очень хорошо дали штрихи его характера. А вот политика, ведь он был человек своего времени, он каких политических взглядов внутри придерживался, кроме вот этой официальной доктрины, которую все хорошо знают?

А.С.: Понимаете, в этом вся сложность натуры, опять же, я с ним в подробностях это никогда не обсуждал, мы не находились с ним в таких отношениях, чтобы он со мной хотел это обсуждать, может быть, это было из-за разницы в возрасте. В общем, он меня держал на приличной дистанции всегда, но вот это всех устраивало на самом деле. Как я понимаю, он же был главным консультантом в 4-м Кремлевском управлении, он был вовлечен в такие дела, хотя то, что ему приписывали, что он здоровых признавал больными, – этого не было, это чистая клевета, но не в этом дело, он вполне высказывал левые взгляды.

П.М.: Оппозиционные?

А.С.: Я бы не сказал «оппозиционные», но как бы это сказать...

П.М.: Сталина он не любил – это правда?

А.С.: Сталина он не любил, он этого не скрывал.

П.М.: Он читал диссидентскую литературу?

А.С.: Читал – да, но не увлекался, и этим все ограничивалось.

П.М.: Известные лимиты такие, интересно.

А.С.: Я бы сказал так, что это не составляло содержание его жизни, весь этот политический невроз, у него была другая сверхценность, другая доминанта, и все свои связи он направлял именно на это, чтобы получить ставки, чтобы получить нужного сотрудника.

П.М.: Вопрос может быть связан непосредственно с политикой, в те достаточно суровые годы в плане национальной политики нашей родной коммунистической партии у него два заместителя были армянами, а все руководители отделов были либо евреями, либо греками, либо немцами или еще кем-то?

А.С.: Ну, не все.

П.М.: Ну, почти все.

А.С.: Шахматова, Елгазина, Жариков, Поляков, Монахов...

П.М.: То есть он не придавал этому значения?

А.С.: Нет, он придавал значение, как я это понимаю, естественно, он со мной это не обсуждал, но то, что придавал, это точно. Но ему нужна была наука, и если кто-то мог ее делать, он того брал.

П.М.: Ему нужны были умные люди, которые дают научную продукцию.

А.С.: Да, именно это доминировало.

П.М.: То есть он дитя все-таки такой партийной структуры, системы, при том что имел свободу к определенной маневренности и добивался этого?

А.С.: Да, действительно, он имел эту маневренность, уж мне грех в этом отношении жаловаться, конечно.

П.М.: Анатолий Болеславович, вот красной нитью сквозь весь Ваш рассказ о Снежневском проходит основная мысль, на которую нельзя не обратить внимание, что у него была одна любовь – это наука, которой он подчинял все, это была действительно для него и сверхценность в хорошем смысле этого слова, и всю свою деятельность он положил на это.

А.С.: Безусловно.

П.М.: И вот это достаточно редкое качество такого настоящего руководителя, и можно ли ему там за это, скажем, какие-то, может, не совсем правильные поступки простить и забыть?

А.С.: А я к этому так и отношусь, надо Вам сказать. Как бы это проще сказать: ему в вину ставят вот эту всю сессию...

П.М.: Павловскую.

А.С.: Но объективно он обеспечил прогресс науки.

П.М.: Этим самым...

А.С.: Ну так и есть, все-таки это не просто, что он тех скидывал и сел на их место, не в этом дело, а он обеспечил себе свое направление, которое доминировало следующие 50 лет.

П.М.: Но это ведь не Лысенко?

А.С.: Нет, Лысенко всех уничтожил.

П.М.: Ну вот я об этом, чтобы было ясно всем.

А.С.: Но это было, и этого не выкинуть, конечно, он вообще обладал большим административным ресурсом. Когда мы переехали на территорию больницы им. Кащенко (ныне им. Алексеева), когда он стал директором этого академического института, ведь он же сменил почти весь состав.

П.М.: Института?

А.С.: Да, весь состав он сменил, это не шуточки, ну как на это посмотреть, целый ряд завотделами ушли, одних он, кого мог, повысил, одного он отправил в Питер, другого на кафедру, кого не мог – выгнал, кто был помоложе, он тех отправил на цикл обучаться заново, при этом у него была армия как у Ивана Грозного...

П.М. (улыбаясь): ...«опричников»?

А.С.: Да, вроде меня мальчиков, которые свято верили во все, что он делал.

П.М.: Вот это очень важный момент. Я хочу спросить об атмосфере, он был не просто диктатор, который там только подавлял и заставлял, он был таким вождем, который вел за собой людей, которые в это свято верили?

А.С.: У него была куча, можете называть их «вялыми фанатиками» вроде меня.

П.М. (смеется): Ну, Вы не похожи на вялого фанатика...

А.С.: Тем не менее для меня, на определенном отрезке жизни...

П.М.: ...кумир?

А.С.: И кумир, мозги мои работали только в этом направлении, и не я один был такой.

П.М.: Скажите, еще такой один вопрос, считайте личный: возвращаясь в эту эпоху, в которой Вы проработали вместе с ним, Вы не жалеете ни о чем, Вам это приятно вспомнить?

А.С.: Нет, я ни о чем не жалею, у меня был какой-то момент жизни, когда я работал в Яковенко, там материально хорошо у меня склады-

валось все, и вот в этот момент надо было решать – уходить ли на мизерную ставку старшего лаборанта. Вот тогда я решился, и я доволен, что я это сделал, потому что это был шаг в совершенно правильном направлении, я ни о чем не жалею, это естественно, но это была тяжелая жизнь, это я Вам должен сказать точно.

П.М.: Без этой тяжелой жизни Вы бы сейчас стали тем, кем стали?

А.С.: Я думаю, что она была тяжелая не только в этом.

П.М.: В моральном плане...

А.С.: Она была тяжелая в интерперсональных отношениях. Понимаю, что я стал тем, кем стал, только потому, что я 20 лет с ним сидел и работал «магнитофоном» и кое-чему научился, ведь он был очень крупный клиницист, но не он один, там вся кафедра была такая.

П.М.: Сильный очень коллектив...

А.С.: ...и Виктор Михайлович Морозов, и Р.А.Наджаров, и Г.А.Ротштейн, и Р.Е.Люстерник, так что было у кого поучиться, но непосредственно видеть, как он работает, как он угадывает все это, это конечно мне помогло, иначе откуда все берется, психиатрию нельзя выдумать из головы и из учебников.

П.М.: Это хорошее название для интервью – «психиатрию нельзя выдумать из головы или из учебников».

А.С.: Нет, нельзя.

П.М.: Мне было очень важно это понять, мне это важно донести до молодого поколения, потому что они очень многое не понимают, не знают.

А.С.: Как говорил Снежневский, «это слезы, кровь и пот», но что тут надо сказать, при этом он сам вкалывал.

П.М.: Не меньше других.

А.С.: Вот в чем весь вопрос, это не то, что «ты давай работай, а я поехал отдыхать», такого не было. Еще один момент, о котором я хочу сказать, он все-таки был ориентирован на западную психиатрию.

П.М.: Все-таки?

А.С.: Конечно, на немецкую, естественно, он смотрел все журналы, все новые, которые приходили, он их все просматривал и даже указывал, кому что нужно читать, он был в курсе всего, что происходило, во всяком случае старался быть. И второе: он очень много работал над своим журналом.

П.М.: Вы знаете, я в этой связи хочу рассказать одну историю, которую сам знал и которая произвела на меня большое впечатление. В свое время, когда он опубликовал под своим началом первый двухтомник Руководства, там была глава об истории психиатрии, и Виктор Михайлович, уже тогда будучи на пенсии, написал совершенно раз-

громную рецензию на эту главу потому, что многое там было перепутано. Диана Дмитриевна Орловская, как редактор, взяла эту статью и сказала: «Там настолько ужасающее обвинение в плане компетенции Вашей, что это публиковать просто нельзя», и я был совершенно поражен, когда Снежневский сказал, что «обязательно надо печатать». То есть он не боялся критики абсолютно?

А.С.: Абсолютно.

П.М.: И понимал, если она оправданна, и он был готов признать ошибки.

А.С.: Совершенно точно, я Вам еще другой пример приведу: была какая-то конференция профессоров по поводу диагностики, там Случевский был и еще кто-то.

И профессор Случевский ему говорит: «Вы ликвидировали паранрению, Вы ликвидировали паранойю и т.д.», – он прислушался.

П.М.: То есть вот так вот, несмотря на то, что оппонент принадлежал к ленинградской школе?

А.С.: Да, все равно прислушался.

П.М.: То есть в науке он был терпим к оппонентам?

А.С.: Нет.

П.М.: Тогда как?

А.С.: Это очень сложный вопрос, во-первых, кого считать оппонентами... Оппонентом у него был профессор Чистович, а больше их не было...

П.М.: А внутри своего коллектива он прислушивался?

А.С.: Внутри коллектива это была очень сложная история, потому что несогласный должен был уходить.

П.М.: Ну да, т.е. все-таки диктатура существовала?

А.С.: Конечно, и я считаю, что для школы это необходимо.

П.М.: Чистота рядов?

А.С.: Если существует эта школа, то да, другое дело – научно-исследовательские институты, где один думает одно, другой как-то по-другому, так тоже может быть, а директор выполняет роль менеджера, это одно. А здесь совсем другое дело – школа.

Дорогому Анатолию
Болезславовичу
на память о
совместной работе
15.04.85
П.М.

«Дорогому Анатолию Болезславовичу
на память о совместной работе.
А. Снежневский 15.04 1985 года»
В день рождения А.Б. Смуглевича

Могила Снежневского

П.М.: Анатолий Болеславович, что бы Вы хотели от себя добавить в качестве послесловия о Снежневском? То, что я не спросил, наверняка еще что-то есть...

А.С.: Я должен Вам сказать так по этому поводу: я мог бы многое сказать, но все эти мысли «многое сказать» пришли потом, уже когда я много лет проработал без него и шел своим путем, когда я работал с ним, у меня не было никаких...

П.М.: ...никаких своих мыслей, подавляя Вас, да?

А.С.: Мыслей критического направления не было, я был целиком поглощен и личностью, и учением.

П.М.: Что, наверное, естественно.

А.С.: Ну, сейчас естественно, с течением времени несколько все смотрится по-другому, но тем не менее я считаю, что мне крупно повезло. У меня был длительный период отсутствия карьерного роста, я много лет сидел старшим научным сотрудником, будучи доктором наук, и мне предлагали разные варианты, но для меня это было абсолютно не обсуждаемо.

П.М.: Такая преданность, конечно, говорит о многом. Интересно очень, и мне приятно, что много из того, что Вы рассказали, хотя я

работал и много меньше под руководством А.В.Снежневского и много дальше от него, чем Вы, но ощущения очень схожие. Вот это мне очень импонирует, вот эти воспоминания о нем, которые идут от самых разных его учеников, это говорит о том, что его имя было какое-то время не совсем правильно интерпретируемо...

А.С.: Это вот все выдумки в моем представлении.

П.М.: И у меня никаких нет сомнений по этому поводу.

А.С.: Чтобы он поставил диагноз здоровому человеку – это полностью исключено.

П.М.: Ну для этого надо его знать как ученого. Мне очень приятно, что Вы создали истинный образ человека, абсолютно преданного науке, который не подвержен ничему, вот это самое главное. Спасибо Вам большое, извините, что Вас долго мучил.

П.В. МОРОЗОВ. ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ

Виктор Михайлович Морозов (1907–1996)

1 ноября 2017 года в историческом корпусе ПКБ№ 1 им. Н.А. Алексеева была торжественно открыта мемориальная доска члену-корреспонденту РАМН, доктору медицинских наук, профессору Виктору Михайловичу Морозову, установленная по случаю 110-летнего юбилея выдающегося ученого-психиатра. Большая часть творческой и педагогической деятельности В.М. Морозова была связана с кафедрой психиатрии Центрального института усовершенствования врачей (в настоящее время – Российская медицинская академия последипломного образования), базировавшейся в ПКБ №1. Всего же в стенах больницы Виктор Михайлович проработал с 1960 по 1983 г.г.

На церемонии открытия присутствовали родственники Виктора Михайловича, его коллеги, сотрудники больницы. Теплыми словами вспомнили замечательного ученого и человека врачи больницы и сотрудники кафедры, которым посчастливилось с ним работать. С благодарностью за сохранение памяти об отце и деде выступили сын и внуки В.М. Морозова.

Дорогие читатели, нам очень хочется, чтобы за сухим перечислением чинов и званий, вы увидели удивительного, многогранного, тонкого и теплого человека, прожившего большую честную жизнь. А посему предоставляем слово его сыну, вице-президенту Российского общества психиатров, представителю Всемирной психиатрической ассоциации в Восточной Европе, доктору медицинских наук, профессору Петру Викторовичу Морозову.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ

Виктор Михайлович Морозов родился 29 октября 1907 года в Воронеже. Его отец, Михаил Акимович Морозов, известный вирусолог,

лауреат Сталинской премии, которую он получил за открытие сухой противооспенной вакцины, был знаменит также предложенной им программой искоренения оспы в мире и тем, что в 1959 году, уже будучи в преклонном возрасте, на пенсии, он предотвратил эпидемию оспы в Москве. Тогда он стал единственным из четырех десятков врачей, кто смог поставить больным правильный диагноз, после чего в рапорте министру заявил о необходимости тотальной вакцинации москвичей, которая и была проведена. Михаил Акимович участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, он был корпусным эпидемиологом в армии Брусилова, чем очень гордился. Он также основал первый оспенный телятник в России, и вообще его вклад в земскую медицину был довольно значительным.

Мать Виктора Михайловича, Мария Львовна Корякина, происходила из старинного дворянского рода и была преподавательницей музыки. Музыку любил и Михаил Акимович, так что в моем отце с детства развивали музыкальные наклонности. Он окончил 8 классов музыкальной школы при Воронежской консерватории и неплохо играл на рояле, а его сестра училась у самого К.Н. Игумнова и стала профессиональной пианисткой.

В 1922 г. семья переехала в Москву. Отец продолжил свое обучение в 1-й московской городской гимназии (это здание, стоящее на горе, на берегу Москвы-реки напротив Киевского вокзала, сохранилось до сих пор). А по окончании ее поступил на медицинский факультет МГУ (с 1930г. 1-й Московский медицинский институт, ныне Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова). Этот же факультет в 1903 г. окончил его отец, Михаил Акимович. Причем в семье сохранились документы, подписанные создателем системы политического сыска в дореволюционной России С.В. Зубатовым и обер-полицмейстером (впоследствии замминистра внутренних дел) Д.Ф. Треповым, из которых следует, что дед был исключен из Университета за участие в студенческих волнениях и сослан под надзор полиции назад в Воронеж.

Из рассказов отца о времени его обучения хорошо помню, что на него произвели большое впечатление лекции выдающегося хирурга, основателя московской школы хирургов и онкологов П.А. Герцена, внука знаменитого писателя, а также то, как тот учил студентов обращаться с больными. Отец вспоминал, как старик однажды преподавал ему урок вежливости, когда побежал через всю аудиторию, чтобы принести стул простой, ничем не выдающейся пожилой жен-

щине. И этот урок он запомнил на всю жизнь. В одной группе с Виктором Михайловичем учились Израиль Борисович Лихциер, впоследствии выдающийся терапевт, который и познакомил моих родителей, и Евгений Владимирович Шмидт, будущий академик, директор Института неврологии АМН СССР. Очень трогательно было наблюдать, как они уже на склоне лет называли друг друга «Женя» и «Витя».

Поначалу Виктор Михайлович хотел быть офтальмологом, так как у него с детства была достаточно выраженная близорукость – минус семь, затем он увлекся патологической анатомией, изучающей морфологические изменения в органах, тканях, клетках. Много ходил в анатомичку, однажды даже порезался и занес инфекцию. Очень боялись, что трупный яд приведет к неприятным последствиям, но обошлось. Однажды он ассистировал знаменитому патологоанатому А.И. Абрикосову. Они обследовали все органы, но не нашли никакой патологии. Тогда изумленный отец спросил профессора, чем же был болен этот человек, от чего умер? На что Абрикосов невозмутимо ответил: «Как от чего? Он умер от шизофрении». Тогда у отца появился первый интерес и к этому заболеванию, и к самому предмету. Но решающую роль в выборе профессии сыграла встреча с Петром Борисовичем Ганнушкиным, тогда заведующим кафедрой психиатрии и директором психиатрической клиники Московского университета. Поначалу отец ходил в психиатрический кружок, и сохранились фотографии, где он стоит рядом с И.Б.Лихциером и П.Б. Ганнушкиным, а после окончания института он устроился работать к учителю на кафедру. Впоследствии отец мне говорил, что вот именно эти два года ординатуры, фактически выброшенные им из жизни - он приходил в клинику рано утром, отлучался только на обед и уходил домой уже в ночи, - и были решающими в его становлении как врача. Он был всецело поглощен углубленным изучением своего предмета. Должен сказать, что подобный путь проделывал и я, это необходимо, потому что только абсолютно погрузившись поначалу в профессию и отдав несколько лет жизни безвозвратно, можно стать профессионалом, только так закладывается истинный фундамент. Я всегда стараюсь объяснять это и молодым врачам, но не все к такому готовы...

Отец часто рассказывал мне о знаменитых амбулаторных приемах Ганнушкина, о том, как тот смотрел пациентов, какой у него необыкновенный был «глаз»; о том, как он не любил читать лекции и всячески старался оттягивать эти минуты - профессор всегда волновался, и ему гораздо легче и приятнее было заниматься непосредственной работой с пациентами, чем выступлением перед аудито-

рией; о том, как Петр Борисович благословил его на первую работу по сверхценным идеям, которая была написана им примерно в 25 лет и до сих пор считается одним из классических трудов в отечественной психиатрии. Эти короткие 3-4 года совместной работы с Ганнушкиным - сначала ординатором, затем аспирантом - оставили в отце неизгладимый след, а смерть учителя в 1933 году стала для него трагедией. Моя сестра рассказывала, что, когда Ганнушкин умер, отец пришел домой, бросился на кровать и заплакал. Это был единственный раз, когда она видела его в таком отчаянном состоянии.

А незадолго до того отец встретил маму и женился. С этим событием связан забавный момент. Когда о его женитьбе доложили Ганнушкину, тот воскликнул: «Неужели он женился на ком-то из клиники?! Нет? Ну, слава богу, тогда обойдется как-нибудь!»

После смерти Ганнушкина клинику возглавил Внуков, который был в некоторой оппозиции к Петру Борисовичу, и отец ушел, потому что не мог работать с людьми, которые не принимали его учителя или хотя бы не относились к нему лояльно. Спустя два года Виктор Михайлович защитил кандидатскую диссертацию, а уже с 1938 года и до пенсии его жизнь была связана с кафедрой психиатрии Центрального института усовершенствования врачей (а с 1964 по 1976 годы он ее возглавлял).

Ранним утром 22 июня 1941 года отцу позвонил дед: «Включай радиоприемник, на такой-то волне в 8 утра по московскому времени будет выступать Риббентроп». Отец, прекрасно знавший немецкий и французский языки и уже изучавший английский, на всю жизнь запомнил, как Риббентроп сказал: «Мы выступили против большевиков, коммунистов и евреев». В тот же день он, считая долгом встать на защиту родины, пошел в военкомат и 27 июня был мобилизован и назначен начальником медицинской службы 700-го противотанкового отдельного полка, который стоял летом и осенью 41-го года в районе Вязьмы против наступающей танковой армии Гудериана.

Вскоре на фронт к отцу приехала мама. Приехала против всех правил – ведь гражданских не пускали на передовую. Но она, тоже происшедшая из дворянской семьи и совершенно не приспособленная к фронтовым условиям, сумела добиться разрешения. Отец и мать действительно очень друг друга любили, ничем другим я ее поступок объяснить не могу. Около месяца они были вместе, хотя она тут же подхватила пневмонию... Когда началось октябрьское наступление немцев, отец отправил мать в тыл, а сам начал вывозить грузовики с

ранеными. Один из грузовиков попал под бомбежку, водитель сбежал, а отец оказался в плену. Впоследствии в плен попала и мама. Причем они оба, ничего не зная друг о друге, некоторое время находились в пересыльном лагере в Рославле. Это было одним из самых тяжелых воспоминаний в их жизни.

Виктор Михайлович провел около 3 лет в немецком лагере в Штукенброк, где погибло 65 тысяч человек – больше, чем в Бухенвальде. Отец называл эти годы «Вестфальской академией наук». Безусловно, это была трагическая ситуация, но вместе с тем - и необыкновенная школа жизни, школа духа, школа преодоления. К нам домой потом многие годы после окончания войны приходили его товарищи по войне и по плену, которые его разыскивали и находили. И они рассказывали нам то, чего сам отец не помнил – забывал, вытеснял из памяти. Например, как его оперировали в лагере по поводу 12-перстной кишки пленные же врачи. Особенно на меня произвело впечатление, что лампу для освещения операционного поля русские умельцы сделали из консервных банок. И даже в этой ситуации отцу удалось выжить! Он сам говорил мне, что выжил благодаря трем вещам: знанию немецкого языка, своей профессии и тому, что всю войну проносил на груди фотографию своей любимой жены - моей мамы.

А уже в 70-е годы его разыскала медаль итальянского движения Сопротивления. История была такая. 15 итальянских летчиков были привезены в лагерь за отказ продолжать войну на стороне гитлеровской Германии. А дальше их собирались отправить, если не ошибаюсь, на урановые рудники, откуда живыми не возвращались. И тогда отец научил их симулировать нейроинфекцию, после чего они все внезапно «заболели». А так как немцы страшно боялись инфекций, особенно подобного рода, то летчиков отправили в изолятор, что фактически их спасло. Всю жизнь итальянцы вспоминали этого русского доктора и, в конце концов, нашли его.

А вот еще один случай, доказывающий преимущество нашей системы здравоохранения и медицинской мысли над немецкой. В лагере был один пленный русский, потерявший слух и речь в результате контузии. И вот отец поспорил на хлеб с одним немецким фельдфебелем, что сумеет вылечить бедолагу, если фельдфебель доставит ему соответствующие медикаментозные средства. Тот не поверил, но, тем не менее, принес ему ампулы камфоры. Отец сделал инъекцию камфоры, после чего к солдату вернулись и слух, и речь. И хотя немец, как утверждали друзья моего отца по плену, хлеба так и не отдал, эффект был совершенно неожиданный: слух об этом

«волшебном исцелении» облетел весь лагерь и вышел за его пределы, к лагерю начали подтягиваться окрестные крестьяне, ведя своих больных детей, в том числе, с синдромом Дауна, с просьбой к русскому доктору, творящему чудеса, вылечить их. И, кстати, мало кто знает, но в Федеративной республике Германии, в отличие от других стран Европы, до 1974 года признавали советские дипломы врачей.

После освобождения из лагеря в 1945 году Виктора Михайловича на какое-то время оставили работать при наших оккупационных войсках. Я видел его блестящие характеристики той поры, в которых подчеркивали, что он является особо ценным кадром. Еще бы! - он свободно говорил на трех языках (к тому времени уже и на английском) и много участвовал в контактах с союзниками (однажды докладывая даже одному из главных генералов американского штаба - Джорджу Паттону). В этот же период отец собирал пленных, нуждавшихся в психиатрической помощи, и в результате вывез их почти два эшелона. Но все мы знаем, что к побывавшим в немецком плену в те времена относились предвзято. Отца долго проверяли. Поначалу его не пустили в Москву. Он жил в Тамбове и работал в тамбовской психиатрической больнице. Туда к нему приехала мама, которая тоже чудом выжила, попав в плен и проведя какое-то время в гестаповской тюрьме и выйдя оттуда совершенно седой. И вот в сорок три года она родила отцу меня, что, конечно, помогло ему в плане реабилитации, возвращения к мирной жизни.

А тем временем, ситуация была не очень благоприятная. И его, и маму периодически вызывали в органы, снова и снова выясняя, что они делали в плену. А в связи со знаменитым «делом врачей» возникла даже угроза ареста их обоих, и тогда отец попросил деда усыновить меня в случае, если их заберут.

В эти тяжелые годы для отца, помимо меня, было две отдушины: музыка и Хемингуэй. Они с мамой часто ходили на концерты Святослава Рихтера. «Его творчество несет спасение от душевных мук», - скажет отец в одном из своих последних интервью. А что касается Хемингуэя, то отец ушел на войну с томиком его прозы. У нас в доме всегда висел портрет писателя, творчество которого всегда было очень близко Виктору Михайловичу, - это была глубокая привязанность, одна из самых сильных в жизни. Впоследствии, в 1960 году, родственники маминой подруги прислали отцу из Америки тогда еще не переведенную на русский язык и не вышедшую у нас роман Хемингуэя «По ком звонит ко-

локол». В то лето мы жили в Тарусе, и я очень хорошо помню, как он читал эту книгу, переводя её прямо с листа. Еще позже я присылал отцу из Женевы книгу «700 избранных писем Хемингуэя, также ему привозили антологию «Люди на войне», в которой сам писатель собрал лучшие произведения о войне разных авторов. И он всегда безмерно радовался таким подаркам.

Я умышленно не останавливаюсь на достижениях Виктора Михайловича как ученого. Об этом написано в энциклопедических статьях о нем, в воспоминаниях коллег. Но я могу рассказать о работах, которыми он больше всего гордился. Это, безусловно, классическая работа «О типах ремиссии при шизофрении», которую цитируют до сих пор. Это написанная в 1957 году работа «Об отдаленных последствиях войны», фактически предвосхитившая изучение посттравматических психических расстройств и ставшая данью работе П. Б. Ганнушкина о нажитой инвалидности, которую тот написал еще после гражданской войны, и за которую подвергся обвинениям в «кулацкой идеологии». И я горжусь тем, что следую этим традициям, и первая работа об афганской войне была написана в России мной. Для Виктора Михайловича также очень важна была опубликованная в «Журнале неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» поисковая работа по поводу вирусной этиологии шизофрении, сделанная им совместно с его отцом, М.А. Морозовым. И должен сказать, что интерес к теме вирусной этиологии шизофрении - это такой сквозной семейный «симптом», поскольку позже я уже развивал эту теорию как организатор науки. Во всяком случае, мной был организован первый посвященный этой теме международный симпозиум в Стокгольме в 1981 году, затем спустя два года - в Бельгии. В результате был выпущен первый в истории медицины международный сборник по этой теме с предисловием американского вирусолога, лауреата Нобелевской премии Даниэла Карлтона Гайдушека. Затем мне удалось организовать первый международный конгресс и выпустить книгу под моей редакцией. То есть научные интересы отца во многом определили и мою судьбу.

Последние годы, после выхода на пенсию Виктор Михайлович работал дома, посвятив себя истории психиатрии. Он сделал много точных наблюдений, я бы даже сказал открытий в этой области, в частности, в изучении французской психиатрии, создал богатый дидактический материал, очень интересный взгляд на эпистемологию психиатрии. В этой работе ему помогал профессор Сергей Алексеевич Овсянников.

В.М. Морозов на прогулке с сыном (1950)

В.М. Морозов на прогулке с внуком (1973)

Виктор Михайлович обладал несомненным даром педагога. Да и многими другими дарами... В течение многих лет в «Журнале неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» публиковал необычайно интересные обзоры по иностранным источникам - к концу жизни он знал уже семь языков и вдобавок к ним начинал пользоваться греческим и латинским. Польский, например, он на моих глазах выучил за одно лето, когда мы жили в польской семье в Литве. И меня научил польскому гимну, я его помню до сих пор и удивляю поляков, которые сами не знают всех куплетов. Вообще, отец пробудил во мне любовь к целому ряду наук, в том числе, к истории, привил музыкальный вкус. С детства, благодаря ему, я знал наизусть многие стихи Пушкина. Как-то мама пришла в ужас, увидев, как отец читает мне, сидящему на горшке двухлетке, «Войну и мир»... При этом отец никогда не мешал мне в моих увлечениях, которые не всегда совпадали с его. Я увлекался футболом, рок-н-роллом, писал песни и т.д., и он к этому относился с большим снисхождением, терпением, иногда давал советы, ходил на мои концерты. Мне очень повезло – с таким педагогом было легко и удобно постигать азы и медицины, и психиатрии. Да, он никогда не подавлял, не понукал, не натаскивал, не водил за ручку – всегда давал мне свободу, но я

знал, что в любой момент могу задать ему вопрос любой вопрос из любой области, будь то культура, наука, искусство, и получить ответ. Его эрудиция была безгранична. А если он был не очень уверен в от-

вете, тут же забирался на какую-нибудь полку за книгой. У нас всегда были груды книг - до потолка. И я никак не мог понять, каким образом он безошибочно находил нужную, или просто говорил: посмотри там-то, на такой-то странице, в таком-то издании, такая-то цитата. И был всегда необыкновенно точен. Широта его эрудиции, глубина его знаний и живость реакции меня всегда поражали.

Помню, когда его не стало, я каждый день очень остро ощущал нехватку общения с ним – душевную, эмоциональную, интеллектуальную... Это, конечно, было огромным счастьем – находиться в постоянном контакте с человеком такого масштаба.

Так случилось, что еще в советские времена я более семи лет провёл в Женеве, работая в ВОЗе. Тогда не было интернета, возможности разговора по телефону тоже были ограничены... К счастью, была возможность переписки. Каждую неделю я писал отцу и получал письма от него. Наша переписка сохранилась. Я очень часто обращаюсь к ней, перечитываю, вспоминаю, анализирую. И эта возможность беседовать с ним таким образом вновь и вновь дает мне всегда какие-то дополнительные эмоции, силы, идеи.

Мне было интересно наблюдать, как отец огромным вниманием и трепетом общается со своими внуками. Он, безусловно, сыграл большую роль и в их воспитании. Ане было десять, когда его не стало, Денису повезло больше – последние годы жизни отца он даже прожил с ним в одной квартире... Два десятка лет прошло, а моим детям так же, как и мне, до сих пор его не хватает - его колоссального жизненного опыта, его понимания и, говоря высоким языком, его гуманизма. Я думаю, что гуманистическое начало в отношении к жизни, к людям, к профессии - это основной урок, который я вынес из общения с моим отцом, Морозовым Виктором Михайловичем.

Подготовила Ольга Борисова

П.В.Морозов. В ВОСПРИЯТИИ ЖИЗНИ ОН БЫЛ МОЛОЖЕ ВСЕХ НАС (ВОСПОМИНАНИЯ О ГРИГОРИИ ЯКОВЛЕВИЧЕ АВРУЦКОМ).

Дневник психиатра. 2014; 03: 12-13

Г.Я. Авруцкий и П.В. Морозов

Сейчас на углу Ленинского стоит церковь. Я часто проезжаю это место и всегда вспоминаю нашу последнюю встречу...

...Мои воспоминания о Григории Яковлевиче Авруцком почти детские – мне было не более 10 лет, когда он появился в нашем маленьком доме. Смутно помню: что-то большое, добродушное и веселое.

Мне повезло, что я познакомился чуть позже со всей его большой семьей, с калининградскими родственниками его супруги. Естественно, что там много говорили о Григории Яковлевиче и уже тогда он превращался в моем сознании в героя: сильного, доброго и великодушного. Отчетливо вспоминаю, как он пришел в наш дом после защиты моим отцом, Виктором Михайловичем Морозовым, докторской диссертации. Григорий Яковлевич был одним из трех приглашенных молодых психиатров (других не было), и это говорит об отношении к нему моих родителей.

Так получилось, что я стал видеть Григория Яковлевича чаще, лишь когда сам стал психиатром, а он уже был маститым ученым, признанным лидером отечественной психофармакологии.

Надолго врезался в память первый эпизод чисто профессионального контакта с профессором Г.Я.Авруцким, когда он блистательно выступил в качестве судебно-психиатрического эксперта. У меня было лишь пару месяцев стажа, и мой отец, В.М.Морозов, взял меня с собой в Институт им. В.П.Сербского, где он должен был участвовать в комиссии вместе с профессорами Качаевым и Авруцким. Случай был крайне интересный, патологическое опьянение, так называемый синдром Эльпенора, как объяснил мне отец. Помню, как Григорий Яковлевич энергично взял дело в свои руки, убедительно разобрал претензии адвоката, расспросил больного и первым высказал свою точку зрения. Остальные эксперты согласились с оценкой Г.Я.Авруцкого, отметив некоторые особенности состояния больного. Его признали невменя-

мым, помню единодушное удовлетворение восстановлением справедливости.

Еще одна деталь: в «предбаннике» кабинета профессора Качаева стояла разобранная металлическая кровать с мраморной дощечкой, указывающей, что именно на этой кровати скончался великий князь Сергей Александрович Романов, погибший от рук террористов. Григорий Яковлевич скептически спросил у отца, что могло остаться от великого князя, если бомба Каляева разорвала того в клочья. По этому штриху я отметил для себя и исторический крутозор Г.Я.Авруцкого, сам потом долго рылся в книгах. Заядлый автомобилист, Григорий Яковлевич великодушно предложил нас подвезти на новой, недавно вышедшей «Волге» ГАЗ-24, с видимым удовольствием демонстрируя нам ее преимущества.

Всегда стремительный и энергичный, убедительный и обаятельный, окруженный плеядой учеников и соратников, он появлялся на симпозиумах и конференциях, сообщал свежие и последние сведения о новых методах лечения, блистал в кулуарах конференций остроумием.

Григорий Яковлевич относился ко мне с покровительственным благодушием, точно понимал меня и серьезно поддерживал в трудные минуты. Таким он был и со всеми своими учениками.

О его замечаниях на полях диссертаций ребят из его окружения ходили легенды, остроумные комментарии тут же подхватывались и быстро разносились среди молодых психиатров. Ему прощали всё, даже самые едкие замечания, ибо в трудные минуты он всегда защищал молодых, даже если они были неправы.

Вспоминается, как на знаменитых Суздальских школах Григорий Яковлевич несколько лет подряд брал под защиту одного из своих учеников (позже известного профессора), когда тот каждый год (в разные месяцы, замечу) устраивал у себя в номере празднования дня рождения.

Веселья затягивались, были шумными, и туда неизменно влетал разъяренный председатель оргкомитета школы и отправлял нерадивого в Москву. А наутро Григорий Яковлевич совершал невозможное – добивался реабилитации провинившегося.

Вспоминается 1990-й год, когда группа наших психиатров ехала поездом через всю Европу во Флоренцию на Конгресс. В Венгрии, где мы были проездом, Григория Яковлевича любили и почитали особенно, и все мы (чего греха таить) нещадно этим пользовались – ели и пили без ограничения, как молодые мушкетеры, на радость нашим тощим в ту пору кошелькам. Однако на границе с Австрией неожиданно возникли проблемы с визами, и во время весьма мирных объяснений с представителями местной погранслужбы пьяный австриец грубо схватил меня и рванул вниз из вагона, на себя. Я инстинктивно отмахнулся и стукнул его

по физиономии. Ситуация была неприятная, и испугались все: и наши, и австрийцы. Не растерялся только Григорий Яковлевич: он сгреб меня в охапку и затолкал вглубь вагона, а потом и успокоил всех. Вспоминаю его решительность с благодарностью, ибо неизвестно, чем всё это могло закончиться.

В восприятии жизни он был моложе многих из нас – всегда живо интересовался проблемами молодых, знал, чем мы дышим. Его наставления никогда не носили назидательного характера, он всегда уважал достоинство младших коллег. Он искренне радовался успехам молодежи, не скрывал своей белой зависти к тем, кто хорошо владел иностранными языками. Помню, как Григорий Яковлевич трогательно давал мне советы, как правильно воспитывать дочку, помогал выбрать ей платье. С доброй улыбкой вспоминаю его наставления о том, как нужно вести себя в самолете, дабы не быть обойденным вниманием стюардесс. Григорий Яковлевич любил шутку и ценил метко сказанное слово. Много раз слышал от него рассказ о характеристике, данной моим отцом одному из будущих начальников профессора Авруцкого: «смесь Чичикова и Ноздрева». «На многих заседаниях я прятал улыбку, вспоминая это точное определение», – говорил он мне.

Но, конечно, больше всего нас объединяла знаменитая Суздальская школа. Та незабываемая атмосфера, которую мы пытаемся воссоздать, есть во многом заслуга Г.Я.Авруцкого, его необыкновенный демократизм без панибратства, его терпеливость и благожелательность в общении с младшими, его понимание нас и, конечно же, его чувство юмора во многом определяли дух суздальских школ. Мне удалось однажды выполнить его просьбу. Просьбу весьма деликатную, и я был горд, что Григорий Яковлевич попросил меня поучаствовать в судьбе крайне дорого и любимого им человека. Не буду описывать детали этой сложной комбинации, но благодаря ей его дочь перешла работать в тот же институт, где работал ее отец, – это было их обоюдное желание. Могу говорить об этом открыто, ибо прошло уже с тех пор более 20 лет, а я до сих пор помню, насколько Григорий Яковлевич был чуток ко всем без исключения в этой истории, не желал никого обидеть.

Хорошо помню наш последний разговор, когда я вышел вслед за ним в подъезд, где он ожидал машину. Был зимний вечер, шел крупный снег, и автомобиль запаздывал. Мы говорили о переменах, которые происходили в те годы, о жизни, о психиатрии. Григорий Яковлевич рассказывал мне о неопубликованных трудах Кронфельда, говорил о моем журнале «Синапс», о том, как много еще нам всем надо сделать. Мы простояли так около получаса, обнялись при прощании – и он шагнул в эту метель... Сейчас там стоит церковь.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ МАЗУРСКИЙ (1937–2012).

Дневник психиатра. 2012; 02: 23

М.Б. Мазурский (1937–2012).

Понедельник, 2 сентября 1972 г. Мы, несколько молодых ординаторов второго года обучения Института психиатрии АМН СССР, выходим на работу в 30-е отделение больницы им. П.П.Кащенко и сразу, вместе с заведующим отделением, идем в обход. Погода хорошая, летняя, и больные под присмотром медперсонала на улице играют в футбол. Неожиданно мяч отскакивает ко мне, и я тут же ногой отправляю его играющим. Заведующий отделением останавливается и без тени улыбки говорит мне: «Посмотрите, как интересно больные разделились на две команды: депрессивные против бредовых». Мы слегка ошарашены такой необычной оценкой ситуации и лишь спустя некоторое время осознаем ее диагностическую точность. Так я познакомился с Михаилом Борисовичем Мазурским, психиатром с большой буквы, с которым я проработал бок о бок несколько лет и который оказал большое влияние на мое (да и не только) формирование как специалиста. Да и в чисто человеческом плане тоже, безусловно, оказал. М.Б.Мазурский родился в Москве, здесь же окончил школу и поступил на лечебный факультет Первого Московского медицинского института. С 1960 г. работал в больнице им. П.П.Кащенко, вначале ординатором, затем заведующим мужским отделением, а с 1977 г. – заместителем главного врача клиники НЦПЗ РАМН. Михаил Борисович очень много работал: всегда приходил в отделение первым, со своим потертым кожаным портфелем, и уходил последним – он знал о больных все, досконально вникая в каждую деталь как психического, так и соматического состояния каждого из них. Рядом с ним невозможно было допустить себе даже малейших послаблений, – его отношение к больным было тем нравственным и профессиональным ориентиром, на который все мы, молодые врачи, не могли не равняться. Он с добродушной иронией наблюдал за нашими скромными потугами творить науку, однако был очень терпелив, помогая раскрыть нам

секреты практической психиатрии. Михаил Борисович охотно разрешал нам под своим присмотром проводить сеансы электросудорожной терапии, делать спинномозговые пункции, иные процедуры. Соматическому состоянию больных он уделял очень большое внимание и требовал от нас того же. Его знаменитая врачебная интуиция базировалась на широте медицинских познаний, глубоком знании психиатрии и необыкновенной любви к больным людям. Среди сотрудников Института и больницы М.Б.Мазурский пользовался огромным авторитетом, больные также его очень любили и доверяли ему. На профессорских консультациях и разборах к его мнению всегда прислушивался сам Андрей Владимирович Снеженевский, а профессор Р.А.Наджаров однажды безуспешно около получаса пытался публично уговорить его заняться серьезно наукой, отдавая дань широте и глубине познаний Михаила Борисовича. Это, кстати, касалось не только его профессии: судя по коротким, но необычно точным замечаниям, мы понимали, что он в курсе всех литературных новинок, прекрасно разбирается в живописи, искусстве. Михаила Борисовича под фамилией Маргулис упомянул в одной из своих песен Владимир Высоцкий – поэт провел некоторое время в его отделении...Рядом с М.Б.Мазурским работать было очень интересно, и молодежь тянулась к нему. Он всегда был с нами на «вы», но очень прост в общении. Однажды вечером я возвратился в отделение после собрания, где прошел не совсем приятную, хотя и почетную по тем временам процедуру. Мы были вдвоем, и Михаил Борисович, быстро оценив мое состояние, коротко спросил: «Из ствола будешь?», неожиданно предложив мне большую бутылку виски. В принципиальных вопросах он был очень строг и требователен, не терпел малейших проявлений безответственности, под его началом невозможно было недорабатывать, и порядок под его началом всегда был образцовым. Когда он уже был заместителем главного врача клиники Института клинической психиатрии ВНЦПЗ РАМН, ему поручили провести Всесоюзный конкурс медсестер. Далекий от подобной суеты, Михаил Борисович попросил меня помочь ему, посулив необычную награду. С присущей только ему искренней и ироничной улыбкой Михаил Борисович преподнес мне в подарок значок «Ветеран больницы им. П.П.Кащенко». Я часто смотрю на него и тоже улыбаюсь.

Спасибо за все, дорогой Михаил Борисович.

П.В.Морозов, главный редактор

О ТВОРЧЕСТВЕ

В. ЛЕРНЕР И Э. ВИТЦУМ. ТВОРЧЕСТВО И ДУШЕВНЫЕ БОЛЕЗНИ. ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ГЕНИЙ И БЕЗУМИЕ»

Дневник психиатра. 2014; 03: 17–19.

АВТОР: Владимир Лернер

Неординарные творческие способности всегда привлекали к себе повышенное внимание. Вместе с тем предрасположенность к душевным заболеваниям и сегодня рассматривается некоторыми авторами в качестве фактора, способствующего творчеству. На эту взаимосвязь обращали внимание еще в античные времена. Убежденность, что творчество «неизбежно» связано с безумием, восходит еще к Аристотелю (384–322 г. до н.э.), отме-

чавшим предрасположенность к меланхолии у известных актеров и поэтов. При том он полагал, что творчество является естественным и рациональным процессом. Более 2 тыс. лет назад в своей книге «Problemata» Аристотель задавал вопрос: «почему люди, блиставшие талантом в области философии или в управлении государством, или в поэтическом творчестве, или в занятиях искусством – были меланхоликами?»

Платон (428 или 427 г. до н.э. – 348 или 347 г. до н.э.) описал в «Федре» 4 типа «божественного безумия»: поэтический, пророческий, ритуальный и эротический. Он полагал, что они неразрывно и неизбежно связаны творчеством.

В эпоху Ренессанса связь между творчеством и психопатологией усматривали главным образом в депрессии. Люди искусства сами это осознавали и пытались изучить связь меланхолии (название депрессии в те времена) с одухотворенностью и творчеством.

Здесь будет уместным вспомнить гениального немецкого живописца и графика Альбрехта Дюрера (1471–1528), равно одаренного в нескольких областях искусств, изучавшего музыку, анатомию, математику. «Меланхолия» – одна из трех знаменитых гравюр на меди, которую Дюрер создал в 1514 г., воплощает образ внутренней конфликтности мятущегося творческого духа человека. Это произведение из-за своей загадочности, большого количества символов, мате-

Альбрехт Дюрер (1471–1528). Меланхолия I, 1514.

матических и геометрических знаков явилось источником многих споров и противоречивых трактовок, при этом чаще всего использовались постулаты астрономии и астрологии.

Согласно медицинским воззрениям тех времен меланхолия была трех типов. Первый – самый низкий – отличал людей с богатым воображением: художников, поэтов, ремесленников. Второй тип – это люди, у которых рассудок преобладает над чувством: ученые, государственные деятели. Третий тип считался «элитарным» – люди с преобладанием интуиции: богословы и философы.

Печальная женщина неподвижно сидит, подперев голову рукой, среди разбросанных в беспорядке инструментов и приборов. Всего ее крылатого могущества не хватит, чтобы проникнуть за видимые явления мира. Осознание этой невозможности причиняет ей боль, страдания. Рядом свернулась в клубок большая собака – животное, символизирующее меланхолический темперамент. Лестница, прислоненная к дому, по мнению некоторых искусствоведов, означает отсутствие совершенства в человеческом творении и желании подняться ввысь. Радуга и свет падающей кометы, озарившей небо, подчеркивают глобальную значимость изображаемого. Это произведение – выражение безграничной печали творца, пораженного пониманием собственного бессилия, невозможности истинной самореализации. Многие исследователи считают, что в образе меланхолии Дюрер изобразил себя.

Бехам, ученик Дюрера, в 1539 г. создал одноименную гравюру «Меланхолия», по всей видимости, под влиянием своего учителя.

Похожее освоение темы можно увидеть также на гравюрах, созданных на век позже голландским художником Жаком де Джейном (1565–1629). Гравюра «Старый философ, сидящий на Земном шаре»

или просто «Меланхолия» изображает печального человека, чей взгляд устремлен в ночное небо, усеянное звездами. Человек, видимо, размышляет о своем месте в этом мире. Надпись под гравюрой гласит: «Меланхолия – наиболее разрушающие страдания и муки души и тела, очень часто подавляет талант и гений».

Некоторые искусствоведы считают, что художник изобразил Сатурна, и называли картину «Сатурн как меланхолия». Сатурн, согласно римской мифологии, был богом земледелия. Позже его стали отождествлять с греческим богом Хроносом. Со временем эти персонажи отождествились. Ученые Средних веков и Ренес-

Ганс Себастьян Бехам (1500–1550). Меланхолия, 1539.

Жак де Джейн (1565–1629). Старый философ, сидящий на Земном шаре (Меланхолия), 1595–96-е.

санса придали этому образу новый смысл и связали влияние Сатурна с возникновением меланхолии. Считалось, что судьбы ученых, философов, музыкантов и писателей находятся под влиянием знака Сатурна.

Итальянский художник Доменико Фетти (ок. 1589–1625) создал «Меланхолию», напоминающую знаменитую гравюру Дюрера. Женщина – Меланхолия – одиноко сидит, опираясь рукой на закрытую книгу, среди руин в пустыне. Она красива и, судя по одежде, богата. Единственный ее спутник – несчастный пес, привязанный к столу. Он злобно смотрит на скульптурное изображение че-

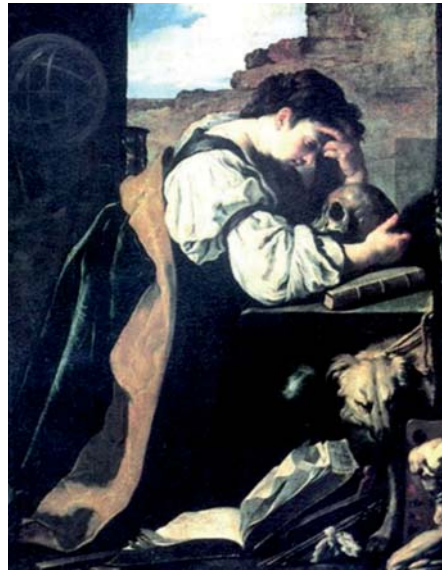

Хусепе де Рибера (1591–1652). Поэт, 1620.

ловеческого тела в нижнем правом углу картины. Рядом со столом изображены брошенная книга со смятыми страницами, астрономические знаки, ненужный глобус. Образы женщины и собаки – эмоционально контрастны. Беспокойство собаки ярко контрастирует с печальной пассивностью женщины, с ее безнадежно опущенной головой, тяжелыми руками. Некоторые искусствоведы полагают, что собака является аллегорией Сириуса – «собачьей звезды», которую издревле люди наделяли способностью влиять на настроение человека.

Шекспир устами своих героев говорил: «Безумные, любовники, поэты – все из фантазий созданы одних». В широко известной книге «Гениальность и помешательство», вышедшей более века назад, Чезаре Ломброзо указывал на тесную взаимосвязь между творчеством и психопатологией. Книга дала толчок множеству исследований о большем или меньшем тождестве между творчеством, гениальностью и различными психическими заболеваниями.

Попыток дать определение гениальности было великое множество, немало – великолепных. Еще раз обратимся к остроумнейшему высказыванию Шопенгауэра о том, что талант попадает в цель, в которую никто попасть не может, а гений попадает в ту, которую никто не видит. То есть гений создает свою материю, свое пространство, новую свободу, которую в последующем таланты освоят и передадут для «общенародного» пользования простым

Доменико Фетти. Меланхолия. Ок. 1620. Лувр, Париж.

смертным. Отличительная черта гения – это особая одаренность в виде уникального, нестандартного мышления, ничем и никем не сдерживаемого воображения, создание непривычных для своих современников образов, которые поначалу выглядят нелогичными, напротив – нелепыми, безумными (пример Константина Циолковского).

Взаимосвязь таланта с предрасположенностью к психическим заболеваниям остается предметом, достаточно обсуждаемым в психиатрической литературе. В последние годы интерес к данной теме заметно усилился. Опубликованы исследования, где с позиций современного медицинского знания анализируется взаимосвязь творчества, деятельности и психопатологии известных артистов, художников, писателей, поэтов, политических деятелей, военачальников.

В начале прошлого столетия интерес науки фокусировался в основном на «божественной», «пророческой» форме помешательства как предполагаемой основе творчества. Творчество связывали с такими болезнями и нарушениями, как шизофрения, психопатия, меланхолия, психоневроз. Эмиль Крепелин, известнейший психиатр конца XIX – начала XX вв., справедливо предполагал, что маниакальное состояние иногда может вызвать позитивные изменения в процессе мышления, повышение творческой активности.

В последнее время чаще акцентируется параллель между творчеством, гениальностью и аффективными заболеваниями, главным образом биполярным (маниакально-депрессивным) расстройством. Появился ряд патографических описаний как отдельных личностей, в том числе исторических деятелей, лауреатов Нобелевской премии, так и сообществ и объединений музыкантов, писателей, художников. Почти во всех публикациях, исследующих связь между творчеством и психопатологией, подчеркивается, что психические заболевания в творческой среде возникают значительно чаще, чем у людей других профессий. Биографические исследования последних лет показали, что частота таких психопатологических феноменов, как психозы, суицидальные попытки, колебания настроения, наркомания и алкоголизм, среди музыкантов, мастеров слова и художников в 2–3 раза выше, чем у бизнесменов, ученых и политиков.

Наиболее тяжелые психопатологические нарушения наблюдались среди художников и писателей. По данным Jamison, 38% писателей и художников лечилось по поводу нарушений настроения. Следует отметить, что в подавляющих случаях они искали помощи психиатра по поводу депрессии, но мало кто из них обращался за помощью в связи с маниакальными и практически никто – из-за гипоман-

ниакальных состояний, хотя последние также имели место. Треть опрошенных отмечали периоды выраженных колебаний настроения, которые по своей природе были циклотимическими. В том же исследовании отмечено, что 89% писателей и художников переживали интенсивные высокопродуктивные творческие эпизоды, находясь в гипоманиакальном состоянии. Алкоголизм был диагностирован у 28% писателей, 19,2% художников и 21,2% композиторов. Арнольд Людвиг также отмечал, что среди музыкальных исполнителей значительно чаще встречалось чрезмерное употребление алкоголя, и они чаще совершали суицидальные попытки в возрасте до 40 лет. Кроме того, в среде композиторов проблемы, связанные с употреблением алкоголя, возникали в основном ранее 40 лет, сочетаясь с длительной депрессией.

В одном из исследований взаимосвязи творчества и психопатологии на примере биографий почти 300 всемирно известных людей в различных сферах науки и творчества автор (Felix Post) пришел к заключению, что 11,7% из изученных лиц страдали алкоголизмом. Среди художников процентное соотношение алкоголиков было более высоким (16,7%), чем среди писателей и музыкантов (13,5%). В этом же исследовании отмечалось, что самой частой психопатологией среди исследуемых была депрессия: 40% из них переживали ее симптомы когда-нибудь во время своей жизни. Чаще всего депрессия выявлялась среди писателей (72%), среди художников ее встречаемость была 42%, среди политиков – 41%, среди интеллектуалов – 36%, у композиторов – 35% и ученых – 33%.

Недавно шведские исследователи из Каролинского института в Стокгольме обнаружили, что система активности биогенного амина – дофамина в головном мозге у здоровых творческих людей аналогична той, которая встречается у больных шизофренией. В эксперименте с помощью различных психологических тестов на здоровых добровольцах клиницисты проверяли их творческие способности. Оценки психологических тестов коррелировали с плотностью дофаминовых (D2) рецепторов, которую измеряли с помощью позитронной эмиссионной томографии (PET). Люди с высокими способностями к творчеству, успешно выполнившие задания, имели более низкую плотность D2-рецепторов в таламусе – области мозга, фильтрующей информацию до того, как она достигнет коры мозга, отвечающей за процессы познания и аргументацию. Больные шизофренией в этой части головного мозга также имеют низкую плотность D2-рецепторов, что указывает на возможную связь между психическими заболеваниями и творчеством. Меньшее количество ре-

цепторов D2 в таламусе, по-видимому, означает меньшую степень фильтрации сигналов и, следовательно, больший поток информации от таламуса, что в просторечье означает большую свободу выбора.

Широкий спектр отклонений в поведении – от легкой эксцентричности до явных психопатологических расстройств – не только воспринимается как должное, но часто является даже ожидаемым, естественным для людей одаренных. Отклонения от принятых социальных норм мышления и поведения у лиц, вовлеченных в определенный тип творческой деятельности, могут не восприниматься как психопатология. При оценке личности великих людей, вероятно, теряется некоторая способность к «холодному», взвешенному суждению. Окружающих нас людей нам легче понять с помощью интроспекции, сопоставлении их с собой, сравнивая их характеры и поведение со своими собственными. Когда же речь заходит о людях творчества, мы, бывает, невольно закрываем глаза на их недостатки, очарованные, «загипнотизированные» плодами их деятельности. По мнению некоторых исследователей, желание достичь успеха, соревновательный стресс, социальные и культуральные различия, политическая и экономическая атмосфера и другие факторы могут быть связаны как с творческими достижениями, так и с психическими болезнями.

Творчество – процесс сложный, многогранный, всегда неоднозначный, целиком и полностью зависящий от личности творящего.

Творческая личность может сочетать в себе абсолютно противоречивые черты, такие как многогранность, чувствительность, отсутствие предвзятого мнения и интеллектуальная открытость, с одной стороны, так и узконаправленность, перфекционизм, индивидуализм и обсессивность – с другой. В ней авантюризм, склонность к неоправданному риску могут сочетаться с настойчивостью и неприязнательностью, самоотверженностью, так же как и с интенсивным любопытством, собранностью и высоким «энергетическим потенциалом».

Существует несколько способов изучения взаимосвязи между творчеством и психопатологией. Один из них – биографические исследования. Самыми достоверными биографическими источниками, воссоздающими жизненный портрет человека, а также свидетельствами его или ее душевных и физических страданий, являются письма, дневники, воспоминания современников и медицинские документальные свидетельства, которые менее всего искажают реальные факты. Анализ произведений творца – другой источник, даю-

Франсиско Гойя (1746–1828). Сон Разума,
1797–1798.

щий исследователю возможность, пусть косвенно, но чувственно и сопричастно оценить душевное состояние автора в период созидания.

Ретроспективная постановка диагноза – кропотливый труд, сравнимый со складыванием мозаики. Здесь происходит тот же процесс тщательного подбора и соединения разрозненных фрагментов в единое целое. В результате вырисовывается последовательное жизнеописание с проступившими на нем пятнами болезни. Таким образом, исследователь получает возможность оценить влияние не только патологии на создание того или иного произведения, но и воздействие творчества, его животворящей силы на течение заболевания. Здесь уместно вспомнить, сколь действенным стабилизирующим фактором являлась живопись для Ф.Гойи, помогавшая

ему преодолевать периоды психотических переживаний.

Пояснение автора к картине: «Воображение, покинутое разумом, порождает немислимых чудовищ, но в союзе с разумом оно – мать искусств и источник творимых им чудес».

Несмотря на то что биографические исследования содержат много полезной и важной информации, доля авторского субъективизма в них достаточно велика. Примером тому могут являться описания колебаний настроения у творческой личности. Так, в биографических произведениях зачастую скрупулезно описываются периоды пониженного настроения, меланхолии или депрессии, выражающиеся в бездеятельности, апатии, отсутствии творческой активности. При этом противоположные изменения настроения – гипоманиакальное состояние или даже явный психоз – не трактуются как болезненные проявления, а предстают перед читателем в виде «эксцентричности», «творческого вдохновения» или «художественного темперамента».

Вот несколько примеров описания дистимии или депрессии, данные великими людьми.

«Я самый жалкий из всех живущих. Если то, что я чувствую, разделить на весь род человеческий, на земле не останется ни одной

Петр Сысоевич Косолап (1834–1910). Сумасшествие (Безумный скрипач у тела умершей матери). 1863.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

улыбки. Стану ли я лучше – не знаю. Боюсь, что нет, и это ужасно. Оставаться таким, как есть, невозможно. Я должен умереть или стать лучше...», – Авраам Линкольн (1809–1865).

«Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное». Антон Павлович Чехов (1860–1904).

«Всю жизнь меня сопровождала тоска... Я как раз испытывал тоску в моменты жизни, которые считаются радостными. Есть мучительный контраст между радостью данного мгновения и мучительностью, трагизмом жизни в целом». Николай Бердяев (1874–1948).

«Ты не можешь себе представить, как тогда и долго еще потом мне было плохо. “Это” продолжалось около пяти месяцев. Взятое в кавычки означает: что, не видав своих стариков двенадцать лет, я проехал, не повидав их; что, имея твои отпечатки, я не читал их; что действие какой-то силы, которой я не мог признать ни за одну из тех, что меня раньше слагали, укорачивало мой сон с регулярностью заклатья...». Борис Леонидович Пастернак (1890–1960).

Не один только Константин Батюшков, но и Всеволод Гаршин, Павел Федотов, Ги де Мопассан, Эдгар По, Роберт Шуман, Акутагава Рюноскэ и некоторые другие гении и творцы окончили свои дни в стенах психиатрических больниц.

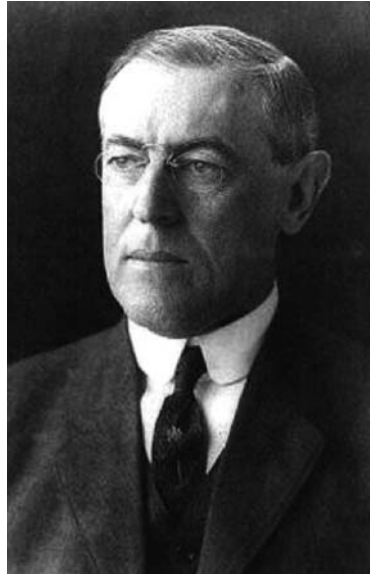
Физическая или психическая болезни далеко не всегда являлись непреодолимым препятствием для творчества, политических или научных достижений. Но если психические нарушения у художников, писателей, музыкантов накладывают отпечаток (не обязательно отрицательный) на их творения, то психическое нездоровье лиц, связанных с государственным управлением, может привести к пагубным последствиям для целого народа, а то и всего мира. Начиная еще с самых древних времен среди деятелей истории, глав государств, оказавших значительное влияние на судьбы своих держав, было немало лиц с психическими отклонениями. Здесь уместно вспомнить римских императоров Тиберия, Нерона, Калигулу, английских королей Эдуарда I и Генриха VI, короля Франции Карла VI и короля Испании Дон Карлоса, царя Ивана Грозного, баварского короля Людвига II. Выдающийся премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль страдал от депрессии. Эта же болезнь была у премьер-министра Израиля – Менахема Бегина. У 28-го (1913–1921) и 32-го (1933–1945) президентов США – Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта (в конце сроков их пребывания на занимаемой должности) развилась деменция. Основатель Советского государства Владимир Ульянов-Ленин последние два с половиной года своей жизни и управления государством также страдал от деменции. Не так уж редко психическое страдание или воздействие психопатологической составляющей физической болезни выступали в качестве весомых, а то и определяющих факторов принятия судьбоносных исторических решений.

В первые годы своего правления президент США Вудро Вильсон был вполне здоров, активен, проводил важные законы. Постепенно у него участились головные боли, стали возникать кровоизлияния в глаза, что свидетельствовало о гипертонии с поражениями сосудов. Причиной этой злокачественной гипертонии скорее всего была болезнь почек. В 1917 г. под его влиянием Америка вступила в Первую мировую войну. Но к 1919-му году стало ясно, что американский президент страдает от быстро прогрессирующих эмоциональных нарушений и ухудшения памяти из-за болезни сосудов мозга. Раздражительность, растущая капризность, подозрительность создавали трудности при общении с главами союзных держав Клемансо и Ллойдом

Джорджем на мирной конференции, привели к разрыву с его доверенным советником.

Здравый смысл должен был подсказать Вильсону, что следует уйти в отставку, однако его личный врач, находясь под влиянием жены президента, скрыл от народа истинное положение вещей. Свою личную преданность главе государства доктор поставил выше общенациональных интересов. Скорее всего, сам президент не осознавал серьезности своей болезни, вполне вероятно, что у него была анозогнозия (неспособность осознать свое заболевание, даже такое явное, как, к примеру, паралич). Этот симптом характерен для болезней, сопровождающихся поражением правого полушария мозга.

Решение Вильсона оставаться на посту было и трагическим, и катастрофическим как с личной, так и с политической точек зрения, поскольку в течение двух лет – с октября 1919 по март 1921 г. – США практически оставались без руководителя. Президент продолжал существование, изолированный от окружающего мира усилиями своей жены и врача. В течение последних семи месяцев он не мог читать, не был в состоянии встречаться с правительством. Мышление его стало спутанным, иногда он помногу часов кряду неподвижно сидел, бессмысленно глядя в одну точку. Заболевание сосудов мозга привело к утрате интеллектуальных способностей, т.е. к деменции. Болезнь Вильсона, способствовавшая разладу в коалиции, приведшая к бездействию или неэффективным военным и политическим действиям Америки, была одной из составляющих создания той уродливой мозаики вновь созданного мира. Мозаики, в которой мы – составляющие ее изображение осколки – по сей день пытаемся найти себе другое место, выразить иную картину мира, исправить многочисленные варварские уродства предыдущих «авторов»...

Томас Вудро Вильсон (1856–1924).
28-й президент США (1913–1921).

В.В. КАЛИНИН. РЕДКИЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ СИНДРОМЫ

Дневник психиатра. 2012; 01: 9-12

АВТОР: В.В. Калинин

Работа психиатра требует от врача знаний не только в области клиники и психопатологии психических заболеваний, но и ряда смежных биологических и гуманитарных областей, включая психологию, философию и литературу. Для этого есть свои предпосылки, поскольку психиатрия, являясь изначально клинической дисциплиной, в отличие от других клинических дисциплин в наибольшей мере оперирует философскими, психологическими и даже литературоведческими терминами. Подобная гуманитарная направ-

ленность психиатрии возникла спонтанно, и в ней оставались термины, несущие яркие и даже художественные названия, совпадающие с известными литературными персонажами, деятелями искусства либо данными по именам авторов, впервые описавших конкретное расстройство. Иными словами, речь здесь идет о симптомах и синдромах-эпонимах, когда какому-нибудь симптому или синдрому приписывается название автора, впервые его описавшего (например, синдром Капгра), либо сам автор дает название в честь какого-либо яркого персонажа, в том числе литературного и мифического (примеры: синдром Стендаля, синдром Ван Гога, синдром Инкуба). Справедливости ради следует сказать, что практика применения такого подхода в психиатрии не может считаться безупречной, поскольку при этом заведомо в оценку психического статуса и при диагностике вносится дополнительная информация, которая не всеми специалистами трактуется однозначно в силу недостаточно полного понимания ими описанного синдрома. Заранее следует подчеркнуть, что синдромы-эпонимы не являются чем-то принципиально новым, а дают лишь дополнительную характеристику при психопатологической оценке психического статуса больного. Более того, врач-психиатр должен понимать, что именно и какой синдром в традиционном понимании скрывается за ярким синдромом-эпонимом.

В противном случае мы можем а priori рассчитывать лишь на дальнейшее усложнение и даже путаницу в понимании психического статуса и диагностической категории у конкретного больного. Вместе с тем, поскольку в мировой психиатрической литературе сохраняется подобный подход в оценке психопатологических феноменов, знакомство с редкими и малоизвестными синдромами-эпонимами представляет интерес, во всяком случае для молодых и начинающих психиатров. Единой классификации малоизвестных и редких психопатологических синдромов просто не существует, да и не может быть, так как в основу их обозначения кладется разный принцип (в одних случаях – фамилия автора, в других – имя реального, литературного или даже мифического персонажа). Знакомство с редкими психопатологическими синдромами и симптомами имеет смысл начать с группы бредовых синдромов ложного узнавания (БСЛУ), под которыми понимают сборную группу психопатологических феноменов, отличительной особенностью которых является убеждение больных в замене тех или иных лиц из их окружения на двойников. Таким образом, уже из этого определения вытекает, что БСЛУ относятся в большинстве случаев к категории бредовых феноменов и, соответственно, могут встречаться при разных психических заболеваниях. Данная категория психопатологических феноменов не отличается высокой распространенностью, но носит необычайно яркий характер, что не может не привлечь внимания клиницистов. К настоящему времени весьма подробно изучена психопатологическая симптоматика БСЛУ, разработана классификация расстройств данной категории. Некоторые авторы даже полагают, что через изучение закономерностей формирования БСЛУ можно приблизиться к пониманию возникновения бредовых расстройств вообще, хотя вероятность этого не следует переоценивать. Ранее мы опубликовали специальную работу обзорного характера по этой тематике, что освобождает нас от детального описания каждого из этих синдромов. Тем не менее следует подчеркнуть, что все многообразие БСЛУ принято подразделять на следующие разновидности:

1. Синдром Капгра (Capgras, Reboul-Lachaux, 1923).
2. Синдром Фреголи (Courbon, Fail, 1927).
3. Синдром интерметаморфоза (Courbon, Tusques, 1932).
4. Синдром собственных двойников (Christodoulou, 1978).
5. Синдром «обратных» собственных двойников (Siomopoulos, Goldsmith, 1975).
6. Обратный синдром интерметаморфоза (Signer, 1987; Silva, Leong, Shaner, 1990).

Леопольд Фреголи,
человек-трансформатор

7. Обратный синдром Фреголи (Fialkov, Robins, 1978; Signer, 1987).

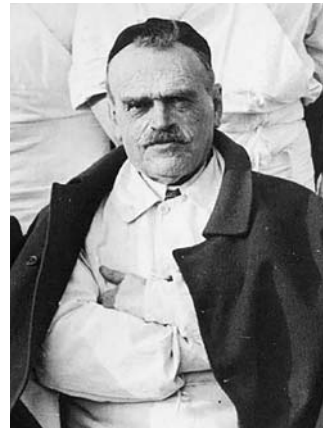
8. Синдром Капгра в отношении неодушевленных объектов (Coleman, 1933).

Наибольшее значение из приведенных восьми синдромов имеют первые три. При этом **синдром Капгра** (синдром отрицательного двойника) является сугубо бредовым интерпретативным феноменом, для которого характерна «гипоидентификация» знакомых для больного лиц. Данный синдром отражает «поломку» на уровне собственно умозаключений (мышления) при чистом восприятии и в большей мере характерен для параноидной формы шизофрении. Напротив, для

синдрома Фреголи характерно исключительно психологическое, но не физическое сходство, а для синдрома интерметаморфоза – не только психологическое, но и физическое сходство. Отличительной особенностью этих двух синдромов является «гиперидентификация», т.е. узнавание в незнакомых для больных знакомых лиц. Эти синдромы чаще встречаются в структуре острого чувственного и образного бреда, что позволяет предположить вовлеченность в патогенез и механизмов восприятия. Синдромы Капгра и Фреголи свидетельствуют о патологии на уровне «чистого» мышления, тогда как синдром интерметаморфоза указывает на выраженную остроту состояния и приступообразность течения (бред инсценировки, иллюзорная бредовая деперсонализация и дереализация) и, в конечном счете, на движение в сторону помрачения сознания (онейроидный синдром). Из сказанного вытекает, что отождествление синдромов Капгра, Фреголи и интерметаморфоза является ошибочным и даже недопустимым. В противном случае может произойти ошибочная квалификация основного психопатологического синдрома и, как следствие этого, ошибочная диагностика формы психического расстройства. Синдром Anwesenheit (буквально: «присутствие» [нем.] или обман осознания по А.В.Снежневскому) представляет собой редкий и малоизвестный психопатологический феномен с недостаточно четкой структуризацией симптоматики, что затрудняет его трактовку как чисто бредового или галлюцинаторного феномена. Данное состояние характеризуется ошибочным ощущением присутствия постороннего существа в непосредственной близости от боль-

ного. Как правило, подобные состояния возникают при ясном сознании, когда больной находится в одиночестве дома или в другом помещении. Реже подобное ощущение возникает на открытом пространстве. Больной при этом чувствует присутствие другого незнакомого ему человека или существа, которое не воспринимается ни с помощью слуха, ни с помощью зрения (Jaspers, 1923; 1968). Таким образом, *Anwesenheit* отличается от истинных галлюцинаций отсутствием факта восприятия без объекта. От бредовых переживаний симптоматику *Anwesenheit* отличает отсутствие уверенности в данном переживании, что часто приводит к поискам объекта переживаний со стороны больных с целью подтверждения своих предположений (Thomson, 1982). Подчеркивается, что феномен *Anwesenheit* в целом отличается несенсорным осознанием факта присутствия, но не позволяет больному осознать истинное чувство реальности (Thomson, 1982).

Феномен *Anwesenheit*, означая присутствие какого-то объекта или существа, отнюдь не указывает на его происхождение или дополнительные характеристики объекта переживания. Jaspers (1923 г.) полагает, что сущность данного феномена не сводится к чувственному обману, так как чувственный элемент отсутствует. Не сводится она и к бредовой идее, поскольку реальный опыт больного направлен на поиски оценки и доказательств, которые могут быть либо правильными, либо бредовыми (1968 г.). Следует также указать, что наряду с собственно «чувством присутствия» в структуре *Anwesenheit* могут присутствовать (не обязательно всегда) зрительные галлюциноиды и гаптические галлюцинации. Отличительной особенностью зрительных галлюциноидов, как считает М.И.Рыбальский (1992 г.), является незавершенность, недостаточная полнота оформления, рудиментарность и нереальность. Иными словами, галлюциноиды по своему положению занимают промежуточное место между истинными и псевдогаллюцинациями. С первыми их объединяет экстрапроекция, со вторыми – наличие интимной связи с патологией мышления, отсутствие естественности внешнего оформления, отсутствие ассимиляции окружающей внешней обстановкой, отсутствие чувства реальности и факт нечеткой зависимости от органов чувств.

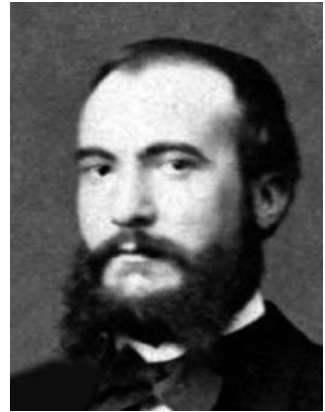

Жозеф Капгра, французский психиатр

Еще одна отличительная особенность, характерная для зрительных галлюциноидов, связанных с феноменом *Anwesenheit*, заключается в том, что зрительные образы локализируются не в центре поля зрения, а на его периферии. Иначе говоря, применительно к ним можно говорить об экстракампинных галлюцинациях, поскольку больные утверждают, что видят образы боковым зрением либо даже за его пределами (С.Thomson, 1982). Зрительные галлюциноиды, сочетающиеся с феноменом *Anwesenheit*, имеют такие типичные для них признаки, как мимолетность, нечеткость и даже «обманчивость» их восприятия в виде теней, силуэтов, призраков, фигур с неясными очертаниями. Принципиально, что подобные зрительные обманы исчезают, если больной предпринимает попытку взглянуть в образы, что принципиально отличает их от галлюцинаторных феноменов при делирии. Из этого косвенно следует, что в основе их происхождения лежит определенная гипотония психических процессов, тогда как активация психической деятельности приводит к их устранению. Гаптические галлюцинации составляют третий компонент синдрома присутствия. Данный термин применяется для характеристики сложного обмана тактильного и общего чувства в виде ощущений охватывания, прикосновения, касания (М.И.Рыбальский, 1992). Больные в этих случаях предпочитали чаще говорить о каком-то ветерке, дуновении либо ауре (не путать с аурой при эпилептических припадках!). Таким образом, рудиментарность и незавершенность переживаний является основной характеристикой всех трех компонентов *Anwesenheit*, что позволяет рассматривать данный синдром как предвестник последующих развернутых психозов преимущественно галлюцинаторно-параноидной структуры.

Синдром Котара (Cotard) представляет также сравнительно редкий синдром-эпоним, который встречается преимущественно у пожилых женщин (после 60 лет). Данный синдром получил название в честь французского психиатра Cotard, описавшего его в 1880 г. и включившего его позднее, в 1891 г., в свою монографию *Maladies Cerebrales et Mentales*. Синдром относится к категории нозонеспецифических синдромов, он может встречаться как при эндогенных психозах (маниакально-депрессивный психоз, шизоаффективное расстройство, шизофрения), так и при органических поражениях головного мозга (прогрессивный паралич, сенильная деменция). Более того, фактору органичности в последнее время придают едва ли не основное значение при развитии данного синдрома. Главной и отличительной особенностью данного расстройства является нигилистический бред (бред отрицания) мегаломанического характера.

Развитие данного синдрома идет от аффекта выраженной психотической тревоги и депрессии к бреду отрицания окружающего мира и бреду субъективного отрицания. В легких случаях синдрома Cotard больные могут утверждать, что они стали несостоятельными в плане психической деятельности и потеряли способность чувствовать наряду с изменением окружающего мира и самих себя. Иначе говоря, речь в этих случаях идет о депрессивно-бредовой дереализации и деперсонализации, которая выступает своего рода сквозным симптомокомплексом в развитии данного синдрома. Деперсонализация и дереализация усугубляет проявления тревоги, которая становится все более выраженной, и на первый план выступают мегаломанические идеи самообвинения, переходящие в бред отрицания объективного мира и самого себя. На этом этапе могут встречаться жалобы на отсутствие работы внутренних органов, в том числе желудка, кишечника, сердца и т.д. На высоте развития синдрома на первый план выходят нигилистические бредовые идеи мегаломанического характера, когда больные высказывают совершенно нелепые идеи отрицания окружающего мира и себя и появляются бредовые идеи бессмертия. С нашей точки зрения, которая может показаться спорной, синдром Cotard представляет собой зеркальное отражение синдрома экспансивной парафрениии. И в том и в другом случае присутствуют нелепые фантастические идеи мегаломанического характера. Различие между синдромами состоит в характере ведущего аффекта: маниакально-экспансивный аффект при парафрениии, тревожно-депрессивный – при синдроме Cotard. В любом случае появление синдрома Cotard говорит о тяжести депрессивно-бредового синдрома, что требует неотложной интенсивной терапии не только антидепрессантами, но и препаратами антипсихотического ряда.

Жюль Котар, французский психиатр

Синдром Clerambault (эротоманический синдром, любовный бред). Синдром был впервые описан Clerambault в 1927 г. под названием *psychose passionnelle*. В последующем автор предложил называть это состояние эротоманией. Данный синдром – прерогатива больных исключительно женского пола. Больные высказывают бредовое убеждение, что известный и высокопоставленный мужчина

влюблен в них, оказывает им постоянно знаки внимания, признается в любви. Все поступки и действия мнимого любовника трактуются именно с этих позиций. В качестве «любовника», как правило, выступают высокопоставленные личности, деятели политики, литературы, искусства либо начальники больной, занимающие в социальном плане гораздо более высокое положение. Полагают, что когда психопатологическая картина синдрома ограничивается исключительно любовным бредом, то речь идет о так называемой первичной эротомании. Напротив, когда любовный бред представляет лишь

Г.Г. де Клерамбо

часть более общего параноидного синдрома, то речь идет о вторичной эротомании. Для первичной эротомании характерно хроническое многолетнее течение при отсутствии иллюзорной и галлюцинаторной симптоматики, т.е. можно говорить о типичном бредовом синдроме. К другим особенностям этого расстройства относится его внезапное начало и неблагоприятный прогноз, в том числе и прогноз эффективности терапии нейролептическими препаратами (Bhugra, Munro, 1997; D.Enoch, H.Ball, 2001). Вторичная эротомания, помимо собственно любовного бреда, содержит идеи отношения, преследования, воздействия и даже вербальные псевдогаллюцинации. В этих случаях правомернее вообще говорить не столько об эротоманическом синдроме, сколько о параноидном или галлюцинаторно-параноидном синдроме в рамках параноидной шизофрении. Интересно, что случаи вторичной эротомании гораздо лучше реагируют на терапию нейролептиками по сравнению с первичной эротоманией (Bhugra, Munro, 1997; D.Enoch, H.Ball, 2001). Иными словами, можно предположить, что первичная эротомания по существу представляет вариант паранойяльного синдрома и при ее наличии, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), правомерно выставлять диагноз бредового расстройства.

Синдром Инкуба (Raschka, 1979) представляет собой крайнюю степень эротоманического бреда и включает бредовые идеи сексуального воздействия со стороны мнимых любовников-мужчин во время сна. Данный синдром следует рассматривать как частное проявление общего галлюцинаторно-параноидного синдрома при ши-

зофрении. Иными словами, он представляет вариант вторичной эротомании. Синдром сравнительно неплохо реагирует на психофармакотерапию антипсихотическими препаратами, что лишний раз подчеркивает его вторичность.

Синдром Отелло представляет зеркальную противоположность эротомании как в смысле содержания бредовых переживаний, так и в плане встречаемости исключительно у лиц мужского пола (Bhugra, Munro, 1997; D.Epoch, H.Ball, 2001). Основное содержание синдрома сводится к бредовым идеям ревности и супружеской неверности. В психопатологическом плане данный синдром следует рассматривать в рамках интерпретативного систематизированного бреда, который является отличительной особенностью паранойяльного синдрома. Последний синдром наиболее часто встречается при параноидной форме шизофрении либо, если следовать МКБ-10, при хроническом бредовом расстройстве и при органических поражениях головного мозга. Данный синдром был хорошо известен большинству психиатров, которые описывали его под названиями «сексуальной ревности» (Краепелин, 1910); «эротической ревности» (Langfeldt, 1961); «болезненной ревности» (Еу, 1950; Shepherd, 1961). В последнее время большинство авторов говорят о «психотической ревности», «параноидной ревности» и «бредовой ревности» (D.Epoch, H.Ball, 2001). Подобно эротомании, синдром бредовой ревности плохо реагирует на терапию антипсихотическими препаратами (D.Epoch, H.Ball, 2001). Это лишний раз подтверждает, что в данном случае речь идет о паранойяльном синдроме, при котором рассчитывать на значительный успех терапии не следует, хотя в литературе указывалось на сравнительно неплохие результаты при применении нейрорептика пимозиды (D.Epoch, H.Ball, 2001).

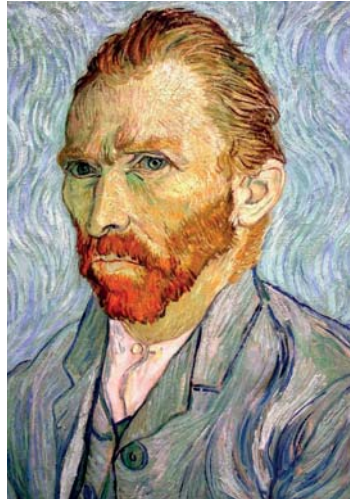
Синдром Эжбома (синдром бредового паразитоза) получил свое название в честь шведского невролога Эжбома, описавшего его в 1937 г. (Epoch, Ball, 1991). Данное состояние описывалось также в специальной литературе под ошибочными названиями зоофобии, паразитофобии, акарофобии. В последующем за данным синдромом закрепилось название «дерматозойный бред» (Skott, 1978). Расстройство может встречаться как в изолированном виде, так и быть частью более общего бредового синдрома. Согласно МКБ-10 синдром Эжбома следует диагностировать в рамках категории бредовых расстройств. Сущность синдрома сводится к бредовому убеждению больных, преимущественно женщин старше 40 лет, в заражении мелкими макроскопическими кожными паразитами (червями, насекомыми, членистоногими). Наряду с этим могут присутствовать и

другие психопатологические феномены: тактильные и зрительные галлюцинации, конфабуляции. При этом больные дают подробный отчет о своем «заболевании», демонстрируя участки «пораженной» кожи. Немаловажно, что во многих случаях дерматозойного бреда другие члены семьи индуцируются больной и возникает картина *folie à deux* (сумасшествие вдвоем), что наблюдается примерно в четверти всех случаев. Могут также наблюдаться случаи *folie à famille*, когда бредовые убеждения больной разделяет большинство членов семьи (Skott, 1978; Enoch, Ball, 1991). Органическому фактору придается немаловажное значение в генезе дерматозойного бреда, поскольку возникает у лиц пожилого и старческого возраста. Прогноз изолированного дерматозойного бреда менее благоприятен, чем прогноз случаев, где этот синдром является частью другого синдрома, например депрессивного. В последнем случае целесообразно начинать терапию с антидепрессантов. В случае первичного дерматозойного бреда предпринимались попытки применения нейролептика пимозида (Skott, 1978; Enoch, Ball, 1991), которые не привели к однозначным результатам, что косвенно также подтверждает принадлежность синдрома Экбома к категории бредового (параной-яльного) расстройства.

Синдром Ван Гога представляет также синдром-эпоним, названный так в честь великого голландского живописца, представителя постимпрессионизма – Винсента Ван Гога. Известно, что, будучи в психотическом состоянии, Ван Гог произвел аутотомию, отрезав себе часть уха. В данном контексте очевидно неправомерно рассматривать синдром Ван Гога как совершенно редкий и уникальный психопатологический феномен, поскольку он был хорошо известен психиатрам задолго до этого. Тем не менее в последнее время прослеживается тенденция называть подобные случаи аутотомии именно этим словосочетанием. В связи со сказанным возникает вопрос о психическом заболевании Ван Гога, хотя он так и не был решен окончательно. Известно, что он происходил из семьи с наследственной отягощенностью по эндогенным психозам. Брат художника Тео страдал депрессиями, а сестра Вильгельмина провела 30 лет в приюте для психически больных. Другой брат, Корнелиус, завершил жизнь суицидом. Полагают, что у Винсента Ван Гога было биполярное расстройство. В пользу этого говорит то, что он перенес несколько депрессивных фаз, которые чередовались с маниакальными состояниями, во время которых художник отличался необычайной плодовитостью. Наряду с этим наблюдались и явные психотические эпизоды, во время одного из которых художник отрезал

себе часть правого уха. При этом он полностью амнезировал этот эпизод, что может указывать на помрачение сознания. В возрасте 47 лет Ван Гог завершил жизнь суицидом. Наряду с диагнозом биполярного расстройства можно предполагать наличие и шизоаффективного расстройства, тем более что эти две категории не исключают друг друга. Вместе с тем данная точка зрения разделяется далеко не всеми исследователями. В качестве альтернативы высказывается предположение, что Ван Гог страдал височной эпилепсией. При этом в качестве обоснования этого диагноза ссылаются на такие личностные характеристики больных височной эпилепсией, как гиперграфия, чрезмерная религиозность, гипосексуальное поведение, периодически возникающая агрессивность, назойливость и склонность к выраженным аффективным реакциям. Данные признаки привлекли внимание неврологов и психиатров после классических описаний американского нейропсихиатра N.Geschwind (Blumer, 1999). Вместе с тем, исходя из этих особенностей, становится понятным, что они в какой-то степени перекрываются со многими характеристиками биполярного расстройства, что не позволяет принять безоговорочно ни одну из двух предложенных концепций. Здесь важно иметь в виду, что синдром Ван Гога не обладает нозологической специфичностью, а свидетельствует лишь о выраженных аутодеструктивных действиях психически больных. Поэтому расширительного применения этой терминологии следует избегать.

Синдром Стендаля представляет также яркий психопатологический феномен-эпоним, введенный в оборот итальянским психиатром G.Magherini в 1979 г. Работая психиатром во Флоренции, она обратила внимание на особые психопатологические состояния, возникающие у посетителей галереи Уффици в окружении объектов искусства. Они включали сердцебиения, головокружения, тахикардию, одышку, чувство страха, галлюцинации и танатофобию (страх смерти). Увидев аналогию между этими переживаниями и аналогичной симптоматикой, которая возникала при посещении музеев Флоренции у Стендаля, Magherini предложила в качестве названия

Винсент Ван Гог

этот термин. С нашей точки зрения, перечисленная симптоматика в феноменологическом плане не представляет что-то новое, а хорошо укладывается в картину панических атак, возникающих при посещении музеев и исторических памятников. Иными словами, речь идет о провоцируемых панических атаках. Тем не менее данное название прочно закрепилось за описанными состояниями. Иерусалимский синдром представляет похожее на синдром Стендаля в плане возникновения в определенных условиях состояние. Сущность данного синдрома заключается в возникновении у паломников, посетивших святыне места в Иерусалиме, психотического состояния (Barel и соавт., 2000). Интересно, что это состояние возникает у представителей разных религиозных конфессий. Оно характеризуется выраженным возбуждением с аффектом экстаза, религиозным бредом, идеями величия. При этом больные начинают утверждать, что они наделены божественной силой и на них возложена особая пророческая сила по спасению мира. Иными словами, в данном случае можно говорить о возникновении острого психоза, имеющего структуру экспансивной парафрении, в чем и состоит его принципиальное отличие от синдрома Стендаля. Немаловажно, что литературные данные действительно говорят о том, что Иерусалимский синдром не является чем-то новым для больных, а представляет собой лишь очередной приступ шизофрении, которой больные страдали и до этого (Kalian, Witztum, 1999; 2000). Это попросту говорит о необоснованности выделения Иерусалимского синдрома в самостоятельную психопатологическую категорию. Переходя к обсуждению рассмотренных проблем, следует вспомнить сентенцию, получившую название «лезвие Оккама». Значение этого принципа для науки переоценить трудно, поскольку с его помощью отсекаются все малопригодные возможности при объяснении сложных и неоднозначных явлений. Мы, в свою очередь, также сочли возможным сослаться на этот принцип, поскольку полагаем, что необоснованное и произвольное введение в оборот новой психиатрической терминологии, в частности синдромов-эпонимов, кроме усложнения и путаницы, не приведет ни к чему новому. Более того, за каждым синдромом-эпонимом, каким бы ярким он ни был, скрывается хорошо известный психопатологический синдром, и основная задача врача-психиатра заключается как раз в его своевременном выявлении и квалификации, что позволит осуществить правильную диагностику и оценить прогноз заболевания. Иными словами, знание основных категорий синдромов-эпонимов не освобождает врача от знания основных принципов общей психопатологии.

О МУЗЫКЕ

П.В. МОРОЗОВ. «БОЛЯЩИЙ ДУХ ВРАЧУЕТ ПЕСНОПЕНЬЕ...»

Дневник психиатра. 2014; 02: 23-24

Если я, вместо того чтобы оперировать, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха.

М.А.Булгаков «Собачье сердце»

Лишь только первый грузовик, качнувшись в воротах, выехал в переулок, служащие, стоящие на платформе и держащие друга друга за плечи, раскрыли рты, и весь переулок огласился популярной песней. Второй грузовик подхватил, а за ним и третий. Так и поехали. <...> Ехали, действительно, за город, но только не на экскурсию, а в клинику профессора Стравинского.

М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»

Песня, как известно, строить и жить помогает. Правда, в тех случаях, когда она не подменяет стройку или саму жизнь.

В последние годы стали появляться так называемые гимны психиатров. Сначала в Смоленске, затем в Екатеринбурге и Омске. Дело, безусловно, хорошее, несмотря на усиленные попытки разного рода журналистов постебаться над данными инициативами. Уже неизвестный Андрей Малахов заставил исполнить часть смоленского гимна психиатров с соответствующими едкими комментариями. Передача называлась «Большая стирка». Гимн Свердловской психиатрической больницы спели в проекте «Прожекторперисхилтон», потешаются над гимнами психиатров и в Интернете, причем делают это все кому не лень.

Интересно, что к гимну Омской психиатрической больницы внимания поменьше, да и откровенного стеба я не нашел. Может быть, дело в самих гимнах? И действительно, изучив музыку и тексты, прослушав внимательно исполнения, я пришел к выводу, что омский гимн звучит наиболее профессионально со всех точек зрения: и качества музыки, и текста, и весьма неплохого вокала.

ГИМН КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ИМ. Н.Н.СОЛОДНИКОВА

*Бывает так, что душам нелегко,
И люди в жизни цель порой теряют,
И вернуть им радость и покой
Тогда больница наша помогает.*

Припев:

*Мы всякому поможем всей душой,
Кто к нам придет за помощью, все вместе.
Пусть пациентам будет хорошо –
Всегда звучит девизом нашей чести.*

*В ней трудятся медсестры и врачи,
Чтоб пациентов возродились души,
И будет можно все же излечить,
Болезни червоточину разрушить.*

Припев.

*Да здравствует сей благодатный труд,
Да здравствуют священные стремленья,
Что многим людям пользу принесут
В отмеренные свыше нам мгновенья.*

Любопытно, что авторы этого гимна анонимны, их имена неизвестны (я не нашел, увы). Правда, утверждается, что создатели являются нашими пациентами, по другим данным, они имеют отношение к местному ТЮЗу. Да и сам гимн похож на собственно гимн, потому что гимн Свердловской психбольницы (авторы Д.Медведев – М.Перцель) больше напоминает студенческо-туристическую песню с соответствующим текстом.

*Ты помнишь славный день, когда
Открыла дверь перед тобою
СОКПБ, чтоб навсегда
Стать и надеждой, и судьбою.*

*Пройдя сквозь строй суровых дней,
Года застоя, перестройку,
Здоровье в душах у людей
Больница охраняла стойко.*

*Пусть год пройдет иль много лет,
В любви к работе время мчится.
Мы дали верности обет
Психиатрической больнице.*

*Идет ли дождь, печет ли зной,
Или метель в окно стучится –
Крепим мы славу областной
Психиатрической больницы.*

*Пусть современный мир суров
И снова вызовы бросает,
Уменья наших докторов
Он этим только умножает.*

*Запомни славный день, когда
Открыла дверь перед тобою
СОКПБ, чтоб навсегда
Заполнить жизнь твою собою.*

*И санитар совсем седой,
И молодая медсестрица
Верны Свердловской областной Психиатрической больнице.*

*Забудь про лень и покой,
Верстая новые страницы
Судьбы Свердловской областной
Психиатрической больницы.*

*Пусть год пройдет иль много лет,
В любви к работе время мчится.
Мы дали верности обет
Психиатрической больнице!*

Непритязательные рифмы вроде «сестрица–больница» спровоцировали ряд подражаний и даже пародий, что, впрочем, совсем неплохо.

*(Профессор, может, я больной?
Ведь по ночам мне часто снится,
Что все живем мы в областной
Психиатрической больнице.*

*Укол квадратно-гнездовой
Аминазина в ягодицы
Получит каждый в областной
Психиатрической больнице.)*

Узнаваемость и популярность свидетельствуют о том, что гимн психбольницы становится народной песней. Больное общество процирует ютьюбик с небольшой сумасшедшинкой.

Особняком стоит «Гимн психиатров РОП» (В.Дятлов – идея, В.Василенок – текст, Е.Новицкий – музыка), а именно так он заявлен, хотя, как я слышал, в официальном признании ему было отказано.

Женю Новицкого я знаю со студенческих лет. Великолепный музыкант и прекрасный певец, он неизменно оставался любимцем аудитории в течение многих лет. Помимо выразительности и музыкальности его всегда отличало чувство меры и вкуса. Тем более странно, что он взялся петь текст следующего содержания:

*Друзья мои, равнение на знамя,
Что дарит милосердия искру.*

Нет такого слова в русском языке – «искра́», есть «искра». На шаферском сленге можно услышать: «искра́ в землю ушла». Но милосердия – искра, друзья мои... искра.

Психиатрия не профессия, оказывается, а лишь «ремесло», пусть «высокое». ...Хм, ...ну-ну..., «гимн психиатров», говорите? Поется все торжественно, с пафосом, вполне серьезно.

Идем дальше. Психиатрия, согласно авторам гимна, «ремесло высокое в миру». То есть выходит, психиатры вообще-то – священники, а в свободное от основной работы время, в миру подрабатывают ремеслом высоким – психиатрией.

Несуразица очевидна. «Пусть души не болят на этом свете». Выходит, на том свете – пусть болят, пусть грешники мучаются. И добивает слушателей следующая строка:

«Мы присягаем верностью Психее».

Любопытно. Ведь присягают обычно «на верность». Я не сомневаюсь ни на минуту в честности и искренности создателей гимна психиатров, но выясняется, что авторы просто плохо знают русский язык и поэтому не умеют выражать на нем свои мысли. Жаль, что столько усилий потрачено впустую (оркестр, аранжировка, запись). Недавно Евгений Новицкий сообщил, что собирается корректировать текст и осуществить перезапись. Что ж, лучше поздно...

На костромской школе молодых ученых, организованной НЦПЗ и проходящей под эгидой РОП, данный гимн решили исполнить перед руководителем мероприятия – академиком А.С.Тигановым, человеком не только высочайшей музыкальной культуры, но и обладающим тонким художественным вкусом и слывающим знатоком поэзии. Представляю себе его реакцию на «искру», «ремесло» и «присягание верностью»... Иначе как конфузом для НЦПЗ это не назовешь, а ведь их молодежь претендует на некую элитарность.

Для вящей убедительности и не вникая особенно в суть, корявый текст был размножен и роздан участникам академической школы молодых специалистов в области психического здоровья, проходившей в Костроме. Видимо, когда молодежи неясен сам предмет обучения (его относят к ремеслу), – переходят, согласно Булгакову, к хорошему пению.

Евгений Баратынский писал:

*Болящий дух врачует песнопенье,
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.*

П.В. МОРОЗОВ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Будучи в Минске зашли в костел и я сразу увидел Её, узнал. Хотя это и была прекрасно выполненная копия.

Расскажу историю, похожую на рождественскую сказку.

Я как -то публиковал здесь своё исследование «Загадка читающей мадонны», теперь пушкинская тема «жил на свете рыцарь бедный» неожиданно вновь получила развитие...

Черная Мадонна Ченстоховская

50 лет назад я открыл для себя «Анну-Марию» Северина Краевского, тут же перевёл текст и с тех пор не расстаюсь с этой песней-исповедью, песней-молитвой. Наряду с “Yesterday” Beatles и “Lady Jane” Rolling’ov она является ярким примером стиля барокко-рок, по всем опросам «Анна-Мария»-№1 у «Червоных гитар».

По швейцарскому свидетельству о рождении дочь носит именно это имя, оно же красуется на фронтоне моего дома.

1 ноября 1969 года на премьере своей программы «Анафема» наш «Камертон» даже спел «Анну-Марию» а капелла, на церковный манер, как поют псалмы. Эпатажная была у нас группа, при всей её кажущейся «благонадёжности», но интуитивно мы это прочувствовали, хотя и с некоторыми обрядовыми русскими песнями связь также прослеживалась.

Много лет фаны «ЧГ» спорят, кто же такая была Анна-Мария. То ли дикторша катовицкого ТВ, которую родители увезли от Северина в США, недавно один журналист поведал о прощании навек на аэродроме с некоей моделью, улетевшей навсегда в Милан (эту историю он доверил когда-то автору текста К.Дзиковскому). Сам Краевский всегда хранил молчание...

Помнится меня поразил один из комментариев к этой песне: «она как будто

бы обращена к манекену, стоящей за стеклом, или даже к статуе ...» Правда, у Краевского есть такой сюжет в одном клипе, но к другой песне.

И тут я наталкиваюсь на совершенно неожиданное объяснение, данное недавно одним ксёндзом. Представьте себе: песня написана, должна идти в эфир, текст приносят коммунистическому цензору. Тот читает название песни, посвященной некоей Марии: «PANNA MARIA», что можно интерпретировать как «Госпожа Мария» или ...Мадонна!

Утверждается, что речь шла о Черной Мадонне, Королеве Польши, Божьей Матери Ченстоховской (одинаково почитаемой православными и католиками; кстати, мать Краевского, Татьяна-русская). По преданию, привезённая на Русь византийская икона была написана евангелистом Лукой, позже попала в Польшу.

Цензор в замешательстве (дело происходит в католической Польше), предлагает убрать первую букву в названии и превратить песню-молитву в песню о несчастной любви.

Так рождается «Анна-Мария».

Но Северин Краевский пел её как «Аве Мария».

Потому что любовь-это благодать.

Червоны Гитары

П.В. МОРОЗОВ. «ЛЕДИ Д'АРБАНВИЛЛЬ».

Некоторые песни стоят того, чтобы о них напомнили, историю одной такой композиции из моей юности, песни полувековой давности – «Анна-Мария», я уже как-то рассказывал здесь. Вспомню еще об одном произведении-«юбиларе».

Перед Новым годом мне позвонил молодой коллега-психиатр, талантливый музыкант, действующий исполнитель и автор. Разговорились о проблемах творчества, вдохновении, его источниках, жизненных ситуациях, влияющих на такие минуты. В контексте его рассказа я вспомнил Кэта Стивенса и его песню «Леди д'Арбанвилль», одну из лучших песен XX века, созданную ровно 50 лет назад. Удивительно, но мой собеседник, человек знающий и любящий музыку, даже не слышал этого имени (60 миллионов проданных дисков в эпоху Битлз!). Я переслал ему ссылку на клип, а также рассказал о романтической и немного печальной истории создания этого шедевра. Заодно поделюсь и с вами.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Lady D'Arbanville — песня британского автора-исполнителя Кэта Стивенса из альбома *Mona Bone Jakon* (1970), адресованная (как своего рода музыкальная эпитафия) модели и актрисе Патти Д'Арбанвилль.

Сингл «Lady D'Arbanville» стал первым релизом Кэта Стивенса; он вышел в апреле 1970 года и вошел в топ-тен UK Singles Chart. Кэт Стивенс- автор песен и мультиинструменталист, в 1970-х годах продавший 60 миллионов копий альбомов, два из которых стали трижды платиновыми в США.

После завершения работы над вторым альбомом Кэт Стивенс тяжело заболел: у него начался туберкулез, отказало легкое, и остаток 1967 года он вынужден был провести в больнице

В дни, когда курс лечения уже заканчивался, Кэт Стивенс посетил вечеринку с участием многих известных в Лондоне музыкантов (в их числе были Джимми Пэйдж, Мик Джаггер, Эрик Клэптон). Среди приглашённых была юная американка, только начавшая карьеру модели, Патти Д'Арбанвилль.

Между нею и Кэтом Стивенсом начался роман, продолжавшийся более года. Патти останавливалась у него каждый раз, когда прилетала в Лондон, но виделись они нечасто: она то и дело вылетала работать в Париж и Нью-Йорк. По прошествии года Стивенс, судя по

Патти д'Арбанвилль и Кэт Стивенс

всему, стал гораздо серьезнее воспринимать эти отношения, чем Патти.

Песню «Lady D'Arbanville» сама её героиня впервые услышала по радио, по пути в Нью-Йорк. Она говорила, что была ошеломлена песней-посланием, в котором певец обращался к ней как к умершей. Патти утверждала позже, что формального разрыва между ними не было, и очередную разлуку она считала лишь временной. Патти д'Арбанвилль в беседе с Interview Magazine говорила:

«Стивен написал эту песню... когда я отправилась в Нью-Йорк.

Я уехала на месяц, это же не был конец света, правда?

Но он написал — «Леди Д'Арбанвилль, отчего ты спишь так тихо».

Эта песня — об умершей. То есть, пока я была в Нью-Йорке, для него я словно бы лежала в гробу. Он написал это потому что тосковал обо мне, ему было плохо... Это печальная песня».

«Я заплакала, когда услышала её, потому что поняла: между нами навсегда все кончено», — позже говорила она.

В песне можно угадать сложные ассоциации с «Тэсс из рода д'Эб-рервиллей» Томас Харди и с «Аннабель Ли» Эдгара По. (Кстати, примерно также звучит и девичья фамилия...Инессы Арман-д'Эрбанвилль!).

Патти Д'Арбанвилль начала свою карьеру в 17 лет под руководством Энди Уорхола в фильме «Плоть». С 1968 по 1970 год она была подругой Кэта Стивенса и вдохновляла его в *Lady d'Arbanville* и *Wild World*, еще один мировой хит, перепетый многими.

Она свободно говорила по-французски и снялась во Франции во многих фильмах, таких как «*La Maison*» с Мишелем Симоном или «*Sois belle et tais-toi*».

Далее играла в успешных комедиях, («Что, ты не хочешь?» (1979), где она появляется рядом с Барбарой Стрейзанд, Райаном О'Нилом, а позже вместе с Робертом Де Ниро в триллере «Вентилятор» (1996).

Патти была замужем трижды: за французским актером Р. Мире-моном, с 1975 по 1980 год, за С. Карри, и, с 1993 по 2000 год - за Т. Куинном, от которого у нее было трое детей. От актера Дона Джонсона у нее также был сын Джесси У. Джонсон, который также стал актером.

Кэт Стивенс, псевдоним Стивена Деметра Георгиу, британского певца кипрского происхождения, музыканта и автора песен (родился в 1948 году в Лондоне). После большого успеха в 1970-х годах он принял ислам в 1977 году и взял имя Юсуф Ислам. Певец отказался от музыки, чтобы посвятить себя различной благотворительной деятельности. В США его подозревали в связях с террористами, а фонд Горбачева наградил его «Премией Мира». Однако Кэт вновь вернулся на сцену в 2006 году (после 26-летнего перерыва), в 2010 году выпустил альбом и начал международное турне. Жена певца ревновала его к этой песне и прошлой любви, ему даже пришлось написать новый текст («Ангел войны») и изменить аранжировку.

В середине 70-х вокалист британской группы Uriah Heep Дэвид Байрон записал кавер-версию этой песни, ее пел Элтон Джон, песня переведена на многие языки, звучала на итальянском (Джиньола Чикветти), французскую версию пела с успехом Далида.

Перевод песни Lady d'Arbanville из репертуара Кэта Стивенса

*О, леди д'Арбанвилль, как долог этот сон?
Проснешься завтра утром –
Скажу, как я влюблен, скажу, как я влюблен.*

*О, леди д'Арбанвилль, зачем горюю я?
Не бьется твое сердце
И нет в тебе дыхания, и нет дыхания.*

*О, леди д'Арбанвилль, ну почему ты спишь?
Проснешься завтра утром –
За все меня простишь, за все меня простишь.*

*О, леди д'Арбанвилль, как ночь ты холодна.
А губы как предзимье,
На коже белизна, на коже белизна.*

*О, леди д'Арбанвилль, ты очень тихо спишь?
Проснешься завтра утром...
Так почему молчишь, ты почему молчишь?*

*О, леди д'Арбанвилль, о как печалюсь я?
Не бьется твое сердце
И нет в тебе дыхания, и нет дыхания.*

*Я полюбил вас, леди – в одной земле лежать,
А розам на могиле
Вовек не умирать, вовек не умирать.*

П.В. МОРОЗОВ. «МОЙ СВЕТ, ЛЕДИ ДЖЕЙН».

(Key words: об одной старой, но очень красивой песне, наркотиках, любви, музе, суицидах, живописи, синдроме Мюнхгаузена, кино, психиатрии, истории, причудах времени и ...карантина)

В начале июля, в годовщину гибели Брайана Джонса (Brian Jones), вспоминали основателя группы «Роллинг Стоунз», этого блестящего музыканта – мульти-инструменталиста. Считается, что известная баллада этой группы, «Леди Джейн», написанная в стиле барокко-рок (Брайан играет там на дульци-

Портрет леди Джейн Сеймур кисти Ганса Гольбейна

мере), повествует о леди Джейн Сеймур и основана на письмах к ней короля Генриха VIII. В песне также упоминаются Анна Болейн (lady Anne) и её сестра Мэри (Mary) (помните фильм «Ещё одна из рода Болейн» с Скарлетт Йоханссон и Натали Портман?). В оригинале каждой из трёх женщин посвящён свой куплет. «Для меня “Lady Jane” очень елизаветинская. В Англии есть несколько мест, где люди всё ещё так говорят – на таком старом английском» — вспоминал гитарист и композитор Кит Ричардс, а автор слов Мик Джаггер говорил, что «это в полной мере какая-то странная песня. Я и сам на самом деле не знаю, о чём она вообще.

Все имена исторические, но я совершенно не задумывался, могут ли они стоять рядом в одной и той же эпохе.» Подтекст песни состоит в том, что все эти женские имена в молодежном английском сленге также имеют значение «марихуана», а само сочетание слов «Леди Джейн» и того хуже, несёт весьма вульгарный смысл...Видимо поэтому, Джаггер, исполняя песню, был циничен, и даже чуть насмешлив. Судьба героини баллады печальна: леди Джейн вышла замуж за короля Генриха VIII, который перед этим казнил предыдущую жену — Анну Болейн, но умерла в родах, подарив королю наследника престола. Роль леди Джейн в исторических фильмах играла

Джейн Эшер и Пол Маккартни

Джейн Эшер (дочь известного английского эндокринолога и психиатра, описавшего в 1951 году синдром Мюнхгаузена), муза Пола Маккартни, а также Анабелла Уиллис.

Джейн Эшер, муза Пола Маккартни... Они были даже помолвлены, а Пол посвятил Джейн ряд своих песен периода «Битлз»: “And I love her”, “I’m looking through you”, “Here, there and everywhere”. Пара расстались из-за того, что Джейн хотела стать актрисой, а битл желал видеть в ней домохозяйку. Пол долго жил в доме Эшеров, знал ее известного отца-психиатра. Так совпало, что вскоре после расставания молодых, учёный покончил с собой. Джейн стала известной актрисой, много снимается, играла, в частности, в одном из фильмов в роли леди Джейн Сеймур, жены короля. Она успешно вышла замуж, родила троих детей. Ныне возглавляет свой фонд по борьбе с детским аутизмом.

И О ПСИХИАТРИИ

ТОТ, КТО, ОБРАЩАЯСЬ К СТАРОМУ, СПОСОБЕН ОТКРЫВАТЬ НОВОЕ, ДОСТОИН БЫТЬ УЧИТЕЛЕМ. КОНФУЦИЙ.

Дневник психиатра. 2016; 04: 1-6

– Это наше с Вами второе интервью, теперь по случаю юбилея и получения Вами национальной премии «Гармония» «За вклад в науку, образование и просвещение». О Вас персонально хочется поговорить чуть больше. Итак, Петр Викторович Морозов – доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии факультета повышения постдипломного образования Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И.Пирогова, член правления и региональный представитель по Восточноевропейскому региону Всемирной психиатрической ассоциации (WPA), член Совета Европейской психиатрической ассоциации, эксперт Совета Европы, посол Европейской коллегии нейропсихофармакологов в России, вице-президент Российского общества психиатров, издатель, основатель и главный редактор журналов «Психиатрия и психофармакотерапия. (Журнал им. П.Б.Ганнушкина)», «Дневник психиатра», награжденный в 2014 г. медалью Крепелина– Альцгеймера Мюнхенского университета «За большой вклад в науку и за лечение больных». Все правильно?

– Да, верно.

– Петр Викторович, интервью это юбилейное, у Вас в декабре круглая дата. Давайте взглянем немного назад. Темп жизни у Вас бешеный, в прошлом году Вы налетали более 75 тыс. миль, выступили со многими докладами и лекциями, участвовали в конгрессах и симпозиумах. При этом выпускали журналы и газеты, работали с молодыми учеными. Поймать Вас трудно, не хотите передохнуть?

– «Попридержи коней, поговорим»? Хочу, очень хочу. А семья – так просто требует. Попробую...

– У Вас очень разнообразная и насыщенная жизнь, Вы многого достигли. Вопрос неожиданный для начала: а что сделать не удалось, о чем жалеете?

– Да, такие вопросы мобилизуют. Очень многого не достиг! Сожалею о том, что не выпустил монографию по итогам своей работы во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), там, в частности,

много интересных и достаточно точных предсказаний о развитии психиатрии. Пришлось прервать в связи с командировкой работу над своей первой докторской о психастении и навязчивостях, хотя 11 работ было опубликовано; жалею, что не удалось развить исследования, начатые нами с А.Н.Краснянским о впервые описанном так называемом афганском синдроме. Очень жалею, что не получил музыкального образования, лежит «под сукном» оригинальный телевизионный сценарий, так и не поставили мою вторую рок-оперу «Сердце», ждет своего часа сборник сонетов. И еще жалею, что детей у меня лишь двое.

– Ну, внуки скоро будут, и на остальное еще есть время.

– Время есть, но что-то упущено безвозвратно. Последнее время занялся генеалогией своей семьи, по отцовской линии дошел до 1455 г., по материнской – до 1762 г. Как хотелось бы спросить ушедших близких о прошедшем, но увы – «течет неумолимо время». Дерево семьи я все же построил – это нужно последующим поколениям.

– О ком из своих предков Вы хотели бы упомянуть?

– Вы рискуете... – я увлекусь. Корни древнего рода Карякиных (бабушка по отцу была оттуда) – на Владимирской земле, дворянство им было пожаловано за оборону Юрьева-Польского от поляков. Позже двое служили в Преображенском полку, а другой уланом прошел всю кампанию против Наполеона, брал Париж, в «битве народов» под Лейпцигом получил четыре сабельных удара, но остался в строю. История Толстовых (по маме) оказалась очень актуальной: Иван Анисимович был сотенным атаманом Миргородского полка Запорожской Сечи, после упразднения которой получил в качестве компенсации дворянство и земли в Крыму. Там он «умыкнул» татарскую княжну, а их сын Константин благодаря вакуфу (фонду) матери стал, будучи православным, секретарем Таврического магаметанского правления. И все в мире жили. Петр Николаевич Толстов, мой двоюродный дед, врач, эсер, член Учредительного собрания, был исключен из Московского университета за участие в революционном движении, диплом получил за границей. Кстати, и мой дед – вирусолог М.А.Морозов тоже был исключен из университета и сослан в Воронеж под надзор полиции. Подписали это решение печально знаменитые Трепов и Зубатов.

Не могу не упомянуть еще об одном своем предке – Н.С.Булгакове, служившем в походах при ставке самого А.В.Суворова. В его аттестации, подписанной любимцем генералиссимуса полковником Ребиндером, сказано, что он отличался особой храбростью, «среди охотников (добровольцев) был всегда впереди всех».

– Это целая сага. Бываете на земле предков?

– После Суздальских школ стараюсь посетить Карякино, Лемешки, Михалково. Недавно в Крым ездил, под Джанкоем нашел имение прадеда Тархан-Сунак. В Воронеж ездил на открытие музея медицины – там деда вспоминали, отчий дом увидел. Часто вдвоем с сыном отправляемся по суворовским местам, посетили концлагерь Штукенброк, где сидел мой отец.

– Да, история одной семьи и история народа... Вопрос о путях развития психиатрии: какие наиболее актуальные проблемы сейчас Вы видите?

– Одну из проблем я вижу в том, что психиатрию захлестнула волна стандартизаций, пришедшая в свое время со стороны английской психиатрии, которая стала родоначальницей шкалирования. В середине прошлого века вышла американская *Diagnosical and Statistical Manual (DSM)*, в 2013 г. мы получили ее пятую редакцию; в 1992 г. создана V глава Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), на подходе соответствующая глава МКБ-11. В Америке первым начал вкладывать в психиатрию большие деньги президент Джон Кеннеди, чья сестра была психически больна: сначала стали готовить ежегодные отчеты о психическом здоровье нации, затем средства потекли в саму психиатрическую науку, что вылилось в создание DSM. Изначально стандартизация была, безусловно, полезна, прогрессивна, став попыткой объективизации состояния психического расстройства с помощью определенных шкал, вопросов, необходимых для исследований. Но в результате минусов оказалось больше, чем плюсов, о чем сейчас говорят ведущие психиатры по обе стороны океана. Критерии DSM, несмотря на многоосевость, не дают всесторонней характеристики расстройства, они весьма ограничены, настоящий сбор анамнеза заменен опросником, диагностика непригодна для исследований в силу ее недостаточной обоснованности. Главная беда в том, что за этими, как я говорю, «крестиками-ноликами» перестают видеть пациента – личность человека (это, кстати, признают и сами американцы), теряется основа психиатрии – клиническая школа (поэтому сейчас особенно важно направлять молодых специалистов, объяснять буквально на пальцах, зачем им нужно знать общую психопатологию). Когда мы в разговоре с американскими, британскими коллегами, выросшими на этих «крестиках-ноликах», касаемся каких-то клинических вопросов, то упираемся в стену абсолютного непонимания. Налицо психологизация, которую ведущий швейцарский психиатр Ю.Ангст называет главной опасностью клинической психиатрии.

И хотя DSM на сегодняшний день остается очень влиятельной, в прямую научную конфронтацию с ее очередной (DSM-5) редакцией, разработанной Американской психиатрической ассоциацией, вошел американский же Национальный институт психического здоровья, развивающий альтернативное исследование, а европейцы так и во-все называют DSM «психиатрией Макдональдса».

Психологизация психиатрии выражается и в неконтролируемом приеме психотропных препаратов (в основном антидепрессантов), инспирируемом фармацевтическими компаниями, которые призывают «заедать» таблетками любые естественные эмоциональные реакции – будь то горе от потери близкого или недовольство отношениями с супругом. В некоторых странах об этой проблеме уже просто «вопят»! К примеру, на улицах Парижа я видел рекламные стенды с надписью: «Мы больше всех в мире принимаем психотропные препараты!»

Говоря о кризисе в психиатрии, не могу не сказать о деинституализации (т.е. переводе пациентов в амбулаторную сферу), также начавшейся в Америке во времена Кеннеди. Сама по себе идея хороша, тенденция приняла общемировой характер и, как вы знаете, сейчас активно внедряется и в России (у нас, правда, это делается не столь масштабно, соблюдается «золотая середина»). Но что получилось в США, где число коечного фонда сократилось с 700 тыс. (1960 г.) до 90 тыс. (2011 г.)? Мы видим увеличение количества бездомных больных и, что самое прискорбное, увеличение числа психически больных с подтвержденным диагнозом, находящихся в тюрьмах страны (от 600 тыс. до 1 млн на 2 млн заключенных). Да, они там получают лечение, но тем не менее находятся в тюрьме. Ту же картину наблюдаем в Великобритании: закрыто несколько десятков психиатрических больниц, но открыто 26 новых тюрем (при этом парадокс: тюрьмы обходятся государству дороже). И здесь мы вправе говорить скорее о больном обществе, чем о кризисе психиатрии как науки.

– Все это звучит довольно пессимистично.

– И все же следует смотреть в будущее с оптимизмом. Как говорит один из старейших психиатров планеты, бывший президент WPA Пьер Пишо, написавший не одну блестящую монографию по истории психиатрии, «настоящий кризис – всего лишь еще один транзитный период в истории психиатрии». Ему вторит не менее известный детский психиатр из Израиля Л.Айзенберг: «Психиатрия сегодня остается единственной медицинской дисциплиной с настойчивым интересом к пациенту как к личности, особенно в эпоху растущих и доминирующих медицинских подспециальностей, изучаю-

щих лишь отдельные параметры человеческого тела». Все это все-ляет в нас уверенность в том, что психиатрия успешно преодолет настоящий кризис.

– Каким Вы видите дальнейшее развитие психиатрии?

– Я очень надеюсь на эпигенетику – науку, появившуюся относительно недавно и утверждающую влияние на человека и его потомков средовых факторов (под средовыми здесь понимаются не только психосоциальные, но прежде всего биологические факторы). Наследование по механизмам эпигенетики определяется не только известными всем факторами наследственности (ДНК и РНК), но и их ближайшим окружением, некоей группой влияния, которая надстраивается к ним снаружи (приставка «эпи» означает «в дополнение», «над») и значительно влияет на судьбу генетической информации не одного поколения живых существ.

Мой дед с отцом еще в 1950-е годы написали работу о вирусной этиологии шизофрении (хотя они не были первооткрывателями – до них подобные идеи высказывали итальянцы). На том этапе развития науки это было достаточно неубедительно. Но, по моему глубокому убеждению, за этим будущее. Я сам – не экспериментатор, не кабинетный ученый, скорее просветитель, менеджер от науки. Поэтому еще в 1981 г., начав работать в ВОЗ, собрал на одном симпозиуме ведущих психиатров и вирусологов из Финляндии, Британии, Чехословакии, США. Спустя год они снова собрались на симпозиуме в Бельгии. Затем в Канаде был организован международный конгресс под эгидой Ассоциации сравнительной вирусологии, на который съехались иммунологи, вирусологи, психиатры. И там впервые выступил Стэнли Прузинер, человек, открывший прионы и впоследствии, в 1996 г., получивший за это открытие Нобелевскую премию. Две книги на эту тему (вирусы и психическое здоровье) при моем участии и под моей редакцией вышли на Западе в крупнейших медицинских издательствах. Прионы – это вирусоподобные инфекционные частицы, вызывающие тяжелые заболевания центральной нервной системы у человека и ряда высших животных. Они лежат в основе механизма коровьего бешенства, или губчатой энцефалопатии, которая буквально съедает мозг, и человек (или животное) погибает – это заболевание с длительным инкубационным периодом, измеряемым годами (так называемая медленная инфекция). Прямое отношения к психиатрии это вроде бы и не имеет, но патогенез, на мой взгляд, очень близкий. Или другое заболевание, которым поражаются целые семьи, – смертельная семейная бессонница, также

возникающая в результате модификации некоего гена за счет его вероятной прионизации.

Поделюсь еще одним интересным фактом. Давно известно, что страдающие эндогенными заболеваниями, в том числе шизофренией, чаще рождаются в холодные месяцы, причем это правило существует как для Северного, так и для Южного полушарий. Обычно это связывают с сезонными инфекционными простудными заболеваниями (острые респираторные вирусные инфекции, острые респираторные заболевания), которые поражают плод перед его появлением на свет. В этой связи следует обратить внимание на опыты противовоспалительной терапии шизофрении и большой депрессии последних лет. Вполне возможно, что противовоспалительная терапия эффективна при психических расстройствах. Конечно же, подобные результаты носят предварительный характер, однако само направление исследований представляется достаточно перспективным.

По данным последних исследований, целых 8% человеческого генома происходит не от наших предков, а от привнесенных извне ретровирусов, в том числе и не принадлежащих нашему виду, например борнавируса.

Американский исследователь С.Фешот считает, что такие случаи заражения популяций с последующим наследованием части генома вируса могут служить источником мутаций в мозге, приводящих к самым различным последствиям (как положительным, так и отрицательным) для вида в целом, а также считает возможной связь между внедрением миллионы лет назад борнавируса в ДНК человека и таким заболеванием, как шизофрения. Итак, эпигенетика включает в себя две концепции: наследственный фактор психического заболевания и влияние внешней среды на разных этапах развития вплоть до внутриутробного (в школе Снежневского, кстати, звучал такой термин: «внутриутробный приступ шизофрении»). Когда классическая генетика, открывшая и расшифровавшая геном человека, не приблизила нас к выяснению причин эндогенных заболеваний, не продвинула в понимании механизмов их возникновения, эстафету подхватила новая наука. С ее помощью можно объединить генетический и инфекционные подходы к проблемам изучения этиологии и патогенеза психических болезней, уяснить роль прионов и вирусов.

Так что прорыв в психиатрии, по моему мнению, следует ждать с этой стороны. Причем решать проблему будут не психиатры, а молекулярные биологи, генетики, которые откроют то, что психиатрам недоступно просто потому, что наши инструменты нам этого не поз-

воляют. Но, как бы то ни было, всегда надо помнить, что каждый человек индивидуален, его душа неповторима... И есть какие-то высшие материи, которые нельзя измерить алгеброй, расчленить на атомы, поэтому, наверное, до последнего психиатры все равно души будут лечить словом. Одна из сентенций Гиппократ гласит: «Жизнь коротка, искусство долговечно». Но мало кто знает, что Гиппократ имел в виду искусство врачевания. Тут можно провести параллель с шахматами. Помните, велся вечный спор, что такое игра в шахматы – искусство, наука? И только когда компьютер научился обыгрывать чемпиона мира, спор прекратился – сразу стало скучно, сразу это перестало быть искусством. Вот пока мы в медицине такого уровня не достигли, врачевание будет оставаться искусством. Особенно врачевание души.

– Петр Викторович, насколько мне известно, Вы не первый в Вашей семье, кто занялся «искусством врачевания». И вообще, в Вашем случае, наверное, уже можно говорить о сложившейся медицинской династии...

– Наверное. Мой сын получается четвертым поколением врачей, дочь напрямую с медициной не связана, но она возглавляет агентство по организации психологических, психиатрических, неврологических конференций. Отец мой, член-корреспондент АМН СССР, профессор Виктор Михайлович Морозов, был психиатром, а дед, Михаил Акимович Морозов, – академиком АМН СССР, известным вирусологом. Отца психиатры страны знают хорошо: у него на кафедре училось не одно поколение врачей, в Психиатрической клинической больнице №1 им. Н.А.Алексеева он проработал лет 20... Жаль, памятную доску к его 100-летию так и не удалось установить в вестибюле больницы. О дедe следует сказать особо. Главные его заслуги перед человечеством в том, что он изобрел сухую вакцину против оспы, за что получил Государственную премию; создал программу по искоренению оспы во всем мире, да и сам термин «эрадикация» был предложен именно им; в 1959 г. остановил эпидемию оспы, вспыхнувшую в Москве. Когда начали поступать больные, никто не мог поставить диагноз – дед, которому тогда было уже за 80, стал 42-м по счету специалистом, приглашенным для определения заболевания. Он взглянул, сказал: «Это оспа», – и сел писать, как он говорил, «рапОрт» министру здравоохранения – целый план по купированию эпидемии. В Москву было срочно привезено до 7 млн доз сухой вакцины, оперативно проведена вакцинация, и столица была спасена. Дед был очень ярким человеком, которого я на всю жизнь запомнил и которым горжусь.

– Но Вы пошли по стопам отца. Вопрос выбора профессии перед вами не стоял?

– Я с детства очень любил историю, и отец мой интерес поощрял. Мать вспоминает, что как-то застала отца, читающего мне, двухлетнему, сцену атаки батальонов 6-го егерского полка под Шенграбеном из «Войны и мира». И я серьезно хотел стать историком. В выпускном классе отец повел меня как потенциального абитуриента к своему знакомому с одной из кафедр исторического факультета МГУ. И тот совершенно спокойно рассказал, что написал кандидатскую диссертацию о пользе совнархозов, а докторскую – об их вреде. Это как-то моментально прочистило мне мозги, и стало совершенно ясно, что историком я быть не хочу. Когда мы вышли, я сказал отцу: «Я пойду в медицину», – и никогда не пожалел об этом. Сейчас я, как уже говорил выше, скорее организатор науки, издатель, главный редактор, даже просветитель. В медицинском издательстве, в котором работаю уже 17 лет и веду 12 журналов из 27, я обрел свободу: сам себе хозяин: сам пишу статьи, сам их заказываю, сам редактирую поступившие материалы, сам составляю свой график, сам за себя отвечаю и сам себя обеспечиваю. Это, видимо, то, к чему я долгие годы шел.

– Двенадцать журналов плюс преподавательская, организаторская, общественная деятельность... Как справляетесь?

– Бывает тяжело, хотя я склонен к некой поливалентности, что меня и спасает. Еще в юности я открыл для себя, что можно усиливать свою работоспособность, резко переключая род деятельности. Это доказал в свое время в эксперименте великий Н.М.Сеченов. В юные годы я получил дипломы чертежника-деталировщика, радиомонтажника, в зрелые работал на дипломатическом поприще по линии МИДа, был телеведущим авторской программы на канале «Культура», изучал иностранные языки, стал чемпионом Швейцарии по футболу (лига «Ветераны»). Отлично помню, что когда писал докторскую диссертацию (от руки), то в какой-то момент начал записывать на полях сочиненные по ходу дела стихи. Это мне тогда очень помогло, и к тому же получился цикл «Сонеты, написанные на полях диссертации». Эта форма стихосложения учит предельной краткости, концентрации мыслей (да и чувств), ясности изложения.

– Вы не упомянули еще об одной сфере деятельности. В Интернете можно найти информацию о том, что Вы были основным сочинителем музыки и текстов, а также вокалистом и гитаристом довольно известного в 1970-е годы ансамбля «Камертон», созданного Вами и сокурсниками во время учебы во Втором Московском медицинском

институте, побеждали в ТВ-конкурсе «Алло, мы ищем таланты». И одна из песен в исполнении ансамбля прозвучала в фильме «Белорусский вокзал».

– Это правда. Мою песенку отобрал для фильма сам Альфред Шнитке, а учитывая то, что музыкальный лейтмотив картины был сочинен Булатом Окуджавой, можно сказать, что мне очень повезло – я оказался в хорошей компании. Я много писал музыки, песен, играл... Мои песни отмечали Микаэл Таривердиев и Марк Бернес – приятно об этом вспомнить. Музыку до сих пор люблю и до сих пор сочиняю. Недавно выпустили видеодиск, а на его презентации многое пели вживую, даже скакали по сцене, как в молодые годы, несмотря на возраст. Вот что писали в газете родного вуза: «Зал взрывался овациями, замолкал, я видел на глазах у многих слезы, а они все гнали и гнали. Мы все в эти минуты забыли, что участники ансамбля родились в первой половине прошлого столетия... Контакт был полным, иногда даже искрило. Ошеломляющее впечатление от видеоклипов "Математик", "Полонез", "Крылатые мужчины" и бессмертной "Желанной", самого популярного произведения, созданного П.Морозовым. Потрясает история об этой песне, изложенная в брошюре и рассказанная одним из очевидцев: «100-летие нашего РГМУ, несколько лет тому назад это было, вечер всей самодеятельности, даже ректор стихи читает. В конце ждем "Камертон". И тут выходит перед ними наш капитан КВН, бывший военный хирург, и просит представить ребят. Рассказывает такую историю: «Гудермес, вторая чеченская война, в 150 м от линии боя я оперирую раненного в бедро осколком спецназовца. Оперирую без наркоза, под местной анестезией – боль жуткая, на грани потери сознания. Кругом мат, рядом шум боя. А я всегда что-то напеваю, когда оперирую. И вдруг замутненные от боли глаза этого мужественного парня светлеют и он спрашивает меня: "Доктор, откуда Вы знаете эту мелодию?" – "Это наш "Камертон", из 2-го меда написал", – отвечаю. – "А я знаю эту песню с детства – мой отец часто пел ее матери, она говорит, что из-за нее она и замуж за него вышла. Режьте смелее, доктор, – я потерплю!"»

Никогда не расстанусь с носителем, где записано больше 24 ч моей самой любимой музыки, начиная от рок-н-роллов и кончая сонатами Бетховена. Это очень помогает в жизни. С детства был окружен музыкой: бабушка была преподавателем, отец окончил музыкальную школу при консерватории, тетка была ученицей самого Игумнова, ее муж был профессиональным скрипачом, тетка по материнской линии была балериной Большого театра, танце-

вала с Улановой. На всю жизнь запомнил, как на мой пятилетний «юбилей» в нашу комнатенку в коммуналке пришли Ляля Черная, Ром Лебедев и «дядя Вава» Поляков – звезды цыганского театра «Ромэн», и пели всю ночь. Помню, что в начале 1950-х отец с мамой ходили на концерты С.Рихтера и в те тяжелые годы эта музыка была для них единственной отдушиной, единственным успокоением.

– Слушая Ваши рассказы о деде, о родителях, чувствуешь, что росли Вы в атмосфере любви. Да и так экспериментировать в жизни, пробуя делать одно, другое, третье, может только человек, ничего не боящийся, а значит – выросший в любви.

– Мне вообще кажется, что основная часть нашего поколения, появившегося на свет в первые послевоенные годы, была рождена в любви. Его еще называли «поющее поколение» или «поколение бэби-бум» – это была реакция популяции на уничтожение миллионов людей: сначала 37-й год, потом война. И я действительно был окружен любовью со стороны всех. Но история нашей семьи вообще особая. Папа ушел на войну добровольцем, мама поехала к нему на фронт. В 1941 г. они попали в окружение, каждый считал другого погибшим. Отец побывал в немецком концлагере, мать – в гестаповской тюрьме. И когда оказалось, что оба живы, – это было чудом! Мама меня родила в 43 года. Она была абсолютно седой, никто не верил, что она беременна, думали – водянка. Мне было лет шесть, когда начался процесс по «делу врачей» и отца стали вызывать на Лубянку. Так вот мои родители договорились с дедом, чтобы тот меня усыновил в случае чего – деда-то не тронули бы, потому что Сталин очень боялся бактериологической войны (время конфликта в Корее). Я говорю о себе, но думаю, все наше поколение инстинктивно оберегали, опекали, отдавали самое лучшее, мы росли не в злобе, нам не дали нюхать пороху. И поэтому – наверное, смешно прозвучит... – но мы выросли неплохими людьми. Да и профессия у меня гуманистическая – мы имеем дело с душой.

Возвращаясь к психиатрии, скажу, что у меня были хорошие учителя: А.В.Снежневский и мой отец, В.М.Морозов, Э.Я.Штернберг и Р.А.Наджаров, А.Б.Смулевич и Ю.А.Шапкин, М.Я.Цуцульковская и М.Б.Мазурский. В ВОЗ мне посчастливилось работать с П.Кильхольцем и П.Деникером, М.Гамильтоном и Ж.Ангстом, К.Перрисом и Т.Кроу, О.Рафаэльсеном и Ж.Менделевичем, П.Пишо и К.Стефанисом, С.Кети и Н.Кляйном, Г.Гиппиусом и Х.Меззичем, А.Жабленским и Н.Сарториусом, нобелевскими лауреатами К.Гайдушеком и С.Прозинером.

– У каждого врача в багаже есть случаи из практики, запомнившиеся на всю жизнь. Не поделитесь?

– Более 40 лет назад, будучи молодым врачом, я работал в Психиатрической клинической больнице №1 им. Н.А.Алексеева, в то время – им. П.П.Кащенко. У меня тогда была уникальная возможность показывать пациентов клиницистам высочайшего уровня – это бесценный опыт! Было много интересных пациентов. Одного из них я показывал четверым нашим ведущим психиатрам – Р.А.Наджарову, Э.Я.Штернбергу, А.В.Снежневскому и моему отцу – и все четверо поставили абсолютно разные диагнозы (это стало мне хорошим уроком на всю жизнь!). Мне тогда пришлось перелопатить много литературы, чтобы доказать, что при некоторых формах органического заболевания травматического генеза бывает такая же реакция Вассермана, как при сифилитическом поражении, хотя сифилиса нет. Этот случай был настолько непрост, что А.В.Снежневский передал его заведующему отделением, известному психиатру М.Б.Мазурскому. И мне, ординатору второго года, было очень приятно, когда тот, собрав дополнительный анамнез, сказал мне, что ничего нового не нашел и я все сделал правильно.

Еще был один любопытный случай с двумя поварами посольства одной франкоговорящей страны. Эти повара поступили с интервалом в месяц в одно и то же 30-е отделение – закон парных случаев! Мне поручали их вести, потому что я хорошо говорил по-французски. Первого привезли после того, как он устроил в посольстве бучу – подрался, побил сотрудников. Стали разбираться, и выяснилось, что причина не в патологии, а в новой жене посла, которая, приехав, начала заводить свои порядки, в том числе заставляла повара высочайшей квалификации убирать, извините, за своей собакой. Он раз стерпел, второй, а на третий схватил какую-то вазу, швырнул о стену, и понеслось. Я собрал анамнез, показал больного А.В.Снежневскому, тот поставил психопатию – никаких особых аномалий, – и повара выписали. Но, конечно, ему пришлось покинуть посольство. И вот как-то, спустя месяц, прихожу на работу – ко мне бегут: «Иди скорее, там опять повара из того же посольства привезли!» Я думал, разыгрывают. Оказалось – нет! Доставили повара, прибывшего на смену уехавшему. Никогда не забуду, как войдя в кабинет и увидев висящий на стене автопортрет Сезанна (который все почему-то принимали за портрет Ганнушкина), он приложил два пальца к виску и воскликнул подобно Швейку перед портретом императора Франца-Иосифа: «Да здравствует король!» Этот повар действительно оказался болен.

– Такие истории надо записывать! Эту историю транскультуральной психиатрии...

– Я потом, уже в Женеве, очень увлекся этой проблематикой, написал несколько работ, часть из них вошла в мою докторскую. В ряде случаев было с очевидностью доказано, что нарушения, внешне имеющие кросс-культуральные различия, на самом деле имеют строго детерминированные биологические особенности (скажем, пониженный уровень переносимости алкоголя у значительной части лиц монголоидной расы по сравнению с европейцами является следствием особого энзиматического профиля данной популяции). Эта гипотеза была подтверждена в многоцентровом коллаборативном проекте ВОЗ в рамках программы ВОЗ по биологической психиатрии, который я имел честь возглавлять. Другой международный проект – Международное поисковое исследование шизофрении (IPSS) – провело обследование огромной группы больных с помощью стандартизованных инструментов и продемонстрировало, что во всех рассматриваемых культурах имеются больные с одинаковой шизофренической симптоматикой. Интересно, что из девяти центров наиболее существенные различия в диагностике шизофрении в сторону ее расширенной трактовки наблюдались в вашингтонском и московском центрах. J. Leff, отмечая широкую интерпретацию шизофрении в этих двух центрах, объяснял это тем, что американская психиатрия находилась под сильным влиянием психоаналитического направления с его выраженными абстракциями, что привело к широкому толкованию шизофрении. Московская школа психиатров, возглавляемая А.В. Снежневским, уделяла больше внимания течению болезни, вопросам социальной адаптации пациентов и изменениям личности по мере прогрессирования заболевания.

Обсуждая культуральные аспекты классификации, нельзя не отметить, что отечественные психиатры обычно использовали свой собственный «механизм сенситивности» для тщательной оценки самых незначительных изменений личности на эмоциональном уровне. С известной долей осторожности можно предположить, что высокоразвитая эмоциональность, которая является формой сохранения и поддержания социальных связей в некоторых славянских странах, особенно в России, а также в Греции и отчасти в Ирландии, иногда рассматривается (в исторической перспективе) как наследованная реакция населения на сотни лет иностранной оккупации (или диктатуры). Повышенное чувство сострадания, взаимопомощи всегда отличало наш народ от других.

Эти различия приводят к ожесточенным спорам по поводу существования вялотекущей шизофрении (оставим в стороне политические аспекты). Наши психиатры видят изменения личности на эмоциональном уровне, многие западные – нет, у них другие нормы и стандарты эмоциональности, обусловленные историей, культурой и генетикой.

– А как Вы относитесь к идее переименования шизофрении? Японцы за подобный опыт даже премию WPA получили.

– Наш рисованный герой – Иван Ропович Совков – ответил на это предложение, посоветовав назвать болезнь «халвой», – все равно во рту слаще не станет. «Ан-Нусру» тоже пытаются переименовать – суть не меняется, или, извините, милицию – в полицию. В Японии это решалось на уровне парламента, сначала хотели назвать заболевание болезнью Блейлера, но восстало агропромышленное лобби – в японском языке нет буквы «л», и получилась «болезнь бройлера». Конечно, первое время наблюдается некая дестигматизация, но это – временное явление. Несмотря на мой скепсис, я даю возможность молодым психиатрам писать об этом в своих изданиях.

– О Вашей издательской деятельности. Газета «Дневник психиатра», выпускаемая Вами с 2012 г., уже успела стать очень популярной среди специалистов. Чем она отличается от других психиатрических изданий?

– Очень отличается. У меня давно вызревала идея сделать что-то такое интересное, необычное. Еще на заре перестройки мы с французами выпускали журнал «Синапс», где, следуя французской модели, пытались совместить несовместимые на первый взгляд вещи: серьезные профессиональные материалы и гуманитарные, но близкие нашей профессии. Казалось бы, разве такое возможно? Попробовал сам, и оказалось, что если к этому подходить деликатно и интеллигентно, то – можно. Признаюсь, на сегодняшний день собирать «Дневник психиатра» – одно из моих любимых занятий. Я стараюсь наполнить его уникальными, эксклюзивными материалами, будь то история, интервью, научные обзоры и т.п. Можно считать, что эта газета – почти авторская, до 70% написанная мной, газета, в которой я могу говорить о том, что мне действительно интересно, и так, как считаю нужным, порой достаточно жестко. Несмотря на очень хорошие отношения с украинскими коллегами, в «Дневнике психиатра» могу написать о том, что я думаю по поводу разгрома психиатрической больницы в Славянске, или с большим сочувствием написать об огромных проблемах в их армии, связанных с посттравматическими стрессовыми расстройствами, возникающими

у людей во время ведения любых боевых действий, но особенно сильных, когда непрофессионалов вынуждают воевать против собственного народа. Или, например, помните, наверно, как на Первом канале в программе «Познер» Дуня Смирнова публично на всю страну заявила, что российская психиатрия никуда не годится, все психиатры – неграмотные и отсталые, а Владимир Познер с этим согласился. И вся психиатрическая общественность, что называется, «умылась», смолчала. Ну как я мог отреагировать? Сел и очень зло написал все, что об этом думаю, аргументированно доказав, почему Смирнова и Познер не правы, и что они отстали в своих оценках на десятилетия. Растет новое поколение, которое лучше нас, умнее. Я это точно знаю, потому что руководил Комиссией по работе с молодыми психиатрами в Российском обществе психиатров – я всегда окружен молодежью, которая не дает мне «заснуть», с которой мне интересно.

– Вы возлагаете на них надежды?

– Конечно. Потенциал тех, кто приходит к нам на смену, очень хорошо виден в процессе работы проводимых нами школ, конгрессов, симпозиумов. Если конкретнее, то раз в два года проходит Школа молодых психиатров; работает Союз молодых ученых в структуре Российского общества психиатров, он имеет 15 отделений в разных городах и объединяет очень перспективных ребят – за два последних года 70 из них получили гранты на заочную аспирантуру по психофармакологии в известном американском университете. Одна из форм работы – Восточноевропейская академия WPA-Servier; представленные в ней молодые врачи из семи стран СНГ, в совершенстве владеющие русским и английским языками, посещают большие европейские конгрессы психиатров и психофармакологов, обобщают по секциям все услышанное, пишут обзорные статьи и присылают мне. В результате с каждого конгресса мы собираем по 10–12 актуальнейших, живо поданных материалов, содержащих самую свежую информацию. Эти материалы расходятся по психиатрическим журналам России и СНГ и пользуются огромным спросом. В рамках работы Европейской коллегии нейропсихофармакологов в России мы провели в Суздале семинар, по окончании которого лучшие из лучших присутствовавших там молодых психиатров получили гранты на поездки на европейские конгрессы. Ежегодно лучшие представители молодого поколения отправляются на проходящие в Европе школы по психофармакотерапии – общей, а также детского и пожилого возраста, участвуют в международных проектах по исследованию шизофрении. Ребятам есть к чему стремиться, и они знают,

что добиться этого может каждый, главное – интересоваться наукой и знать иностранный язык.

– В «Дневнике психиатра» появилась новая рубрика «Не психиатрией единой», где Вы дебутируете как исследователь-историк и искусствовед. Зная Вашу разносторонность, хотела бы поинтересоваться Вашими пристрастиями: в литературе, живописи, музыке.

– Вряд ли это интересно. Я достаточно консервативен в своих вкусах – то, что нравилось в 20 лет, люблю и сейчас. Это Пушкин, «Онегина» в исполнении Смоктуновского в машине слушаю часами и постоянно удивляюсь: современности и иронии, точности и самоиронии. И много чему еще. Это Булгаков, очень люблю «Слово о полку Игореве», больше 50 лет слежу за специальной литературой, «Гамлета» (это ясно из моих лекций). В музыке – Бетховен, Шопен, Прокофьев...

– А в современной?

– Леннон, Маккартни, Ллойд Вебер, старые польские хиты, французы, Франсис Габрель в частности. Живопись – флорентийская, об этом можно судить по обложкам моего журнала, да и «Дневник психиатра» выходит в цветах флорентийской штукатурки. Импрессионистов люблю.

– Спорт? Вы о футболе говорили...

– Лет 40 мяч гонял, да и «болел» неистово. На стадион меня, восьмилетнего, привели В.М.Морозов и Р.А.Наджаров, с тех пор и «заболел». Люблю стрельбу, первое ружье мне покупали еще в 1955 г. отец с Н.Г.Шумским. Занимался стрельбой в институте, в 1972 г. даже выиграл первенство района. Стреляю регулярно до сих пор, у меня тир на даче. Этот вид спорта учит терпению, вниманию и концентрации. Кстати, и футбол научил меня многому, прежде всего развитию волевых усилий, умению играть через «не могу», возвращаться назад при срыве атаки в конце матча, когда казалось, что сил не осталось. Я ведь человек способный, мне все легко давалось с детства, позже я понял, что самая сладкая победа – это победа над собой. И детей я этому учил.

– Другие увлечения?

– Чтение, конечно же. История. Спутниковое телевидение. Мое поколение жило на голодном информационном пайке, а потребность знать все была огромная. Поэтому, когда стало возможно, я водрузил тарелку на крышу и стал смотреть весь мир, благо языки я знаю. Да и дочь как-то незаметно английский выучила аудиовизуальным методом. Еще самовары тульского завода Слиозберга собираю, он был мужем моей тетки, личность весьма колоритная, кинопродюсер,

о нем оставили очень интересные воспоминания писатель Борис Васильев, режиссер Элем Климов и актер Евгений Стеблов.

Но самая большая страсть – по-прежнему музыка. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает. Но и любовь – мелодия...» – говорил Пушкин. Думаю, что создание музыки, да и любое творчество – еще большее наслаждение, чем сама музыка.

– Ну и по традиции: о Ваших планах.

– Человек предполагает, а Бог – располагает... Но долги есть: надо закончить работу по созданию антологии русской психиатрии, перевести текст на английский и издать; номер журнала о российской психиатрии на Западе издать необходимо, молодежи помогать следует всяческим образом – с ними интересно. Для них же в первую очередь хотелось и другие антологии перевести на русский и издать. Есть материалы, уже частично опубликованные с моим предисловием о выдающихся психиатрах XX в. (ведь многих я знал лично), попробую книгу издать. В апреле – 50 лет «Камертону». Посмотрим. Школу в Суздале надо провести очередную, я теперь «на тренерской работе», являюсь ее ректором. Далеко не загадываю.

Вообще-то последние годы были продуктивными. Академик Капица говорил, что первые 25 лет человек не приносит пользу обществу – он берет от него: учится и так далее, потом до 50 он так же малополезен: строит семью, делает карьеру, растит детей. С его точки зрения, самый продуктивный возраст – с 50 до 75 лет, когда стабильность достигнута, дети пристроены и ты можешь заняться тем, что тебе особенно интересно. И тогда ты наиболее полезен и продуктивен для общества.

– Это Ваш возраст, а что потом?

– А потом, утверждает Капица, до 100 лет живешь исключительно для себя.

– Ну что ж, пожелаю Вам плавного перехода к удовольствиям жизни, но что-то мне подсказывает, что Вы не успокоитесь и после этого.

Беседа велла Ольга Борисова

П.В.Морозов

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИНТЕРВЬЮ

За последующие три года П.В.Морозов выпустил три книги: «Антологию текстов отечественных психиатров», «Выдающиеся психиатры XX века» и «Титаны психиатрии» (эта – четвертая, готовится к печати и пятая, по психофармакотерапии); как ректор, отметил 40-летие Суздальских школ (проведя при этом еще две из них), отпраздновал 20-летие журнала имени П.Б.Ганнушкина, перевел «Дневник психиатра» в видеOVERSIU, отметил 50-летие «Камертона» выходом юбилейного видеодиска ансамбля, выпустил в Великобритании специальный номер журна-

нала, целиком посвященный российской психиатрии, подписал в печать книгу стихов «Сонеты на открытках» и готовит новый сборник, закончил сценарную повесть «Свихнулся век», создал ряд новых песен.

Почти два года назад у него родилась внучка, а в октябре 2020 года Генассамблея Всемирной психиатрической ассоциации единодушно избрала П.В.Морозова Генеральным Секретарем ВПА.

П.В. Морозов

ИЗ ДНЕВНИКА ПСИХИАТРА

Подписано в печать 29.10.2020.
Формат 60×90/16. Объем 16,5 п.л.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Гарнитура Georgia.

ООО «ММА «МедиаМедика»
Тел.: (495) 926-29-83
Сайт: con-med.ru
E-mail: media@con-med.ru

